КРАСНОЕ
ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИБ
К827

2277/084
ГИБ
К827

КРАСНОЕ ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ

СБОРНИК РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ КО ДНЮ X ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К.В.ОСТРОВИТЯНОВА

ИЗДАНИЕ ЗАМОСКВОРЕЦКОГО РАЙОННОГО КОМИТЕТА В·К·П·(б)
И ЗАМОСКВОРЕЦКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ
1927

Красное Замоскворечье

ГИБ
К 827

СБОРНИК

РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ
КО ДНЮ X-тия
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. В. ОСТРОВИТЯНОВА

ИЗДАНИЕ
Замоскворецкого Районного Комитета ВКП(б)
и Замоскворецкого Совета Раб. и Кр. Депутатов
МОСКВА — 1927 г.

П

К.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГИБ
К827р

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГИЗ'а.
Москва. Пятницкая, 71.
Мосгублит № 47826.
Зак. 5018. Тираж 5.000.

БИБЛИОТЕКА
Спец. фонд

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

17475

сф
5260

1430
.К7
17475

ОТ РЕДАКЦИИ.

Сборник «Красное Замоскворечье», выпускаемый к десятилетней годовщине Октябрьской революции, не ставит своей задачей дать более или менее полный и систематизированный очерк революционной истории Замоскворецкого района. Он дает только отрывочные воспоминания отдельных участников революционной борьбы замоскворецких рабочих, начиная приблизительно с 1912 года и кончая октябрьским восстанием. Когда-нибудь историк революционной борьбы московского пролетариата по этим отрывочным воспоминаниям воспроизведет цельную картину как революционной истории Замоскворечья, так и героического восстания замоскворецких рабочих в дни Октября.

Призыв со стороны замоскворецкой октябрьской комиссии, обращенный к участникам революционной борьбы замоскворецких рабочих, встретил живой, хотя и очень запоздалый отклик.

К сожалению, размеры сборника не позволили нам использовать и половины поступившего к нам материала. Да и тот материал, который нами помещен, пришлось подвергнуть очень большим сокращениям.

Все то, что по тем или иным соображениям не смогло попасть в этот сборник, будет передано в Истпарт.

Первоначально предполагалось в конце сборника поместить портреты и краткие биографии товарищей, погибших в октябрьские дни. Однако, к величайшему сожалению, этого сделать не удалось в силу той спешки, с которой выпускался сборник.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Выпускаемый юбилейный сборник воспоминаний отражает три периода борьбы рабочих Замоскворечья: период дореволюционный, от февраля к октябрю и Октябрь.

Характеристика борьбы всех этих периодов дает картину того, как и в каких условиях складывалась ВКП (б) — эта боевая организация рабочего класса, которая вела за собой рабочие массы на борьбу с царизмом, с буржуазией, на баррикадные бои в октябрьские дни и в гражданскую войну против многочисленных врагов Советского Союза.

В условиях капиталистически-полицейского режима, в душной фабрично-заводской атмосфере рождались сначала единичные борцы, а затем группки, которые потом вырастали и оформлялись в организацию, используя все легальные и нелегальные возможности, воспитывали и вербовали сознательных пролетариев для борьбы с существующим режимом.

Помещаемые статьи тт. Тихомирова, Фокина и Островитянова как раз характеризуют этот период в жизни Замоскворечья.

Многим из современников этого периода, прошедшим суровую фабрично-заводскую школу, побывавшим неоднократно в тюрьмах и ссылках, пришлось быть также и руководителями боев последующих периодов Февральской и великой Октябрьской революций.

Начиная с первых дней Февральской революции Замоскворецкая организация, учитывая задачи, стоящие перед всем пролетариатом, вела упорно подготовительную работу в рабочих массах, непосредственно подготовляя их к великим боям. В Замоскворечьи задолго до октябрьских боев создавались базы оружия; так, например, завод Михельсон имел значительное количество винтовок и револьверов, которые были спрятаны в стенах завода.

Накануне Октября все фабрики и заводы были на-чеку, образовались подрайоны, и все ждали только сигнала к вос-

станию. Замоскворецкая организация к октябрьским дням окончательно завоевала доверие рабочих масс и являлась единственным руководителем рабочих масс района. Меньшевикам, эсерам и другим партиям уже никто из рабочих не верил.

Замоскворецкая организация нашей партии, ведя на баррикады рабочие массы в октябрьские дни, заняла самые важные стратегические пункты Москвы и сыграла огромную роль не только отражая натиск белогвардейцев, но и наступая на такие важные пункты, как мосты через реку, а затем на штаб военного округа и юнкерское училище на Арбате. Победа над юнкерами в этих районах в значительной степени предрешила исход октябрьского восстания в Москве.

В нашем сборнике живые участники ярко и образно рисуют отдельные эпизоды великой борьбы рабочего класса, которые могут служить документом для будущего историка этой борьбы.

В нем есть также лучшие образцы героизма, самопожертвования и товарищеской спайки, которые послужат примером для нашей молодежи.

Выпуская настоящий сборник, мы стремимся к тому, чтобы он стал документом, доступным для широкого круга партийцев и рабочих, знакомящим их с славной историей революционной борьбы Красного Замоскворечья.

Председатель Замоскворецкой октябрьской комиссии А б р а м о в.

ВВЕДЕНИЕ.

Замоскворецкий район является одним из наиболее пролетарских районов города Москвы. Он включает в себя целый ряд крупных металлических заводов, крупнейших текстильных фабрик, большое количество кожевенных предприятий и т. д. и т. д. Роль Замоскворецкого района в революционном движении московского пролетариата огромна. Немудрено поэтому, что уже в течение многих лет идея издания сборника революционных воспоминаний по Замоскворечью занимала как Замоскворецкий райком, так и отдельных старых работников, старожилов этого района. Однако до сего времени эта идея не могла найти своего осуществления. Очевидно, эпоха лихорадочного социалистического строительства, когда люди творят историю, не является благоприятной для того, чтобы записывать прошлое, тем более еще такое близкое. И понадобился десятилетний юбилей октябрьского восстания, чтобы заставить отдельных его участников взяться за перо и записать для истории славные страницы героической борьбы замоскворецких рабочих.

Однако мы не сочли возможным ограничить круг наших воспоминаний эпизодами, относящимися непосредственно к октябрьскому восстанию. Октябрь своими корнями уходит в глубину дореволюционного прошлого. Лишь постепенно созревали в недрах этого прошлого те силы, которые привели московских и в том числе замоскворецких рабочих сначала к героической борьбе, а затем и к славной победе в великие октябрьские дни.

Само собою разумеется, что менее всего имелось в нашем распоряжении материала для освещения первого периода, охватывающего приблизительно период империалистической войны и несколько лет непосредственно ей предшествовавших. Годы, предшествовавшие войне, как известно, характеризовались подъемом рабочего движения. Знаменитая забастовка текстильщиков Замоскворецкого района, описанная т. Тихомировым, и отражает этот подъем рабочего движения.

С ним же связано и то оживление деятельности социал-демократических большевистских студенческих групп, которое имело место в 1912/13 и частью 14 годах, которое описано в воспоминаниях тов. Фокина. Империалистическая война разбила поднимающуюся волну рабочего движения. Настало царство шовинизма и разгула полицейщины и реакции. В этот период в истории революционного движения замоскворецких рабочих исключительная роль выпадает на группу социал-демократов большевиков-студентов Коммерческого института, теперь института Народного хозяйства имени Плеханова.

Центром революционного движения в Замоскворечьи становится студенческая столовка, которую эта группа избирает базой для своей работы. К этому центру тяготеют отдельные немногочисленные социал-демократические ячейки, кружки и одиночки, которые имеются на фабриках и заводах Замоскворечья. Отсюда же исходят бесчисленные попытки организации общемосковского штаба нашей партии Московского комитета, отсюда поставляются агитаторы и пропагандисты для рабочих кружков, массовок и т. д. как для Замоскворечья, так и для других районов Москвы, отсюда распространяются по фабрикам и заводам листовки, прокламации и нелегальная литература.

Этим и объясняется тот факт, что в нашем сборнике мы значительное место уделяем освещению работы «столовки» и «столовцев».

Все эти картины дореволюционного прошлого: и забастовка текстильщиков, изнемогающих в непосильной борьбе против капитала, на помощь которому приходит и кооперация, и суд, и полиция, и те условия нелегальной борьбы, которую кучки социал-демократов большевиков из рабочих и студентов ведут против царизма, подвергаясь преследованиям охранки, перенося тюрьмы и ссылки—все эти картины, как они далеки от тех условий, в которых теперь живет и борется рабочий класс и его авангард коммунистическая партия, и как они поучительны, в особенности, для молодого поколения, не прошедшего суровой школы борьбы с царизмом.

Те социал-демократические большевистские ячейки, которые сложились в обстановке подполья и составили впоследствии в период Февральской, а затем и Октябрьской революции основной костяк Замоскворецкой организации ВКП (б).

Февральская революция привела в движение громаднейшие пласты рабочих и солдатских масс Замоскворечья. Настроение этих масс в первые дни отличалось бесформенностью. Затем они прошли через увлечение соглашательскими партиями. Весь период от февраля до Октября характери-

зуется постепенным полевением их, переходом с соглашательских позиций на революционные, большевистские позиции. Исключительную сплоченность и организованность проявляет в этом периоде Замоскворецкая организация коммунистической партии, начиная с возглавляющего ее штаба в лице райкома и кончая ее последними звеньями — ячейками фабрик и заводов. Борьба за массы идет всюду на митингах, собраниях, в заводских комитетах, в Замоскворецком совете. Вместе с тем, ведя борьбу с меньшевиками и эсерами за массы, наши партийные организации создают Красную гвардию, запасают и изготовляют оружие, словом, готовят вооруженное восстание.

Огромную роль в этот период играет завод Михельсон — оплот коммунистической партии, краса и гордость Замоскворечья. Уже в этот период замоскворецкие рабочие начинают понимать, что один рабочий класс, изолированно от крестьянства, в то время в очень большом проценте одетого в серые шинели, победить не может. Отсюда посылка рабочими на фронт литературы, отсюда смычка заводов с воинскими частями, наиболее ярким примером которой является создание объединенного комитета заводом Михельсон и 55-м полком.

Вместе с тем, по мере роста политического сознания рабочих, они начинают стихийно подходить к контролю и овладению производством и, наоборот, капиталисты постепенно начинают «охладевать» к своей собственности на средства производства и начинают свой знаменитый саботаж. Воспоминания рабочих, освещающих жизнь отдельных фабрик и заводов на-ряду с освещением роста политической сознательности рабочего класса, дают необычайно яркие картинки экономической борьбы: забастовка на заводе «Мотор», длящаяся вплоть до Октябрьской революции, цинделевский завком, контролирующий выпуск мануфактуры с завода и «вымогающий» у фабриканта 40 000 руб., и особняк для первого в Москве рабочего детского сада, рабочий Варшавского арматурного завода Чигарков, добывающий топливо для завода...

Не являются ли все эти факты яркими показателями того глубокого перелома, который происходит в сознании и психологии рабочих масс. Еще задолго до октябрьского восстания и до декрета о национализации фабрик и заводов они уже смотрят на эти фабрики и заводы, как на то наследство, которое к ним скоро перейдет по историческому праву и которое поэтому надо охранять, как зеницу ока, от их теперешних хозяев.

Однако период империалистической войны и Февральской революции есть только пролог к великой Октябрьской революции.

Первая черта, которая характеризует октябрьское восстание в Замоскворечье это то, что героем его является доподлинная рабочая и солдатская масса.

В то время, когда в центре еще колеблются по вопросу о том, время или не время давать решительный бой, массы давно решили что время и осаждают центр требованиями о немедленном выступлении.

Вторая черта — это политическая организованность рабочего класса, при отсутствии сколько-нибудь приличной военной организации.

Политическая организованность заключается в том, что рабочая масса имеет общепризнанного вождя — коммунистическую партию, которой безусловно верит и за которой идет. Сначала райком, а впоследствии совет или ревком вот те места, куда привычно тянутся рабочие с фабрик и заводов за получением директив, за разъяснениями, за помощью и в распоряжение кого они готовы в любую минуту себя отдать. В этом была политическая организованность рабочего класса. Однако военная организация была необычайно слаба. Яркие примеры этого мы находим в воспоминаниях участников: командир, оставляющий свою часть для того, чтобы пойти в разведку, сутолока и неразбериха в штабе, недостаток оружия, самовольные диверсии Варшавского арматурного завода, ставящего себе самостоятельные стратегические задачи... Да и можно ли этому удивляться, когда многие из тех, кто самоотверженно ведет бой, чуть ли не впервые держат в руках винтовки в то время, как им противостоят опытные и хорошо вооруженные юнкерские школы.

Бросается в глаза при чтении этих воспоминаний необычайное обострение классовых антагонизмов; все, что было соглашательского, меньшевистского, сошло со сцены, стушевалось. Такова логика революционной борьбы. По одну сторону баррикады рабочие и солдаты, а по другую — юнкера, офицеры, студенты. Коммерческий институт, давший свыше 200—250 белогвардейцев, борьба солдат 55-го полка со своим командным составом, с одной стороны, и школой прапорщиков — с другой, тишина Замоскворечья, заселенного рабочими, и грохот стрельбы из домов буржуазной Остоженки по рабочим отрядам—все это яркие показатели этого обострения.

По мере развития боевых действий мы наблюдаем, как не по дням, а буквально по часам растет сила восставших

рабочих и постепенно иссякают силы юнкеров. Рабочая масса с каждым выстрелом все более и более втягивалась в борьбу, и юнкера не могли не чувствовать этой стихийной силы, которая прет на них из районов тем сильнее, чем больше они ей сопротивляются... На место одного выбывшего из строя становятся двое, а за ними еще стоят неисчерпаемые резервы фабрик и заводов.

Между окопами, фабриками и заводами полное единство.

И здесь опять в высшей степени интересные картинки дают воспоминания тех участников переворота, которые проводили его на фабриках и заводах. У тех, кто сражался в окопах на Остоженке, у Каменного моста и т. д., был крепкий, зараженный той же волей к победе тыл. Не было ни одной фабрики или завода, которые бы так или иначе не участвовали в этой борьбе. Везде были свои военно-революционные комитеты, вооруженные отряды, задачи которых заключались в охране фабрики и в наблюдении за охраной революционного порядка в окружающем фабрику районе. В этом отношении в высшей степени показательным является случай захвата цинделевским отрядом банды громил, забравшихся в часовой магазин...

В результате этого за время боев в районе, за исключением двух-трех попыток, не было ни одного грабежа.

Необходимо также отметить, что героизм, проявленный рабочим классом в этом восстании, сочетался с необычайным великодушием... Ни один волос не упал с головы тех юнкеров и офицеров, которые сдались в плен, несмотря на то, что это было после того, как они в течение 6-7 дней осыпали рабочих пулеметным огнем. Эти рабочие, которых юнкера и офицеры презрительно называли «чернью», как тот командир школы прапорщиков, о котором говорит т. Сокол в своих воспоминаниях, оказались великодушнее своих «культурных» противников.

Нельзя в заключение не отметить некоторых героев восстания: имена — ныне умершего профессора астрономии Штернберга, руководителя октябрьских боев в Замоскворечьи, рабочего Добрынина, Люси Лисиновой и многих других навсегда войдут в историю как имена неразрывно связанные с героическим восстанием замоскворецкого пролетариата в великие октябрьские дни 1917 года.

К. Островитянов.

ОТДЕЛ I

Замоскворечье в годы царизма.

Ф. ТИХОМИРОВ.

Воспоминания о революционной борьбе замоскворецких рабочих в период царизма.

Начинались выборы в IV Государственную думу. В Москве действовал тогда Роман Малиновский, оказавшийся впоследствии провокатором. Накануне выборов он явился в Даниловку в потребительское общество «Солидарность» к т. Хорькову. Тот прислал за мной в союз; пришел в «Солидарность». Меня знакомят с Малиновским. Но я его уже встречал раньше на Всероссийском съезде фабрично-заводских врачей в 1909 г. Он заявил, что хочет со мной переговорить по секретному делу и просил сходить к нам в союз. Здесь он мне объявил, что выдвинут партией большевиков и т. Лениным кандидатом в члены IV Государственной думы от рабочих. Дальше он рассказал, что меньшевики готовы его поддержать, так как он не стоит на почве непримиримой фракционности. Меня он просил принять участие в выборной кампании, чтобы обеспечить поддержку его кандидатуры со стороны рабочих-текстильщиков. В подтверждение своих слов он сослался на присяжного поверенного А. М. Никитина (меньшевика) и бывшего секретаря Центрального бюро союзов в 1907 г. Сергея Александровича (под кличкой «Мартын» — фамилии не помню), который впоследствии оказался провокатором. Навел я справки, переговорил с товарищами по союзу, и мы решили поддержать кандидатуру Р. Малиновского.

У меня в это время совершенно развалились сапоги. Ходить не в чем было; была осень. Я лишен был возможности принять участие в предвыборной кампании. Тогда Р. Малиновский заявил мне, что мне будут куплены галоши и возмещены все трамвайные расходы. По его словам, германская социал-демократическая партия прислала на выборную кам-

панию 200 руб., которые находятся у вышеупомянутого «Сергея Александровича». С письмом Р. Малиновского я отправился к последнему и получил все 200 руб. на расходы. Вооруженный новыми галошами я принялся за предвыборную работу. Малиновский предложил мне ежедневно с ним встречаться по утрам в здании съезда мировых судей или же на квартире районного организатора «Кацапа» на Б. Ордынке. Прихожу я в условленное время в здание съезда. За мной привязался ходить какой-то подозрительный субъект. Я ушел, не дождавшись Малиновского. Встретил потом Малиновского на квартире «Кацапа», рассказал ему про это. Он ничего особенного не сказал в ответ, но охотно согласился с моим предложением переменить место свиданий. В это время уже начались выборы по фабрикам. Они шли удачно, и рабочие проводили желательных нам кандидатов. Затем я организовал из прошедших выборщиков группу своих ребят, чтобы руководить предвыборными собраниями выборщиков, где предстояло избрать 18 человек в рабочую избирательную курию. В эту группу вошли: С. Янкин, М. Федорков, Герасимов, Хорьков, я, как представитель союза, и Р. Малиновский.

Собрались мы как-то в чайной на Б. Тульской ул. Явился Малиновский. Сел с нами рядом, вынул из бокового кармана пальто тетрадь и стал читать что-то вроде статьи, заявив, что текст этот одобрен т. Лениным. Он говорил очень хвастливо, уверяя, что его работа в данный момент имеет огромное значение для всего русского рабочего движения. Здесь же в чайной мы наметили план действий для проведения желательных нам 18 выборщиков. Организация кампании была возложена на меня. От имени выборного с фабрики Мещерина М. Федоркова я подал московскому градоначальнику заявление о разрешении собрания всех рабочих-выборщиков с фабрик и заводов Московской губернии. Всем выборщикам были разосланы повестки с указанием дня и места собрания. Московский градоначальник не разрешил собрание. Делегаты, приезжая в Москву, направлялись по указанному адресу, где мною был установлен патруль, который направлял всех их в М. Харитоньевский пер. в Работный дом, где было Московским городским управлением отведено для выборщиков помещение для ночлега.

10 часов вечера. Канун выборов. Собралось всего около 90% рабочих выборщиков. Мне туда попасть не удалось. Наши ребята хорошо подготовленные открыли собрание, выработали платформу и наметили кандидатский список, который уже после часа ночи передали мне через одного

товарища. К 4 часам утра этот список был отпечатан на гектографе в количестве 500 штук. А знаете, где мы его печатали? На крыше дома, на углу Мясницкой и Лубянки, откуда показывали световую рекламу. В той самой будке, где стоял волшебный фонарь, сидел один из наших товарищей, с помощью которого мы тут же и оборудовали импровизированную предвыборную типографию.

На следующий день, когда в помещении городской думы собрались выборные, то всем им были розданы гектографские списки, согласно которым рабочие и избрали 18 своих представителей, принимавших участие в выборах депутатов от Московской губернии. Как известно, один из депутатов губернии должен был быть рабочий, причем, именно, из числа этих 18. Вот тут чуть не произошел раскол в рабочей курии. Часть стояла за Малиновского, другая часть за слесаря Савинова. Победил Малиновский. Все хорошо знают, кем оказался этот страшный человек, напоминающий по своей деятельности Азефа. После Октябрьской революции Малиновский был расстрелян как провокатор, а Савинов как один из организаторов ярославского восстания.

После выборов в 2 часа ночи по предписанию Московской охранки я был арестован у себя на дому. Я спал, когда явилась полиция. При обыске ничего не нашли. Отобрали 18 руб. союзных денег. На допросе в охранке предъявили обвинение в принадлежности к социал-демократической партии.

Забастовка текстильщиков Замоскворечья в 1913 году.

15 июня на фабрике Ганшина и Вирц забастовали 541 чел. рабочих. Спустя несколько дней забастовка перекинулась на ряд других фабрик и охватила до 8 291 человек, 20 июня т-во Белова (525 человек) в Таганке, 22-го Зелиг и Мейер (625 человек), 24-го Михайлова (1 500 человек), 2 июля — Вебер (400 человек), 4-го и 5-го на двух фабриках Алексеева (1 000 человек), 10—11-го Бутикова (1 500 человек), Флетчера (1 200 человек) и 22 июля — Рябова (1 000 человек). Я прибыл в Москву 27 июня и прямо с вокзала отправился к михайловским рабочим и стал разыскивать делегатов. Нашел двух своих товарищей — Бурмистрова Л. Я. и Рыбакова (последний умер в 1924 г.) и выяснил через них всю картину разыгравшихся событий.

Стачка возникла на почве резкого ухудшения условий труда. Рабочие считали, что эти условия значительно хуже

тех, которые были в 1906 году. Они выставили следующие требования:

а) убавить меру кусков до той нормы, которая существовала в 1906 году;

б) увеличить расценок на некоторые сорта от 5 до 10 коп. на аршин;

в) выдавать квартирные деньги рабочим, живущим на вольных квартирах, и не вычитать из заработка рабочих, живущих на хозяйских квартирах, плату за последние;

г) не производить во время пасхального перерыва полного расчета с рабочими, т. е. считать рабочих не уволенными и подлежащими новому найму после перерыва, а только находящимися в отпуску;

д) обеспечить рабочим вежливое обращение с ними со стороны всей фабричной администрации;

е) уплатить за время забастовки всем и никого не увольнять за забастовку.

Никакой организации у бастующих не было. Они посылали депутацию к рабочим-печатникам типографии Сытина с просьбой оказать им материальную поддержку. Как раз в этот же момент забастовало, как я уже выше упоминал, еще несколько текстильных фабрик. В целях успешной борьбы, решено было объединить рабочих всех бастующих фабрик.

Были выбраны делегаты по одному на каждые 500 человек и состоялось первое делегатское собрание. Было решено, что делегаты собираются ежедневно, составляют отчет о ходе забастовки для посылки в рабочие газеты в Петербург с тем, чтобы газеты с информацией о забастовке распределялись среди бастующих рабочих делегатами каждой фабрики. Раздача должна была быть бесплатной, и потому газеты должны были закупаться на общие стачечные средства. Прошло еще несколько дней и в забастовку был вовлечен ряд новых фабрик.

Московский союз текстильщиков, находящийся в Замоскворечье, был организационно слаб. Из членов правления осталось только трое — Архипенков К., Звездин И. и Цветков П. Работала еще в союзе безработная Зайцева П. Я снова вошел в него в качестве платного секретаря. Фактически союз оставался без руководителей. Архипенков К. работал на фабрике Мещерина и не располагал свободным временем. Звездин И. ввиду летнего времени уехал на родину, а Цветков был арестован как делегат бастующих рабочих своей фабрики. Таким образом вся тяжесть по руководству вспыхнувшей забастовкой падала на меня и т. Зайцеву. Много

труда приходилось тратить на спайку делегатского собрания, на собирание информаций, на получение рабочих газет и распределение их среди бастующих.

Делегатские собрания продолжались по нескольку часов. Кроме того, в течение всего дня были установлены дежурства делегатов.

По постановлению делегатского собрания рабочие не брали расчета и паспортов на-руки из контор фабрик. Тогда фабриканты отсылали паспорта в участки для вручения через полицию бастующим рабочим, а следуемые последним деньги вносили в депозит Московской казенной палаты. Полиция стала вызывать рабочих для получения паспортов, но рабочие отказывались итти. На фабрике Михайлова прибегли к такому приему: одному конторщику фабрики поручено было разнести паспорта рабочим по их квартирам с приложением к каждому паспорту двух рублей на водку. Но к чести рабочих из 1 184 человека приняла паспорта только 32, соблазненные главным образом «водочной премией», которую они пропили в ближайших кабаках. Интересно отметить, что жены этих подверженных алкогольной слабости рабочих, узнав о случившемся, осыпали их укорами и попреками, называя изменниками и предателями. Большинство из этих соблазненных, устыдившись, вручило паспорта своим делегатам.

Помню еще такой случай. У одной работницы умерли одновременно двое детей и муж. На фабрике Михайлова существовал обычай, согласно которому фабрикант выдавал пособие на погребение своих рабочих или членов их семей. Работница, на которую свалилось неожиданное горе, не решилась отправиться в контору раньше, чем не получила на это разрешение делегата. В конторе ей предложили получить пособие на похороны, но при этом взять на руки свой паспорт. Работница отказалась это сделать, а ей в отместку отказали дать на погребение. На погребение первого ребенка ей собрали товарищи по фабрике, а на похороны мужа и второго ребенка было выдано пособие союзом из средств, собранных в пользу бастующих. Работницы проявляли много героизма в эти дни. На одной из фабрик существовали ясли, где детям рабочих выдавалось молоко. Во время стачки ясли были закрыты, детей туда не допускали и прекратили выдачу молока грудным младенцам. Администрация фабрики согласна была все это восстановить, если работницы пойдут на работу. Но матери-работницы мужественно держались и на эту подлую приманку капиталиста ответили гневным отказом.

Забастовка объединила и фабрикантов. Прошло уже 20 дней, фабриканты не сдавались. На общем их собрании

было решено не уступать в момент стачки. Это решение мотивировалось тем, что победа стачечников приведет к забастовке и всех остальных текстильных фабрик, рабочие которых с напряженным вниманием следят за исходом начавшейся забастовки. Таким образом фабриканты забастовавших предприятий охраняли интересы тех, где забастовки еще не было. Взамен этого последние должны были вырабатывать для бастующих фабрик те сорта товара, которых не имеется на их складах, чтобы таким путем сохранить за ними их постоянных покупателей. В это же время у фабрикантов начала действовать система страхования от стачек. Надо сказать определенно, что фабриканты действовали очень сплоченно и организованно.

Под их несомненным влиянием лавочники, которые кредитовали рабочих, отказались поставлять продовольствие. Делегатское собрание постановило подвергнуть бойкоту после окончания стачки всех тех лавочников, которые будут действовать на-руку фабрикантам. Это постановление было опубликовано в рабочих газетах и повлияло на лавочников. При фабриках Алексеева существовал свой местный кооператив «Прогресс», который постановил снабжать продуктами своих бастующих членов до последнего момента, пока иссякнут все средства и предоставленный ему кредит. Характерно отметить, что как раз в этот момент от Московского союза потребительских обществ последовало уведомление, что он не будет кредитовать кооператив на время забастовки его членов. Туго приходилось бастующим. Забастовочный фонд, которым располагал наш союз, заключался в 643 руб. 35 коп.

Помощь оказывали только в самых крайних случаях: 20 коп. в день выдавали на взрослого и 5 коп. на ребенка.

Действиями фабрикантов руководило все более укреплявшееся «Общество фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района», при котором существовал фонд страхования от забастовок. Председателем общества состоял «французский гражданин» Гужон. Общество решило взять рабочих измором и выбросить на улицу бастующих из занимаемых ими фабричных помещений. Началось с фабрики Михайлова. Фабричная администрация подала мировому судье прошение с требованием выселения 80 рабочих, причем в число подлежащих выселению были включены самые старые рабочие, проработавшие на этой фабрике от 25 до 35 лет. Расчет был определенный. Заставить этих сжившихся с фабрикой и политически наименее стойких рабочих стать на

работу и этим повлиять на более молодую часть забастовщиков. Интересно было наблюдать картину, когда в день разбора дела 7/VIII у мирового судьи, небольшой М. Строченовский переулочек, где находилась камера судьи, заполнила тысячная масса рабочих. Явилась буквально вся фабрика. Союз пригласил для защиты интересов рабочих присяжного поверенного М. Б. Розенберга. Со стороны фабрикантов выступил присяжный поверенный Измайлов, который после Февральской революции издавал в Москве, а затем у белых черносотенные газеты.

М. Б. Розенберг еще не явился в камеру, а хозяйский юрист уже стал требовать, чтобы мировой судья приступил к слушанию дела. Судья, узнав о том, что рабочие ждут своего поверенного, отказался начинать разбор дела до прибытия последнего. Рабочие юридически были бессильны бороться с требованием хозяина. Царские законы предоставляли ему право распоряжаться своими помещениями как ему угодно, оставляя без крова сотни семейных рабочих. Наша задача сводилась к тому, чтобы добиться отсрочки выселения. Фабрикант требовал, чтобы рабочие очистили помещение в три дня. Наш поверенный настаивал на сроке в 14 дней. Судья остановился на средней цифре и предоставил рабочим недельный срок. По закону фабрикант должен был предъявить иск о выселении к каждому рабочему отдельно, а судья также отдельно должен был рассматривать каждое дело. После рассмотрения двух первых исков наш поверенный уехал, и рабочие сами стали давать объяснения судье.

Выходили к столу убеленные сединами старики, сгорбившиеся старухи, старая рабочая гвардия этой фабрики, которой они отдали десятки лет своей трудовой жизни.

«Нас заставили бастовать благодаря невыносимым условиям труда, — говорили они судье. — Мы всю жизнь прожили на этой фабрике, никогда не судились и даже в участке не бывали. Дальше терпеть сил не стало. Если нас выбросят, будем ночевать на берегу Москвы-реки, а бастовать не перестанем, пока нам не дадут жить по-человечески».

Некоторые из выселяемых предлагали платить за время забастовки за занимаемые ими комнаты, но хозяйский адвокат и слышать об этом не хотел. «Вон, к чорту!» — и больше никаких. В камере помещалось всего только несколько десятков человек. Остальная масса рабочих находилась на улице. И здесь, и в самой камере стоял шум и царило необычайное возбуждение. К концу заседания присяжный поверенный Измайлов подает судье прошение о выселении

17475 12428
при Ц. К. В. К. П. (б.)
С. Ф. 5266

второй партии рабочих в 120 человек. Эта необычная порция исков вывела из себя и судейского чиновника.

«Я не могу разбирать такой массы исков здесь у себя в камере. Если найдете у себя на фабрике помещение, то я приеду туда разбирать на месте ваши дела».

Естественно, что неправота фабриканта и его жестокость, столь обнаженно демонстрируемая, заставили невольно судью проникнуться сочувствием к рабочим. Через несколько дней у другого мирового судьи рассматривались подобные же иски фабрики Алексеева. Этот мировой судья оказался более жестоким и удовлетворил желание хозяев об изгнании с фабрики непокорных забастовщиков в трехдневный срок.

Очень часто мы устраивали собрания бастующих рабочих обычно в лесу, около кладбищ, у реки. Одно общее собрание мы провели на огромном дворе большого дома на Канаве, заселенного рабочими бастующих фабрик. Собралось до 700 рабочих. У всех входов и выходов стояли патрули. Один товарищ в 15 минут успел сделать доклад о ходе забастовки. И как только появилась около дома полиция, меня и Зайцеву рабочие всякими потайными путями вывели за пределы досягаемости. В эти страдные дни приходилось бодрствовать буквально круглые сутки. Спали по два-три часа. Тов. Зайцева, давно ходившая без работы, очень нуждалась; союз ничего ей не давал. Я тоже был на положении «турецкого святого». Весь день уходил на работу и на дела союза. Ночью приходилось писать хронику для рабочих газет. Домой мы во время забастовки не ходили, чтобы не быть арестованными. Приходилось проводить время в ночных чайных, где собирались босяки и проститутки, ночевать на бульварных скамейках, если не удавалось попасть на ночевку к кому-нибудь из знакомых или сочувствующих.

Забастовщики, изнуренные голодом и всякого рода репрессиями, не получая серьезной материальной поддержки со стороны союза, не располагавшего достаточными средствами, должны были сдаться и стали на работу на старых условиях. Единственное, чего они добились — это то, что почти ни один из бастовавших не был уволен. Арестован был только делегат фабрики Белова, Цветков П. И., которого освободили после окончания забастовки.

А. ФОКИН.

Нелегальная работа группы социал-демократов большевиков — студентов Коммерч. института.

Московский Коммерческий институт, в отличие от многих других высших учебных заведений Москвы и Петрограда, пользуясь правами высшей школы, в то же время давал значительные льготы при поступлении в институт. Поэтому в институт широкой волной хлынули все те, кому был закрыт доступ в университет: всякие экстерницы с аттестатами зрелости, окончившие реальные училища, учительские институты и 4 класса духовных семинарий, лишенные политической благонадежности и др. Все это отражалось на социальном составе института, придавая студенчеству института демократическую окраску.

Революционная история Московского Коммерческого института, по данным Московской охранки, начинается с 1910 г. При демонстрации на Тверской улице и Кузнецком Мосту 14 ноября 1910 г., в день похорон Толстого, арестовано полицией 210 студентов разных учебных заведений, среди которых большая часть состояла студентами Коммерческого института. Среди арестованных студентов Коммерческого института имеется Мохов Иван, о котором «охранкой» заведено большое «дело» и который, по ее сведениям, является одним из активных организаторов социал-демократических групп среди рабочих и студентов.

О Мохове охранкой ведется большая переписка. Ему и его группе социал-демократов в Коммерческом институте приписывают организацию сходки и принятие резолюции на ней с протестом против казни матросов и избиения арестованных в 1912 г. На этой сходке было вынесено решение об однодневной забастовке протеста.

В 1913 г. охранное отделение создает против Мохова и группы студентов Коммерческого института судебное преследование по 102 статье за принадлежность к социал-демократической партии и за вхождение в «инициативную груп-

пу» социал-демократов г. Москвы. Несмотря на то, что это «дело» прекратилось за недостаточностью улик, «охранка» держит Мохова под арестом с 16 февраля по 17 сентября 1913 г., т. е. более восьми месяцев.

Через восемь дней после освобождения Мохов попадает вновь в полицейскую засаду в редакции «Наш путь».

При аресте у него отбираются две статьи, приготовленные им для печати, под названием: «Профессор Озеров и его роль в зубатовщине» и «О забастовке учащихся Московского Коммерческого института в знак протеста против казни матросов и избиения в тюрьмах». 18 декабря 1913 года департамент полиции постановляет выслать Мохова в северные уезды Олонецкой губернии на 2 года.

Вместе с Моховым упоминается Оболенский Михаил, студент Коммерческого института, арестованный вместе с Моховым на толстовской демонстрации 14 ноября 1910 года.

Для характеристики нравов охранки и ее приемов борьбы с революционерами любопытна следующая выдержка из заявления Мохова прокурору судебной палаты:

«Имею честь довести до сведения вашего превосходительства: 26/X с. г. при допросе меня в помещении охранного отделения, лицо, допрашивавшее меня, если не ошибаюсь, господин подполковник Эрнст, назвало г. редактора газеты «Наш путь» сукиным сыном и дураком, не умеющим двух слов связать..., кроме того, г. подполковник, составляя протокол, старался придать ему тенденциозный оттенок, — а посему я заявляю вашему превосходительству, что впредь я буду давать свои показания при соблюдении следующих условий» (дальше идет перечисление этих условий).

Организация социал-демократической группы при столовой „Малая Серпуховка, 28“.

Наша группа социал-демократов организовалась в 1912 г.

Самым трудным делом при формировании социал-демократической группы было завязать партийные связи, что далеко не всегда удавалось. Приходилось поэтому часто действовать окольными путями.

Осенью 1911 г. я попал на нелегальное собрание представителей студенческих землячеств всех высших школ Москвы, происходившее где-то на Бронной. Присутствовало до 100 человек. Целью этого собрания было установление единого межстуденческого бюро землячеств для координирования хозяйственной и культурной деятельности студенчества,

Группа «столовцев».

организованного в землячества. Собрание разделилось на две части. Одна часть защищала узко-экономические цели студенчества (снабжение студентов бутербродами, чаем, обе-

дами, книгами), эта группа получила название — «экономистов», другая часть — в качестве основной задачи студенческой организации выдвигала политическую цель: объединение демократического студенчества с революционным пролетариатом вокруг социал-демократической рабочей партии и уже, как вторую задачу — выдвигала удовлетворение материальных нужд студенчества. К концу заседания группа студентов, выражавшая вторую точку зрения, перезнакомилась между собой и сразу же нашла общий язык и общую марксистскую платформу. Так началось мое первое знакомство с революционным студенчеством.

Первыми организаторами социал-демократической группы при Коммерческом институте были следующие товарищи: Алавердов, Вартанов, Мышкин, Семовских, Акопов, Анисимов, Сокольский, Кавкасидзе, Нечаев, Чеботарев и Фокин А.

Забастовка протеста против ленских расстрелов.

Весной 1912 г. после ленских расстрелов (4 апреля), когда известие об этих расстрелах достигло Москвы, наша группа созвала летучую сходку, на которой была вынесена резолюция протеста и решение объявить трехдневную забастовку в знак траура. После принятия резолюции протеста с объявлением трехдневной забастовки студенты 1-го курса в количестве нескольких сот (около тысячи) человек, с пением революционных песен, направились из нового здания (во дворе) в старое, чтобы объединенными силами всего студенчества института демонстрировать свой протест. Однако, в этот момент появившаяся полиция всячески препятствует проникновению молодых студентов в старое здание и часть их, довольно большая, осталась на улице, напирая на полицию и требуя пропуска в институт. Часть студентов все же проникла в старое здание, сейчас же организовался митинг, на котором выступили с требованием увода полиции от института и пропуска в него оставшихся на улице товарищей, которые, не прекращая своего натиска на еще недостаточно многочисленную полицию, распевали на улице революционные песни. Тут прибыло подкрепление: пешие и конные с начальником полковником Модль во главе. Пешая полиция вошла в институт, разделив крепкой стеной находившихся в здании студентов от тех, которые были на улице, а конная полиция нагайками стала разгонять этих последних. Нам, находившимся в здании, было видно через стеклянные закрытые двери, как наших товарищей на улице били; настроение поднималось, энергия росла и как-то сразу у

всех созрела решимость пробиться во что бы то ни стало на демонстрацию. В это время на площадке перед широкой лестницей, перед дверью, за которой мы стояли, пытаясь ее открыть, чтобы выйти на улицу, полковник Модль задержал как-то прорвавшуюся туда курсистку и, взяв ее «нежно» за подбородок, сказал ей какую-то гнусность. Однако, курсистка не растерялась, и в ответ на его слова Модль получил пощечину, которую, как нам казалось, мы слышали, несмотря на стоявший кругом шум и разделявшую нас дверь. Эта пощечина была как бы сигналом: наши силы удесятерились, мы нажали на дверь, она разлетелась, и мы почти буквально вывалились громадной толпой сначала на лестницу, а потом и на улицу, смяв под себя всех стоявших перед нами полицейских вместе с Модлем. На улице нас встретили нагайками. На следующий день, собравшиеся в институте студенты протестовали против вчерашнего избиения и удлинили время забастовки до 7 дней.

Осенью 1912 г., когда начались лекции, профессору Озерову была подана записка с тремя вопросами:

1) Сколько акций и на какую сумму имеет г. Озеров в акционерном обществе «Лензолото» (правление которого расстреливало рабочих).

2) Почему г. Озеров читал лекции на курсах для «рабочих», организованных Зубатовым.

3) Почему г. Озеров остался читать лекции в университете, в то время, когда все частные профессора, в знак протеста против политики Кассо, ушли из университета.

Отвечая на вопросы, Озеров, стараясь вызвать к себе сочувствие, плакал, приглашал «разрубить» ледяную стену между ним и студенчеством, ссылался на свое «рабочее» происхождение и т. д. и т. п., однако, несмотря, на все это авторитет его был подорван.

Организация студенческой столовой на Малой Серпуховке, 28.

Столовая «Малая Серпуховка дом 28» была организована в 1913 году союзом землячеств. При выборах учредителей студенческой столовой наша группа выступила уже со своим списком и платформой.

В правление первого состава в преобладающем большинстве прошли члены нашей группы партийцы-большевики. Персонально в него входили следующие товарищи: Дарчиа, Вартанов, Нечаев, Фокин, Сокольский, Андреев, Покровский и Попов. Первое заседание вновь избранного правления происходило у С. Н. Баторовского. У нотариуса при заключении

договора с владельцем особняка на Малой Серпуховке 28 — с Лапиным, кто-то из нас заметил, что этот особняк — средневекового образца — с многочисленными закоулками, коридорами и подвалами — очень удобен для конспиративных целей. Так оно и вышло. До Февральской революции столовка была конспиративной квартирой для с.-д. большевиков, а в Февральскую революцию — помещением для Ревкома.

Легальная пропаганда марксизма.

С 1912 и 1913 учебного года представители нашей группы систематически пропагандировали идеи марксизма на семинарских занятиях в институте. Популярными выступлениями на семинарских занятиях проф. Новгородцева—по философии, Гольдштейна — по экономической политике, Шапошникова — по политической экономии — были выступления наших товарищей: Третьякова, Сокольского, Кириллова, Нечаева и др. Эти занятия охотно посещались молодыми студентами, которые с большим интересом следили за спором идеализма с марксизмом. Эта легальная трибуна несомненно помогала выковать у многих молодых студентов, не говоря уже о членах нашей группы, марксистское мировоззрение. В последующие затем годы 1913, 1914, 1915 к этим выступлениям присоединились выступления Тера В. и Островитянова.

„Валентинин" день.

Либеральная профессура завела традицию ежегодно праздновать день годовщины основания Московского Коммерческого института. В отличие от Татьянинского дня, который праздновал Московский университет, этот день был назван днем «Валентины». Обычно в этот день служился молебен, а вечером устраивался банкет, на котором профессора и студенты демонстрировали свое единение. В 1913 году профессура и администрация института по обычаю решили так же в «Валентинин» день организовать банкет и призвали к участию в нем студенчество. Наша группа на этот призыв либеральной профессуры ответила следующим призывом к студенчеству:

«Товарищи!

Сегодня в Купеческом собрании в ознаменование годовщины Коммерческого института черносотенная и либеральная часть студенчества, желая выразить свое идейное род-

ство с гг. Новгородцевым, Гензелями и прочими представителями реакционного либерализма, имеет желание говорить от имени всего студенчества Коммерческого института. Мы думаем, товарищи, что эта часть студенчества сводит счеты без хозяина. Не может быть и речи о единении демократического студенчества с буржуазной профессурой, которая в трогательном единении с представителями царского самодержавия всячески препятствует выступлениям и работе демократического студенчества; их лицемерному и бутербродному единению мы противопоставляем единство демократического студенчества с сознательным и революционным пролетариатом, для борьбы за полное освобождение России от политических и экономических пут, ибо только в свободном государстве возможна свободная демократическая школа, а в ней единение представителей науки со студенчеством. Так организуйтесь, товарищи, и сплоченными силами поддерживайте революционную борьбу пролетариата, становитесь вместе с ним под знамя марксизма в ряды социал-демократии.

Долой союз с реакционной профессурой!

Мы призываем вас к бойкоту этого лицемерного банкета.

Группа организованных марксистов 1913 г.»

Красный политический крест им. Ломтатидзе.

В 1913 же году наша группа организовала кружок красного креста, которому позднее было дано имя «кружок Ломтатидзе». Я помню Мария Ильинична Ульянова спросила нас, почему мы назвали кружок этим именем, как будто бы не было других имен.

Кружок этим именем назвали мы потому, что, во-первых, в нашей группе изобиловали «кавказцы», во-вторых, Ломтатидзе умер в год организации кружка и память о нем была еще свежа.

Этот кружок им. Ломтатидзе развил большую работу, устраивал платные вечеринки, сборы и разные отчисления. Сборы в фонд красного политического креста, в пользу рабочей печати, а также всякие петиционные кампании проводились среди студенчества института таким способом: перед началом лекции в аудитории кто-нибудь из нас объявлял о цели сбора, затем пускалась студенческая фуражка, каковая во время лекции переходила из рук в руки по рядам. Так, например, на рабочую «Правду» мы собрали не одну сотню рублей.

Наше участие в организации рабочей газеты „Наш путь".

Большое участие принимала наша группа в выпуске газеты «Наш путь», обслуживая ее как в редакционной части, так и в организационной и финансовой. Мы производили сборы в пользу газеты, вербовали подписчиков и организовывали продажу газеты в стенах института. Понятно, всю организационную тяжесть по газете «Наш путь» вынесли профессиональные союзы: союз торгово-промышленных служащих и союз портных.

Я помню, например, т. Сахаров В. отличался уменьем вырывать из-под носа шпиков конфискованные номера газеты «Наш путь» и развозить их по фабрикам.

Но «Наш путь» просуществовал недолго, хотя за короткое время газета приобрела широкую популярность в рабочих массах. Мысль об издании рабочей газеты в Москве не покидала социал-демократические группы в Москве ни на минуту. Организовавшаяся «Инициативная рабочая группа» в 1914 г., по выражению охранки, ленинского уклона, объединяя все более или менее крупные социал-демократические группы, одним из первых вопросов поставила вопрос об издании новой рабочей газеты.

Начался сбор средств на фабриках и заводах. Нашей группе при Московском Коммерческом институте поручено было организовать концерт под фирмой какого-либо землячества в пользу рабочей печати. Мы взялись за него со всей энергией. Я, будучи связан с владимирским и иваново-вознесенским землячеством, прямо поставил перед правлением вопрос об организации концерта в пользу рабочей печати от имени владимирского землячества, при этом я заявил, что землячество не несет никаких расходов. Уговаривать «земляков» пришлось долго.

Переговоры с артистами взяли на себя тт. Додонова А. А. и Батурин П. С., благодаря их стараниям в концерте принимали участие Качалов В. И., Полина Доберт и др. Члены нашей группы взяли на себя работу по распространению билетов.

В день концерта, когда я сидел в кассе малого зала консерватории, ко мне вваливается полицейский пристав и требует показать билеты для выяснения вопроса о том, оплачены ли они гербовым сбором. Обнаружив некоторые неточности, он вдруг заявил, что вынужден запретить концерт. Я растерялся и решил, что охранка пронюхала о целях концерта. Посоветовавшись с т. Додоновой и др., мы решили предложить приставу взятку. Эту миссию поручили

мне. Я начал с жалобы на то, что студенческая касса так бедна, что не может покрыть расходов, связанных с организацией концерта, дальше я начал уверять его, что если говорить о «формальностях», то нужно, мол, сознаться, что они у нас налицо: мы получили в кассе просчет в 5 руб., каковой по существу нужно передать в депозит казны, не можете ли эту передачу взять на себя и протянул ему 5 руб Пристав сделал «умиленное» лицо и заявил, что он уважает гг. студентов и всегда снисходительно относился к их революционным шалостям. После этого он скрылся и больше нас не беспокоил.

На другой день я был арестован и со мной были захвачены все документы по концерту (счета, корешки билетов). Я их сохранил от ареста только тем, что спрятал их в полу своего пальто и при первом же свидании передал их по назначению.

Массовые аресты среди студенчества.

Разгром подпольной организации социал-демократов в 1914 г. и надвинувшаяся затем империалистическая война далеко отодвинули мысль о рабочей газете.

7 марта 1914 г. на основании доносов провокаторов охранка решила ликвидировать социал-демократическое подполье в лице «Инициативной рабочей группы» соц.-дем., «пропагандистской коллегии» и «группы» соц.-дем. при Московском Коммерческом институте. Я вместе с представителями нашей группы тов. Сокольским, Нечаевым и Вартановым был арестован 7 марта 1914 г. на нелегальном собрании «пропагандистской коллегии» на квартире Вартанова (на Даниловке). Остальные члены группы были арестованы у себя на квартире. Это собрание имело ввиду создать постоянную коллегию пропагандистов для снабжения рабочих кружков лекторами и руководителями. Необходимо заметить, что к тому времени у нас была уже прочная связь с портными, среди которых вели работу в двух кружках тов. Мышкин и Чеботарев, с торгово-промышленными служащими, связь с которыми поддерживалась через меня, т. Сокольского, Нечаева и Кроля. На Даниловке вел кружок мой брат, Фокин Николай, среди рабочих завода Ефремова и Бромлея и наконец в Дорогомиловском обществе трезвости кружком руководил т. Кириллов С.

Всего по данным охранного отделения было арестовано студентов разных учебных заведений около 30 человек. Оставшиеся на свободе товарищи члены социал-демократиче-

ской группы при столовой «М. Серпуховка, 28» тт. Чеботарев и Анисимов решили доказать «охранке», что группа жива, и чтобы отвлечь ее внимание от арестованных студентов Коммерческого института, они выпустили напечатанную на гектографе листовку под названием «В единении сила», а вечером 17 марта 1914 г. организовали в стенах Института сходку протеста против арестов студентов высших школ в Москве. На этой сходке была вынесена резолюция об объявлении на 18 марта однодневной забастовки протеста. Между прочим ректор Института во время этих собраний обнаружил все свое лицемерие. Будучи либералом, он, с одной стороны, на своих лекциях проповедывал идеализм, прославляя Платона, призывал оторваться от грязных вопросов материализма и вознестись к заоблачным высотам, где освобожденное «я» будет отдаваться мировой гармонии, созвучиям вселенной и т. д., а с другой — тайно сносился с охранным отделением, призывая царскую полицию для охраны порядка в Институте.

«Хотя, — пишет он в письме к Адрианову (московскому градоначальнику), — имевшие 17 марта место попытки к устройству неразрешенных летучих сходок не привлекли внимания большинства слушателей... я распорядился на 18 марта усилить общее наблюдение за слушателями и поставить усиленный надзор у входов аудиторий.

Равным образом я просил подполковника Эклона на случай возникновения нарушений порядка держать полицейский наряд наготове до 8 часов вечера».

В тот же день (в день сходки 17 марта) ночью у себя на квартире были арестованы тт. Чеботарев и Анисимов, которые вскоре же были освобождены, ввиду недостаточности против них улик.

Таким образом, к средине марта 1914 г. вся наша группа социал-демократов до последнего человека была арестована.

В Якиманской тюрьме.

Якиманская тюрьма оказалась для нас хорошей школой. Она не испортила нашего настроения. Все молодые жизнерадостные товарищи, примирившись с фактом ареста, со всею энергией взялись за организацию своей коммуны. Общественная уборка камеры, наблюдение за ее санитарным состоянием, приготовление пищи к обеду, мытье посуды выполнялись по очереди. Рабочий день был распределен по часам, утром пять часов уходили на изучение „Капитала" Маркса и иностранных языков. После обеда читали газеты

и вели коллективное обсуждение политических событий. Если на свободе большинство из нас отвлекалось от академической работы политической борьбой, чрезвычайно нервной обстановкой подполья, то здесь мы взялись за учебу со всей нашей энергией. За три месяца сидки мы разобрали по косточкам два тома «Капитала» и поправили свои знания немецкого языка настолько, что легко могли читать немецкие книги. Все сидевшие товарищи с любовью вспоминают нашу якиманскую коммуну и те теплые товарищеские отношения, которые были между нами.

Материальная сторона коммуны не оставляла желать лучшего. Наши товарищи, оставшиеся на свободе, и политический красный крест, кружок имени Ломтатидзе, снабжали нас в изобилии книгами, продуктами и деньгами.

Вечерами, в летние сумерки, мы распевали песни и устраивали домашние концерты, приглашая товарищей из других камер.

Пользуясь особой привилегией, как отбывающие наказание в административном порядке (за незаконное собрание, ибо охранка, кроме провокаторских донесений, никаких улик против нас не имела), мы чувствовали себя относительно свободно: ходили из камеры в камеру, пели песни, обедали когда хотели и т. д.

Получая ежедневно газеты, мы следили за политическими событиями. Массовые отравления на «Треугольнике» в Петрограде не прошли бесследно для московских рабочих. Участились политические забастовки. Чаще стали рабочие выходить на улицу с революционными песнями. Не было дня, чтобы не было забастовки в том или другом рабочем районе.

Газеты были полны известиями о забастовках в Москве, Петрограде, Баку, Иваново-Вознесенске. Наша тюрьма и другие участки были переполнены арестованными рабочими.

В день годовщины Ленского расстрела мы даже слышали на Калужской площади пенье революционных песен. Накануне, 4 апреля (день Ленского расстрела), полиция произвела массовые обыски и аресты.

В нашу тюрьму прибыло 10 рабочих с разных фабрик за призыв к забастовке. К нам привели портных, арестованных в Самарском переулке 17 марта 1914 года.

Работы для пропагандистской коллегии было хоть отбавляй. Мы в шутку говорили, что наш пропагандистский опыт мы смогли применить только в тюрьме.

1 мая 1914 г. в Якиманском полицейском участке.

Но никогда за все свои годы Якиманская тюрьма не видела такого количества арестованных рабочих, как в дни 27—28 апреля 1914 г. Полиция получила сведения, что 1 мая ожидается выступление московских рабочих. Были приняты предупредительные меры: арестованы не только подозрительные, но и те, кто, например, был подписчиком газеты «Правда». В ночь на 28—29—30 апреля двери Якиманки не запирались. Всю ночь приводились арестованные по политическим делам. Мы не спали все ночи. Мы с радостью встречали каждого нового арестованного, расспрашивали о причинах ареста, вводили в круг наших интересов. Рабочие быстро осваивались с обстановкой, пели революционные песни, издевались над мушкетерами, читали «Правду» и беспрерывно митинговали в нашей камере. Всего за две ночи было приведено в Якиманский участок до 20 человек.

Приближался день 1 мая. Мы устроили общее собрание для обсуждения вопроса о праздновании этого дня. Решили устроить доклад о 1 мае, выпустить прокламацию и снабдить всех желающих красными жетонами. Вечером 30 апреля произвели генеральную чистку в камерах, вымыли полы, разукрасили стены, вывесили портреты Бебеля и Маркса. Вечером собрались арестованные рабочие в нашей камере и занялись воспоминаниями. Вспоминали о том, кому какие маевки пришлось встретить в царской России и за границей. Самым интересным рассказчиком был тов. Эмухвари (грузинский князь, как мы его называли, без земли и воли), который много путешествовал и долгое время учился в Германии. Рассказы кончались революционными песнями, пели «Интернационал», «Вы жертвою пали», «Красное знамя» и «Зимушку» с припевом: «эх, эх, русский народ в тюрьмах весело живет».

Пели с таким подъемом, что слышно было нас далеко за пределами тюрьмы. Два раза приходил начальник тюрьмы. На третий раз пригрозил лишить прогулок и развести нас по другим тюрьмам. Однако пение и разговоры продолжались далеко за полночь.

Утром 1 мая нас разбудило пение в соседних камерах. Пели «Смело, товарищи, в ногу». Товарищи поздравляли друг друга с революционным праздником. После утреннего чая все «политические» собрались в нашей камере. Товарищ Эмухвари сделал пространный доклад о значении 1 мая. Тов. Красноцветов с подъемом прочел текст прокламации,

посвященной 1 мая, им самим напечатанной с тиражом в 3 экземпляра. Было общее возбуждение. Редко приходится испытывать такие хорошие минуты. Тюрьма придавала еще больше решимости продолжать борьбу до конца, и мы в каждом взгляде, в каждой улыбке как бы говорили друг другу о нашей готовности к борьбе. С нетерпением ждали прогулки, чтобы показать обывателям тюремного двора наши симпатии к 1 мая. У каждого из нас в петличке была приколота красная бумажная ленточка. На прогулку вышли гуськом 30—40 человек. Возглавляли шествие наиболее «рослые» товарищи. Зрелище получилось внушительное. Хотя мы и были замкнуты в кругу 20 вооруженных полицейских, мы держали себя победителями. В России это была самая свободная первомайская демонстрация. В конце дня мы торопливо расспрашивали у новой смены «мушкетеров» о том, что слышно на улице, много ли фабрик бастует, были ли демонстрации. Мы были так нервно настроены, что в каждом шуме слышались выстрелы, чудились звуки революции, в каждом пении на улице слышались революционные мотивы демонстрантов.

Через несколько дней мы узнали, что были попытки выхода на улицу 1 мая во многих городах. Почти повсюду состоялись первомайские загородные массовки с большим количеством рабочих.

В июне месяце 1914 г. за недостаточностью улик все члены нашей группы были выпущены на свободу.

Адрес Эмилю Верхарну.

В 1914 году во время пребывания в Москве Эмиля Верхарна наша «группа» решила преподнести ему адрес. Столовцы открыли сборы на покупку кожаного бювара и кожаной обложки для адреса, и в короткий срок было сделано все необходимое.

Коллективным путем составили текст адреса и выставили его в Институте в столовой для сбора подписей под ним. Под адресом подписалось свыше 300 студентов. Были подписи и рабочих.

В адресе приветствовали мы от имени демократического и революционного студенчества Коммерческого института пролетарского поэта Эмиля Верхарна, певца грядущих пролетарских революций, автора «Мятежа» и «Зорь».

В адресе были приведены выдержки из обоих произведений.

В делегацию были выбраны: Анисимов, Кириллов и Фокин А.

Переводчиком был Валерий Брюсов.

Верхарн, выслушав наш адрес, растрогался, расцеловал нас и ответил горячим призывом продолжать наше дело и просил передать демократическому студенчеству Коммерческого института свой привет.

Валерий Брюсов с своей стороны благодарил нашу инициативу и выразил пожелание, что Россия увидит своих рабочих Верхарнов.

Во время империалистической войны.

Лето 1914 г. было кульминационным пунктом подъема революционного настроения. События в Баку, расстрел демонстрации на Путиловском заводе, готовящаяся всеобщая текстильная забастовка — предвещали революционную бурю.

Империалистическая война 1914 года опрокинула все предположения вверх дном. Начался разгул реакции. Рабочее движение было разгромлено, революционные рабочие демонстрации сменились патриотическими буржуазными манифестациями и патриотическими гимнами. Московское буржуазное студенчество у памятника Скобелева посылает верноподданническую телеграмму монарху. Социал-предатели всех стран благословляют войну и присоединяют свои голоса к этому патриотическому вою, выставляя лозунг оборончества.

Осенью 1914 г. наша «группа» поставила вопрос об отношении к войне. Мы ждали решения по этому вопросу руководящего нашего центра (ЦК партии).

Решение фракции Государственной думы (пятерки) не давало прямого ответа на вопрос об отношении к войне. Во всяком случае о разговоре в нашей «группе» об оборончестве не могло быть и речи. В начале 1915 г. наша группа целиком присоединилась к тезисам Ленина о пораженчестве.

Первое выступление „группы“ против войны.

По данным Охранного отделения в Коммерческом институте в октябре 1914 г. была свалка по вопросу об отношении студенчества к патриотическим манифестациям. В действительности же цель этой сходки и затем последовавшей свалки имела более глубокие корни, чем только отношение к патриотическим манифестациям. Кажется, после объявления войны Турцией (после обстрела турецким крей-

сером «Гебеном» Одессы, Николаева) в Институте собралась сходка, на которой поставлен был вопрос о вынесении резолюции протеста против немецкого и турецкого варварства. Представители нашей группы, т. Кириллов и др., в очень осторожной форме давали понять, что на-ряду с «варварством» войны существует варварство царизма и т. д. Кириллову не дали говорить. Мы в свою очередь не давали говорить патриотическим ораторам. Началась потасовка. Сходка была сорвана. Один из товарищей (т. Вучечич, кажется, анархист) крикнул: долой войну. Поднялся невообразимый шум. «Патриоты» бросились с кулаками на Вучечича, мы — защищать его. Благодаря находчивости управляющего делами Института С. Н. Батаровского (он вывел его через профессорскую комнату) Вучечич спасся от растерзания.

Другим выступлением нашей группы в это же время было — по вопросу о бойкоте профессору Вышеславцеву. Профессор Вышеславцев прославился своими шовинистическими лекциями и погромными призывами на лекциях в университете Шанявского, вследствие чего слушатели Шанявского университета ему устроили обструкцию.

Об этом очень быстро стало известно нам. На устроенной нами сходке в Коммерческом институте была принята резолюция о бойкоте лекций Вышеславцева.

В феврале 1915 г. по материалам охранного отделения группа шанявцев совместно с нашей группой выпустила летучку к студенчеству.

В этой летучке между прочим говорилось, что «с ходом экономического прогресса существование «интеллигенции», как независимого целого, становится мифом... С развитием классовых противоречий она распадается, и большая часть ее попадает в ряды пролетариата. И как последний, «интеллигенция» знает уже все прелести безработицы, экономические кризисы отражаются на ней так же, как и вообще на пролетариате.

«Мы отбрасываем кличку — «интеллигентный пролетариат», которую сострадательно бросают нам буржуазные идеологи. Мы должны стать пролетарской интеллигенцией, противопоставить себя буржуазной интеллигенции — апологетам капитала.

«И порывая, таким образом, всякую связь с буржуазией, мы, как представители пролетариата, как выразители его классового самосознания, должны заявить, что не можем поддерживать империалистическую политику правительства, а, наоборот, отказываясь от какого бы то

ни было единения с ним, продолжаем непримиримую борьбу с русским самодержавием, как крупнейшим препятствием развитию классового самосознания русского пролетариата.

«Да здравствует прелетариат и его партия — социал-демократия».

В начале 1915 г. наша группа принимает полностью тезисы Ленина о пораженчестве и — как практический вывод из этого решения — группа выпускает листовку против войны по поводу суда над большевистской фракцией Государственной думы. В этой листовке наша группа выдвигает лозунг «война — войне» и призывает рабочих и организации для решительной борьбы с царизмом.

Как Мышкин из-под носа у шпиков вывез типографию.

Однажды в студенческую столовую на Малой Серпуховке, где у нас был пропагандистский кружок, вкатывается Николаев. Отозвав меня в сторону, он сообщил мне, что представляется возможность приобрести большое количество типографского шрифта.

Студенческая столовая была завоевана социал-демократической группой на общем студенческом собрании, а наша группа всемерно использовала ее для партийных целей. Это помещение служило нам не только местом собраний, партийных явок, но и местом хранения гектографа, партийной литературы и прокламаций. Нашим техником по печати был т. Мышкин.

Обсудив предложение Николаева, мы дали согласие.

По конспиративным соображениям место хранения типографии должен был знать только Мышкин.

Операция закончилась благополучно. Но целый ряд препятствий по оборудованию типографии сразу же встал на пути. Нужны были различные типографские принадлежности, требовавшие больших средств. Самый процесс набора был необычайно труден, так как шрифт оказался разных систем.

Все же при большой энергии Юрия типография выпустила один номер «газеты». Он сам был и редактором, и наборщиком, и верстальщиком.

Несмотря на указанные затруднения, мы не оставили мысли о приобретении более совершенной типографской машины со станком.

И на этот раз выручил Николаев. Он сообщил адрес «хозяйчика», у которого можно купить необходимый печат-

ный станок «американку». После справок в словарях, мы нашли, что это именно и есть то, что нам нужно.

Операцию с вывозом «американки» поручили Мышкину и Сахарову Васе.

Мышкин слыл у нас за большого конспиратора. И прежде чем приступить к вывозу «американки», Юрий составил подробный план освобождения от окружающих его шпиков.

Мышкин назначил свидание Сахарову у памятника Гоголя на Арбате.

Затем они должны были итти по переулку, где находилась «американка», один с Арбата, другой с Поварской. Проходить должны по переулку не останавливаясь, а потом снова встретиться у памятника Гоголя.

Дней пять или шесть сходились и расходились товарищи, но каждый раз в переулке торчали два или три гороховых пальто. Товарищи уговаривали Юрия оставить это дело, — очевидно, «охранка» уже донюхалась. Но Юрий помалкивал, только глаза его быстро бегали, наконец, и он не выдержал и заявил, что если в назначенный день он не вывезет типографию, то оставит эту операцию.

Явившись в назначенный час к памятнику Гоголя с небольшим опозданием, Мышкин не застал Сахарова.

Подождав полчаса, он раз пять обошел переулок, заглянул в ближайшие двери и нигде не встретил ничего подозрительного. Наконец, явился к хозяину типографии, который встретил его упреками, почему он долго не приходил за машиной. Мышкин быстро погрузил «американку» и благополучно ее доставил в заранее приготовленное место.

Как курьез, вспоминается, что когда Мышкин выгружал машину, он оставил на извозчике две металлические доски от «американки» и как-то случайно, проходя по Арбату, за своей спиной услыхал:

— Эй, господин хороший, ты оставил у меня дощечки, нужны ли они тебе?

Через неделю Мышкин был арестован.

На суде над Николаевым, который оказался провокатором, выяснилось, что охранка, при его помощи, хотела поймать нашу группу (социал-демократов большевиков) с поличным.

Для этого жандармы через Николаева должны были всучить нам этот станок, через охранку проследить место его хранения и арестовать нас за работой. Но целый ряд бесполезных наблюдений шпиков привел к мысли жандармского полковника арестовать Мышкина и Сахарова у памятника Гоголя, так как полагали, что мы за «американкой» не

явимся. И вот рьяные шпики застают у Гоголя одного Сахарова и тут же его арестовывают. Через 5 минут после их ухода явился Мышкин. Успокоенная «охранка» сняла наружное наблюдение, полагая, что Мышкин арестован дома, так как ордер был дан на его квартиру. (Юрий же как раз в эти дни не ночевал дома). Этот «случай» и помог Мышкину увезти типографский станок.

Когда жандармский полковник узнал, что машина вывезена у него из-под носа и неизвестно куда, он потребовал к себе Николаева и со злости влепил ему пощечину.

Наша работа в союзе торговых служащих.

Связь нашей «группы» с профессиональным союзом торгово-промышленных служащих поддерживалась через тт. Сокольского, Нечаева, Чеботарева, Фокина А. и Кроля.

Многие из нас состояли членами союза. При союзе было крепкое большевистское ядро, которое руководило фактически всей работой союза. Вследствие этого вся культурно-просветительная работа профессионального союза носила большевистский оттенок. Из культпросветительной деятельности союза известны загородные массовки, экскурсии, которые привлекали большое число рабочей молодежи. В союзе (Кривой переулок на Варварке) устраивались лекции не только по общеобразовательным вопросам, которые предусматривались профессиональным уставом того времени, но главным образом на политические темы по текущей политике. В союзе устраивались лекции, например, на тему о дороговизне, о страховой кампании, о ликвидаторстве, отчет думской фракции (после ареста большевистской фракции Государственной думы), о санитарных попечительствах, об отношении к военнопромышленным комитетам и об оборончестве.

Я помню, из докладчиков выступали в союзе: Чхеидзе, Скобелев, Лукин, Яхонтов В. И., Никитин, Самойлова К. и Альперович.

Наиболее острым вопросом в союзе был вопрос об отношении к войне. В 1915 г., по предложению Поскребухина, который очень часто терся в союзе, была устроена у него на квартире читка и разбор тезисов Ленина о войне. На этом собрании, кроме большевиков: тт. Сахаров В., Сахарова П., Шкирятов, Петров от Коммерческого института, Фокин, Богомолов, Чеботарев, Мышкин, Кроль, Хейфиц, Царик, Витман, были и меньшевики: Мумриков и Кондратенко.

При разборе тезисов большинство высказывалось за точку зрения поражейчества, меньшевики же в противовес «ленин-

ской платформе о войне» выдвигали точку зрения Мартова, письмо которого о войне ходило в гектографированном виде по рукам. Как интересную деталь, я вспоминаю, что после того, как кончилось совещание, мы у остановки трамвая (совещание было на Красносельской улице) встретили группу шпиков в 15 — 20 человек. Ожидая трамвая № 10, мы, «из Замоскворечья», наблюдали, как суетились шпики и быстро один за другим исчезали. Поехал Кроль — за ним увязалось двое, за Сахаровыми и Витманом — сели четверо шпиков. За нами увязалось четверо. Чтобы проверить цель слежки и установить их поведение, Богомолов выпрыгнул на ходу около Александровского сада, за ним следом же выпрыгнул один шпик. Мы трое: Мышкин, Чеботарев и Фокин А. решили домой не возвращаться, а ходить по переулкам до тех пор, пока не избавимся от них. Мы избрали для этой цели группу Монетчиковских переулков на Пятницкой улице и там до 3 часов ночи разными путями бродили, пока у шпиков не лопнуло терпение.

Доклад Чхеидзе.

Интересным докладом в союзе, который ярко сохранился у меня в памяти, был отчет о деятельности думской фракции (после ареста думской пятерки). Отчет делал Чхеидзе. После доклада разгорелись прения. Несмотря на то, что Чхеидзе и не был оборонцем в прямом смысле этого слова (по крайней мере в тот период, когда он делал доклад — 1915 г.), наших товарищей его отчет не удовлетворил, а на заданные ему потом прямые вопросы о его отношении к войне, Чхеидзе отделался общими фразами. Не помню, как это случилось, Чхеидзе обратился к устроителям доклада за ночлегом. Я предложил ему свои услуги. «Столовцы» были не мало изумлены, когда я вкатился к ним с Чхеидзе. Быстро завязалась беседа, прыгали с одного вопроса на другой, обмывали бока ликвидаторам, пока не засели на вопросе о войне. Чхеидзе нервно выслушивал обвинения от нас, «оборонялся» и, наконец, махнув рукой, сказал, что нас не переспоришь.

Во всяком случае посещение Чхеидзе принесло нам пользу — мы получили информацию не только о деятельности с.-д. (большевиков) в Петрограде, но и многое узнали о работе нашего ЦК за границей в тех пределах, что мог знать Чхеидзе.

Значительно позднее в том же 1915 году мы получили более подробные сведения о работе заграничного ЦК (большевиков) от т. Смилги, который в нашей группе в столовой

(Малая Серпуховка, 28) сделал подробную информацию об этом (кстати этот доклад для Смилги был роковым; после того, когда он был познакомлен по его просьбе с Поскребухиным (провокатором), он через два дня был арестован).

В Чупровском обществе.

Через этот союз торгово-промышленных служащих мы представительствовали в Чупровском экономическом обществе, с которым он был связан по ряду экономических работ. Для того, чтобы нашу с.-д. группу «столовцев» связать с широкой массой рабочих, мы решили через «союз» организовать в Чупровском обществе анкетное исследование бюджетов московских рабочих. Председателем статистической секции в Чупровском обществе был Колокольников, который охотно ухватился за эту идею и впоследствии руководил бюджетным обследованием. В комиссию по разработке бюджетных анкет, кроме Колокольникова, входили Свавицкий и Лосицкий, от нашей группы — Нестеров и Фокин и от союза — Сахаров В.

Я взял на себя обследование рабочих бюджетов в резиновой промышленности (фабрика «Богатырь»); Нестеров — текстильную (Прохоровка); Сахаров — швейную.

Меня свободно допустили в общежитие рабочих «Богатыря» в селе Богородском.

В воскресенье рано утром я приступил к работе. Наша задача состояла в разъяснении рабочим самой анкеты и способа ее заполнения; но мы полагали, что в этом разъяснении нужно было «задеть» и политические вопросы. Сначала рабочие встретили меня недоверчиво: зачем это нужно какому-то императорскому Чупровскому обществу знать, как живут рабочие. Но вскоре, как только начиналась беседа, у рабочих раскрывались глаза на то, что ленские рабочие боролись с фабрикантами не анкетным путем, а забастовкой, а правительство, защищая интересы фабрикантов, вместе с капиталистами расстреляло рабочих. Рабочим не на кого рассчитывать в борьбе с капиталистами, а надо полагаться только на самих себя, на свою классовую сплоченность. А для этого рабочие должны организовываться в союзы, вступать в рабочую с.-д. партию. Итак, вот ход мыслей: от рабочего бюджета — к социализму.

Так же велась работа у Нестерова и Сахарова. К Нестерову от управляющего фабрикой были приставлены «шпики». При его попытке поговорить с рабочими без шпиков, его через два дня вытурили и запретили производить обследование.

Чтобы исчерпать вопрос о Чупровском обществе, отмечу роль нашей «группы» в докладах, организуемых этим обществом... В этих прениях по докладам нередко высказывались товарищи из нашей «группы». Например, по докладу Маслова по аграрному вопросу, т. Третьяков и Сокольский в прениях развивали точку зрения Ленина по аграрному вопросу.

В конце 1915 г. союз торгово-промышленных служащих был закрыт.

Во время доклада Яхонтова в помещение союза ворвалась полиция. Немедленно началось уничтожение всяких компрометирующих бумаг, адресов. Среди общего замешательства удивительное спокойствие обнаружил Поскребухин. Он тут же раздобыл членские книжки союза и тут же (на подоконнике) стал выписывать книжки всем, кто не состоял членами союза.

Но, несмотря на то, что «все» присутствующие были членами союза, через два дня в газетах появилось сообщение, что по приказу градоначальника, за нарушение устава (т. е. принятие в члены союза лиц, не имеющих права быть таковыми,— студенты Коммерческого института: Сокольский, Нечаев и Фокин) союз торгово-промышленных служащих закрыть.

Через несколько дней после налета полиции в союзе торгово-промышленных служащих мы попадаем в новую облаву в обществе разумных развлечений на докладе Кусковой. Доклад Кусковой был на тему: дороговизна и о мерах борьбы с ней. На лекции было до 300 человек. Во время начала прений (речи Прокоповича) в аудиторию ворвался пристав и заявил, что все выходы заняты полицией, а присутствующие на лекции считаются временно арестованными, до проверки документов.

Мы (Нечаев, Сокольский, Мышкин и Фокин) решили, что эта проверка документов для нас, только что захваченных в союзе торгово-промышленных служащих, равносильна аресту, — и мы искали случая избежать «переписи». Мы заметили, что всех, кого полиция переписывала и у кого проверяла документы, она отводила в группы человек в 20 и затем выпускала их. Мы трое, Сокольский, Мышкин и я уговорили трех товарищей, только что переписанных, обменяться с нами местами. (Мы уверили их, что они в этой комбинации ничего не теряют, кроме потери 5-10 минут.) Они согласились. И мы в первых же группах около часу ночи были освобождены. Нечаеву не повезло. Он спрятался у дворника в каморке и вернулся в 7 часов утра, весь выпачканный в муке.

Накануне Февральской революции.

В 1916 г. многие члены нашей группы работали в Центральном союзе потребительских обществ (Центросоюзе). Там работали: Островитинов, Нестеров, братья Фокины, Богомолов, Чепиков и др.

В первые же месяцы работы в Центросоюзе мы образовали там группу социал-демократов. В нее вошли, кроме перечисленных товарищей, Знаменский А., Оськин, Сольц А. А., Сольц Э. А. (негласно), Фомин, «Илья» и др. Группа эта при Центросоюзе организованно выступала на общих собраниях служащих, влияла на состав выборных органов, избираемых служащими по коллективному договору. В конце 1916 г. группа выпустила листовку по поводу войны и событий в Петрограде. Автором ее был А. А. Сольц.

Прошедшие через столовую «Малая Серпуховка, 28», «столовцы» партийцы-большевики приняли активнейшее участие в борьбе за советскую власть в октябре 1917 года, и позднее все свои силы отдают на ее строительство и укрепление, выполняя за эти десять лет ответственную работу по партийной, советской, профессиональной и хозяйственной линии.

К. ОСТРОВИТЯНОВ.

Воспоминания „столовца“.

Кто из старых замоскворецких рабочих-подпольщиков не знает столовки по М. Серпуховке, 28, и кто не вспоминает о ней с самой теплой симпатией! Как это случилось, что столовая Коммерческого института, учебного заведения, состоявшего под особым покровительством московской буржуазии, имевшего в составе своих профессоров почти всех наиболее блестящих представителей кадетской партии, стала центром революционного движения не только Замоскворечья, но и всей Москвы в годы бесшабашного разгула реакции, милитаризма и шовинизма, — предоставим разрешение этого вопроса будущему историку революционной борьбы московского пролетариата. Задача нас, столовцев, непосредственных участников этой революционной борьбы, состоит в том, чтобы запечатлеть в памяти более молодого поколения картину этой борьбы так, как каждый из нас ее переживал. Никакой другой задачи не ставит себе и автор этих строк. Чем только ни была для нас, группы социал-демократов большевиков, студентов Коммерческого института, наша столовка. Она была для нас революционным клубом, где группировались все революционные элементы студенчества и рабочих Замоскворечья, и где с утра до ночи велся великий, бесконечный русский спор, конспиративной квартирой, где собирались всевозможные нелегальные кружки, печатались прокламации и т. д. и т. д. Для многих революционеров-профессионалов она была убежищем, где можно было жить неделями и месяцами без всякой прописки, для многих она была единственным источником существования, снабжая их обедами и ужинами, и, наконец, иногда она давала средства для нашей нелегальной работы. Много нитей связывало нашу столовку с фабриками и заводами. Многие рабочие сделались постоянными членами столовой и завсегдатаями наших диспутов, революционных вечеров и т. д. и т. д. Столовка снабжала многие фабрично-заводские кружки агитаторами и пропаган-

дистами. Причем район ее действия далеко выходил за пределы Замоскворечья, и наших пропагандистов можно было встретить почти у всех застав, где в большом количестве ютилась рабочая масса. Пропагандистская работа столовцев носила самый разнообразный характер: составление прокламаций, руководство кружками, выступления на массовках и даже были один-два случая открытых выступлений на заводах. Я ближе всего был связан с группой рабочих Дорогомиловского района, которые группировались вокруг клуба «Разумный отдых», принадлежащего обществу трезвости, где была школа для взрослых и где я преподавал политэкономию. Наш кружок по преимуществу состоял из большевиков, но включал в себя также и 1—2 эсеров, не принявших войну. В него входили: Амосов, Панов, Федоров, Зося Корчевская, Фонченко, пишущий эти строки и многие другие. Мы довольно часто собирались и на этих собраниях определяли свое отношение к вопросам текущей политики, к войне, военно-промышленным комитетам и т. д.

Связи наши не ограничивались одной столовой, но простирались и на другие районы Москвы, как, например, Сокольнический и другие. Через Марию Ильиничну Ульянову мы получали «Социал-демократ» и всевозможные брошюры и воззвания Ленина.

Однако мы не замыкались в своем кружке и при всяком удобном случае пытались нести свои идеи в массы. В первую очередь мы пытались при этом использовать клуб «Разумный отдых» и школу при нем.

Международный день работниц.

Помню, приближался Международный день работниц — 8 марта 1915 г. Решено было в этот день устроить собрание всей школы, на котором заслушать доклад двух женщин-работниц — членов нашего кружка — о значении этого дня. На этот вечер мы отправились вместе со студенткой Института Родниковой.

Мы вошли в клуб в тот момент, когда собрание было уже в сборе. Присутствовало человек 30—40.

Каким жалким покажется нашим женотделам наш праздник с 6—7 женщинами и двумя-тремя десятками мужчин в школе на Дорогомилове по сравнению с теперешними грандиозными митингами и собраниями, которые едва вмещают самые большие здания, имеющиеся в Москве, но по тем временам, в условиях царизма, это был большой день и значительное событие в нашей революционной работе.

Учитывая всю опасность организации такого собрания в помещении, находящемся под бдительным наблюдением полиции, в день, когда бдительность охранки удесятеряется, мы решили в случае появления полиции придать собранию вид урока русского языка. Эту сцену должна была разыграть Соколова. Начался доклад, молодая девушка-работница взволнованно, краснея и запинаясь, начала говорить о значении дня работниц, ежеминутно заглядывая в свою исписанную каракулями тетрадку. Не успела она кончить своего доклада, как наше чуткое, настороженное ухо уловило тяжелые шаги нескольких десятков пар ног, которые, повидимому, принадлежали людям, слабо знакомым с топографией местности, так как было слышно, как они тыркались по темному коридору клуба, ища двери. «Полиция!» — мгновенно пронеслось в наших головах. Докладчица оборвала на полуслове, словно чем-то подавившись. Соколова начала читать что-то из Некрасова, тщетно стараясь придать своему голосу обычную выразительность. Ученики с трудом узнавали в ней свою учительницу русского языка. Дверь раскрылась, и на пороге выросла фигура пристава, а вслед за ним ввалилась толпа городовых и дворников. «Что за собрание?» — раздался грозный голос пристава и в ответ на него среди мертвенной тишины прозвучал смущенно голос нашей учительницы, что это не собрание, а урок русского языка. Пристав, бегло окинув взглядом собрание и остановив свой взгляд на моей студенческой тужурке, которую я по преступной неосторожности не заменил чем-нибудь более пролетарским, усмехнулся и ядовито заметил: «что же и студенты наравне с рабочими берут у вас уроки русского языка?». Началась проверка. Каждого из нас по одному пропускали через пристава, который просматривал наши документы и по известным ему одному соображениям одних пропускал, а других направлял в участок. Мы столпились в противоположном от двери углу комнаты и полушопотом стали обсуждать положение. Выяснилось, что на квартире у Родниковой хранится гектограф с отпечатанными на нем воззваниями Циммервальдской конференции. Все мы были уверены, что ее, как студентку, не состоящую в числе учителей школы и не могущую принадлежать к составу ее учеников, задержат и произведут обыск на квартире... А за гектограф и воззвания по царским законам полагалась тяжелая кара. Как быть? Что предпринять? Решено было, что рабочий Панов, у которого все документы были в порядке, в числе первых пойдет на проверку с тем, чтобы успеть съездить на квартиру Родниковой и изъять гекто-

граф с воззваниями. С затаенным дыханием следили мы за тем, как пристав проверял документы Панова. Однако сошло все благополучно, его не задержали. Проверка затянулась до часу ночи. Мы с Родниковой подверглись ей последними. Страхи оказались напрасными: нас не задержали. Во втором часу ночи пустынными московскими улицами мы отправились в Замоскворечье, оживленно обсуждая случившееся... Я зашел к Родниковым, чтобы узнать, как провел Панов свою операцию с изъятием гектографа. В квартире Родниковой был невообразимый переполох. Хозяйка лежала с головой, повязанной мокрым полотенцем, в воздухе стоял запах нашатырного спирта. Сестра Родниковой встретила нас как выходцев с того света. «Живы, не арестованы», — засыпала она нас градом вопросов. Оказывается, что за то время, когда мы ждали проверки, в квартире Родниковых разыгралась целая драма. Панов, выскочив из клуба, бросился на первый попавшийся трамвай и скоро был уже в Замоскворечьи. Он забежал к Муравьеву и вместе с ним отправился на квартиру Родниковой. Шел уже 11 час ночи. Сестра Родниковой и ее подруга были в театре. В квартире оставалась одна престарелая хозяйка, дама в достаточной степени слабонервная. Раздался звонок, и незнакомый мужской голос попросил Родникову. Уверения хозяйки, что никого дома нет, мало подействовали на стоявшего за дверью мужчину. Он домогался, чтобы ему во что бы то ни стало открыли дверь. Приоткрыв дверь и увидев студенческую фуражку Муравьева, хозяйка успокоилась и пропустила его в квартиру. Однако вслед за ним ввалилась громадная фигура Панова, в костюме рабочего-слесаря. Оба гостя были очень взволнованы и тяжело дышали, словно только что спаслись от какой-то погони. В ответ на вторичное замечание хозяйки, что никого из Родниковых нет дома, гости попросили провести их в комнату Родниковой, чтобы они могли ей оставить записку... Не успели гости закрыть за собой дверь родниковской комнаты, как слух хозяйки был встревожен необычайной возней, какая началась в комнате: загремели ключи, задвигались чемоданы, упал с шумом какой-то стул... И когда встревоженная хозяйка открыла дверь, то перед ее глазами предстала картина, заставившая ее в ужасе дико закричать. Муравьев срывал замок с какого-то чемодана, а Панов лихорадочно перебирал белье гардероба, при этом в разные стороны летели дамские чулки, рубашки и разные другие принадлежности дамского туалета. Наконец, Панов с облегчением крикнул «нашел» и, схватив под-мышку какой-то сверток, бросился мимо теряющей со-

знание хозяйки к выходу. Вслед за ним бросился и Муравьев, крикнув хозяйке на прощанье, чтобы она успокоилась и не поднимала шума. Так в 1915 году мы отпраздновали Международный день работниц. В результате всего этого инцидента наша группа лишилась одного из наших активнейших членов Федорова, который был арестован.

Эта первая неудача нас не остановила, и через несколько дней мы провели доклады наших работниц в Замоскворечьи в союзе сумочников, ремешечников и портмонетчиков.

1-е мая.

Быстрыми шагами надвигалась весна. Все горячее пекло солнце, улицы Москвы очистились от снега и по ним загремели пролетки. Приближалось 1 мая, а вместе с ним новые заботы по подготовке к празднику, новые тревоги и волнения. Наша дорогомиловская группа начала готовить листовку. Помню наполненную винными парами, табачным дымом и хриплыми звуками граммофона грязную комнату дорогомиловской пивной, где наша группа коллективно обсуждала содержание листовки. Сколько было затрачено сил и энергии и сколько пришлось преодолеть затруднений, чтобы отпечатать эту листовку, и сколько неосновательных надежд было связано с ее выпуском! Но вот все отпечатано и развезено по заводам. Редко кому из нас хорошо спалось в эту ночь — накануне 1 мая.

Вот и первое мая. Открываю глаза, приподнимаюсь с постели, подбегаю к форточке и вслушиваюсь в утренний шум просыпающегося города. Среди этого шума жадно пытаюсь отличить звуки двигающегося трамвая. Слух не улавливает звуков трамвайного движения... Вспыхивает радостная надежда: «не вышли, бастуют»; но следующая же минута приносит полное разочарование. С нарочито, как мне кажется, резким, дразнящим шумом пробегает первый трамвай, за ним второй, третий... Наша листовка оказывается маленькой синичкой, тщетно пытавшейся зажечь море.

Массовки.

После 1 мая все чаще и чаще начинаем устраивать массовки. Самое слово «массовка» указывает на что-то массовое. Тот масштаб, на который мы привыкли мерить массы после революции, ни в какой степени не совпадает с дореволюционным масштабом. Кто теперь собрание в 30—40 человек назовет массовым, а тогда это была недурная массовка. Почти

каждое воскресенье мы устраивали где-нибудь за городом такие массовки. Для того, чтобы в условиях того времени организовать массовку, надо было преодолеть тысячу препятствий и затруднений. Вот вы выходите из квартиры, чтобы отправиться на массовку. Первым долгом вам надо проверить, не следит ли за вами шпик. Для этого практика выработала целый ряд приемов, неожиданные повороты под прямым углом и многое другое. Но вот вы счастливо отделались, поезд подвозит вас к нужной вам станции, вместе с тем встают и новые трудности, нельзя итти в условленное место скопом, а поодиночке и, по возможности, разными путями. А это довольно затруднительно, в особенности, когда плохо или совсем не ориентируешься в местности. Надо поэтому расставить патрулей, договориться о пароле. Но и все эти предосторожности еще не служат достаточной гарантией того, что все пройдет гладко, и нередко случалось, что многие из нас, проблуждав несколько часов по полям, лесам и дорогам, ни с чем возвращались восвояси. Но вот все трудности преодолены... Начинается массовка.... Надо вести себя так тихо, чтобы не выдать своего присутствия какому-нибудь шпику или полиции. Помню одну такую массовку на Благуше. Мы очутились в густой чаще благушинского леса. Несмотря на ясный августовский день, солнечные лучи слабо проникали сквозь лохматые ветви елей. Под их прикрытием мы сидели, затаив дыхание. Я полузадушенным голосом делал доклад о войне и Интернационале. Вдруг к нам подбежал заяц, присел на задние лапки, повел ушами, не нашел, повидимому, ничего интересного в моем докладе и спокойно заковылял дальше. Мы невольно рассмеялись. Наша массовка не могла даже напугать зайца, пользующегося заслуженной славой труса. Кто мог из нас в тот момент думать, что из этих массовок вырастет сила, которая освободит Россию и потрясет мир...

В Крылатском.

На лето многие из нашей группы переехали на дачу. Амосов с Федоровым сняли какую-то деревенскую избу на окраине села Крылатского по Александровской ж. д. на берегу реки Москвы, страшно гордились, что и они — дачники, и все приглашали нас в гости. Решено было устроить в ночь под воскресенье в Крылатском массовку с участием меньшевиков и беспартийных рабочих. Теплым летним июльским вечером мы с М. И. Хлоплянкиным и С. Кирилловым отправились в Крылатское. Дача наших друзей стояла от села в

почтительном отдалении и в этом было ее главное и, пожалуй, единственное достоинство. В остальном же она блистала отсутствием каких бы то ни было элементарных удобств. Начать с того, что весь ее инвентарь исчерпывался столом, табуретом и топчанкой. Но обитателей ее, повидимому, мало трогало это обстоятельство. Это буржуа свойственно в этом мире срывать цветы удовольствия и пользоваться всеми удобствами, а они были профессионалы-революционеры. Оба находились на нелегальном положении, постоянно меняли свои паспорта и фамилии. Федоров перешел на нелегальное положение после того, как его выпустили из участка — после месячного сидения. Службы он лишился, и жил как птица небесная. Амосов, кажется, служил в «Журнале для хозяек» конторщиком [1]). Откуда-то понатаскали они кое-какой кухонный инвентарь. Как гостеприимные хозяева, они первым долгом предложили нам чай, который наспех вскипятили в какой-то посудине, представляющей из себя нечто среднее между ведром и железной коробкой из-под монпансье. Быстро стала съезжаться публика. Надвигались сумерки. Вскоре взошла луна, настала теплая июльская ночь. Разбившись на пары и тройки, мы отправились в лес. Забились в самую чащу. Было немножко сыровато, от реки шел пар. Мы выбрали в чаще поляну, и началась массовка. Обсуждался вопрос об отношении к военно-промышленным комитетам. Большинство было против вхождения в военно-промышленные комитеты, но было и несколько сторонников. С ожесточением набросились мы на них. Спорили страстно, долго, с ожесточением до тех пор, пока не побледнела луна и не появилась на горизонте первая полоска света. Коротка летняя ночь! Обратно, забыв про всякие предосторожности, шли густой толпой с пением песен. Выделялся голос Амосова. Он умел петь с увлечением и всякий мотив переделывал на свой лад. Далеко-далеко на заре разносилась наша песня. Придя на дачу, мы, усталые, повалились спать кто где попало. Хуже всего пришлось в эту ночь топчанке. Она вынуждена была выдержать нагрузку в 5—6 раз большую нормальной.

Организация МК.

Быстро промелькнуло лето. Осень принесла новые военные поражения, разгул реакции, усиление разрухи, голод. Очереди у магазинов росли с каждым днем, а вместе с этим

[1]) В «Журнал для хозяек» он устроился по соображениям безопасности, с точки зрения охранки.

росла и ненависть и протесты в рабочих кварталах. Для нашей антивоенной пропаганды создавалась все более и более благодарная почва. Мы удесятерили энергию. Амосов находился в раже. С утра до ночи он все бегал, где-то что-то организуя, менял квартиры и паспорта, как перчатки. Если сегодня он вам представлялся Иваном, то не было ничего необычного в том, что завтра он уже будет Петром, а послезавтра каким-нибудь Семеном... Из «Журнала для хозяек» он перешел на работу в студенческую столовую на Моховой. Так я и не мог определить, в чем заключалась его служба в этой столовой, да и сам он едва ли это знал. При всех моих частых свиданиях с ним я ни разу не видел, что бы он делал что-нибудь, связанное со столовой, кроме того, что обедал. Кажется в 20-х числах октября он вместе с Л. Федоровым был арестован. В наших рядах образовалась чувствительная брешь.

Я поступил на службу в орган надзора Московского союза потребительских обществ в качестве секретаря. Круг моих партийных, нелегальных связей расширился. У нас образовалась ячейка, куда вошли Петров, Оськин, интернационалист-меньшевик Гимельрейх и многие другие. Была принята большевистская платформа «Поражение царской России — наименьшее зло». Правда, при одном воздержавшемся, Гимельрейхе. Скоро на службу в Центросоюз перешел и Тер. Он работал в качестве счетовода. Признаться, мне в первое время странно было видеть этого страстного революционера за огромным столом, на вертящемся стуле, с головой, склоненной над бухгалтерскими книгами, испещренными бесконечными колонками цифр. Кажется, Тер и бухгалтерия — это понятия, друг друга исключающие. Там, где Тер, какая там может быть бухгалтерия и наоборот — там, где бухгалтерия, там, казалось, не может быть Тера...

В то время одна мысль владела нами, как мания, и не давала покою — это создание МК. Сюда были направлены все силы и вся энергия Тера. За этот год уже не один МК проваливался. За каждым провалом следовали новые отчаянные попытки сколотить МК, которые снова оканчивались провалом. В Организационной комиссии по созданию МК от нашей столовской группы работал Семовских. Это был очень скромный человек, твердокаменный большевик, отчаянный конспиратор и упорный организатор, не смущавшийся неудачами и твердо шедший по раз намеченному пути. Помню, в один из ноябрьских вечеров, когда внизу в столовке шла вечеринка, наша группа собралась наверху столовки для намечения кандидата от всех студенческих пропаган-

дистских групп в МК. Тер предложил мою кандидатуру, ссылаясь на мою принципиальную выдержанность, спокойный характер и меньшую популярность в кругах охранного отделения. Собрание единодушно подтвердило мое избрание. Со сложными чувствами возвращался я из столовки к себе на Переведеновку, где я в то время поселился. Как-то несколько страшило то бремя ответственности, которое ложилось на мои плечи с этим избранием, и в то же время было радостно на душе от товарищеского доверия, оказанного мне, и было большое желание приняться скорей за работу. Через несколько дней ко мне на службу приехал Семовских и, отведя меня в сторону, передал мне, что выборы в МК по районам уже закончены и что надо назначить первое заседание вновь избранного МК. Условились устроить заседание у меня на квартире 1 декабря 1916 г.

Первое заседание.

Вот он настал, наконец, этот долгожданный день, который должен был стать первым днем жизни нелегального московского штаба нашей партии.

С утра я чувствовал себя в приподнятом настроении. На службе в Московском союзе плохо работалось, все мысли были вокруг предстоящего заседания, которое я воспринимал, как какой-то критический перелом в моей жизни, какую-то очень важную грань, за которой должна начаться большая ответственная работа, возбуждающая энергию и в то же время пугающая тяжестью всей той ответственности, которая на меня ложилась.

Раньше времени кончаю работу и бегу к себе.

Прошу хозяйку поставить самовар, распечатываю только что выданное за какой-то бесценок в Московском союзе какао и жду с нетерпением условленного часа. В моей комнате с большой лампой с красным абажуром и кипящим самоваром тепло и уютно. На столе лежат свежие газеты «Русские ведомости» и «Русское слово», в столе — неоконченная листовка против войны, которую я составляю для МК, но газеты так и остаются непрочитанными, а листовка недописанной. Хожу из угла в угол и жду... жду...

Кто избран в МК и кто, следовательно, сегодня будет моими гостями, с кем придется с сегодняшнего дня нести тяжесть работы, — я не знаю... Семовских из-за предосторожности даже мне не назвал ни одной фамилии.

Наконец, тихо звонит звонок, приходит первым Семовских веселый, возбужденный. Говорим почему-то о посторон-

нем. Вскоре приходят еще трое: Шевков от Городского района, Попов от Рогожско-симоновского и Титов от Сокольнического. Я предлагаю им какао. Ждем еще с полчаса, но никто больше не приходит и решаем в 9 часов открыть заседание. Открывает заседание Семовских, как представитель Организационной комиссии. Его миссия сводится к тому, чтобы изложить историю наших выборов, передать партийные связи и сложить свои полномочия. С увлечением и с тщетно сдерживаемой радостью он рассказывает о всех перипетиях и преодоленных трудностях работы по сколачиванию МК. «Ну, на этот раз все так законспирировано, что едва ли охранка докопается. Это наверное будет первый за эти годы прочный МК!!.» — торжествующе кончает он.

Арест.

Не успел он произнести этих слов, как раздался резкий, властный, нетерпеливый звонок. Так звонят только власть имущие. Мы все вздрогнули, переглянулись и поняли, что это полиция. На звонок выбежала хозяйка и открыла дверь. «Где здесь Константин Васильевич?» — скороговоркой спросил какой-то мужской голос и вслед за тем без всякого предупреждающего стука открылась дверь, и мы увидели всю переднюю, забитую городовыми и дворниками... «Руки вверх!» — скомандовал вошедший первым пристав. Мы встали с поднятыми вверх руками, нас обыскали и занялись обыском моей комнаты. «Что за собрание?» — спросил пристав. «Никакого собрания, — ответил я. — Вот этот, — указал я на товарища Семовских, — мой товарищ по Институту, который пришел ко мне в гости, а остальные пришли для переговоров относительно поступления на работу в Московский союз потребительских обществ, где я служу в качестве секретаря органа надзора, который как раз и ведает приемом на работу. Так что я даже их не знаю». — «Что же так всех незнакомых вы поите чаем», — спросил меня пристав. «Да, — ответил я, — если желаете, могу и вас угостить». «Нет, благодарю, — ответил мне пристав. — Я незнакомых чаем не пою». — «Ну, значит, — заметил я, — у нас с вами разные понятия о гостеприимстве». Обыск длился долго, обыскивали каждую щель. Забрали у меня запрещенную литературу, всю переписку и мою неоконченную прокламацию против войны, а по окончании обыска предложили нам следовать в Сокольнический участок и предупредительно посоветовали захватить с собой постель, необходимое белье и прочие вещи. Прихватили мы и начатый нами пакетик какао.

По дороге в Сокольнический участок мы успели узнать фамилии друг друга и наспех сочинили какую-то версию на тот случай, если нас разлучат и мы не успеем договориться в тюрьме. Была глубокая полночь. Улицы были пустынны и безлюдны. Попадались только дремлющие дворники в тулупах. В Сокольническом участке, куда нас привели, царила также дремотная тишина, дремал дежурный, клевали носом городовые. На столе у дежурного стоял телефон и на розовой бумаге, покрывающей стол, было записано мое имя, отчество и адрес. Очевидно кто-то нас выдал. Но кто?

В Сокольническом участке мы просидели до утра. Часов в 12 нам предложили пешком отправиться в Арбатский арестный дом. Мы категорически отказались, потребовав, чтобы нас отвезли на извозчиках. После некоторого препирательства нам подали 5 извозчиков. На каждого посадили по одному из нас и по городовому, и весь кортеж двинулся гуськом через всю Москву. Было очень холодно, мороз изрядно щипал нам нос, щеки, уши, забирался под пальто и неприятными мурашками пробегал по всему телу. С какими-то смутными чувствами проезжал я по знакомым улицам Москвы, где еще так недавно носился я вольной подпольной птицей, и которые стали вдруг такими недоступными. Встречная публика с удивлением и интересом провожала нас глазами. В двух местах до нас донеслись замечания: «жуликов повезли», а в другом кто-то полуиронически, полусочувственно заметил: «свадебный поезд». Извозчики везли быстро, словно желая поскорее избавиться от неприятных и к тому же бесплатных седоков, и вскоре наш кортеж уже въезжал во двор Арбатского арестного дома. Поместили нас всех в одну камеру.

В Арбатском арестном доме.

В камере было холодно, грязно, неуютно. Не успели мы как следует оглядеться и освоиться с новым положением, как услышали из соседней камеры пение. Чей-то молодой голос пел: «Скрывается солнце за степью». И песня и голос показались мне поразительно знакомыми. Решил проверить, постучал в дверь, подошел тюремный надзиратель и разрешил мне выйти. Я выждал, когда он, повернувшись ко мне спиной, пошел в другой конец коридора и быстро прильнул к глазку соседней камеры. «Георгий», — крикнул я вне себя от радости, увидев в камере Алешу Амосова. «Какой я тебе, чорт, Георгий, я Сергей», — ответил он мне сердитым полушопотом. На первой же прогулке я узнал, что у него были все основания на меня сердиться. Его

схватили на дороге и с ним было найдено бесчисленное количество паспортов. Шпики его очень упорно преследовали и становились втупик, кто же он. Не было, кажется, двух мест, где бы его одинаково называли. Последнее его имя было Сергей. Охранка знала, что это его вымышленное имя, но отгадать его настоящее имя и фамилию была бессильна. В конце концов решено было предать его суду, как бродягу. За бродяжничество по царским законам полагалась довольно суровая кара: 3 года арестантских рот и ссылка в Сибирь на вечное поселение.

Вместе с ним сидит в одной и той же камере и Федоров.

В тот же вечер получаем богатую передачу из столовки. Чего-чего тут не было: сыр, масло, котлеты, пудинг... Это не тюремное, а прямо санаторное питание.

Так началась наша тюремная жизнь. Мы скоро перезнакомились и зажили дружной семьей. Режим был сравнительно свободный. Через одного надзирателя мы получали «Русское слово», правда, вместо 5 коп. за 50. Устраивали доклады, без конца спорили и подолгу пели.

Первое время нам не разрешали свиданий, и мы были как бы отрезаны от всего мира. Что там делается на воле? Нет ли еще других провалов? Делаются ли новые попытки к организации МК или руки опустились у наших товарищей? Все эти вопросы нас мучили и волновали.

Первая весточка с воли пришла не ждано, не гадано оттуда, откуда мы менее всего могли ее ожидать.

По обыкновению к вечеру, как всегда, мы получили ужин из столовки и с увлечением принялись за еду.

Вдруг один из нашей компании с отвращением и ругательствами вытаскивает из котлеты какую-то бумажку. Это и была нам первая весточка с воли. Вскоре у нас началась систематическая переписка через лиц, приходящих на свидание. Мы получили довольно длинное и подробное письмо от Тера, полное новых надежд и извещающее о новых попытках организовать МК. Довольно долго и однообразно тянулся первый месяц нашего сидения.

В первых числах января нам неожиданно объявили, что нас переводят в Сокольническую тюрьму.

В Сокольнической тюрьме.

В Сокольнической тюрьме разбили нашу дружную коммуну, расселив нас по отдельным камерам, по два человека на камеру. Условия здесь были гораздо более строгие. Соседние с нами камеры были полны уголовными преступни-

ками. Следы уголовных были видны всюду, в том числе и на стенах нашей камеры. Они были испещрены педерастическими и всякими другими неприличными надписями. Жизнь наша стала гораздо однообразней и скучней. Со своими встречались только во время уборки камеры, когда позволялось выходить в коридор, да еще во время прогулок. А в остальное время приходилось удовлетворяться одним перестукиванием. Связи с внешним миром, которые мы поддерживали путем нелегальной переписки, как-то сразу оборвались, газеты также отошли в область прекрасного прошлого. Ежедневные передачи из столовки прекратились. Книг не было. Дни тянулись серые, скучные, однообразные. Чтобы не потерять счет дням, Семовских написал на стене нечто вроде календаря и ежедневно зачеркивал по одной цифре. Иногда от скуки мы принимались мечтать и фантазировать. Почему-то это бывало всегда в сумерках. О чем только мы ни говорили и куда только ни уносились наши мечты в эти тихие, сумеречные тюремные вечера. Помню как-то фантазия наша до того разыгралась, что мы представили себе, что у нас, в России, стало как в Европе. 1 мая происходит митинг на Ходынке, масса трибун, выступает Ленин. Оркестры гремят «Интернационал»... Могли ли мы думать в то время, что не пройдет и года, как жизнь далеко опередит нашу самую смелую фантазию. Скоро меня ожидал сюрприз. Помню, был один из самых скучных тюремных дней. Уже давно кончилась поверка, уже давно мы напились чаю, убрали камеру. Наступил длинный предобеденный период, который тянется с 5½ утра до 12 часов дня. Надоело без конца мерять шагами камеру, надоело мечтать о несбыточном, надоело наблюдать из окна много раз виденную картину тюремного двора. Мой сожитель по камере Николай Семовских усиленно старается вспомнить, нет ли у него знакомых с фамилией на букву «Е», — он задался целью расположить в алфавитном порядке по фамилиям всех своих знакомых... В коридоре отчаянно зевает скучающий надзиратель. Нет даже тоски, а какая-то противная мутная скука. Вдруг гремят ключи, открывается дверь нашей камеры, и меня зовут на свиданье. С нетерпением бегу через тюремный двор в комнату свиданий, надзиратель еле за мной поспевает, что-то недовольно ворча себе под нос. Комната для свиданий представляет собой ряд окон с металлическими сетками. Становлюсь к одному окну и вижу Родникову. После очень долгих хлопот ей удалось добиться свидания со мной под видом невесты. Она стоит у такого же решетчатого окна с противоположной стороны,

между окнами ходит часовой и настороженным ухом ловит наши разговоры. Приходится кричать, чтобы быть услышанным на таком довольно почтительном расстоянии, а так как на свидании мы не одни, то стоит невообразимый шум. Так много хочется узнать, так о многом расспросить, что как-то теряешься. Из обрывков фраз, долетающих до меня, узнаю, что 9 января состоялась демонстрация, что в столовке был обыск, арестовали Тера, и он бежал из-под самого носа полиции, что у лавок растут хвосты, какие-то события происходят в Думе... В самый разгар беседы объявляют об окончании свиданья.

Освобождение.

Однажды утром узнаем о передаче нашего дела в департамент полиции, доходят слухи о том, что нас предполагают после трехмесячного сидения сослать в административном порядке в Иркутскую губернию. Начинаем готовиться к ссылке. 1 марта кончаются 3 месяца нашего тюремного заключения. Ждем перевода в Бутырскую тюрьму и высылки. Настает 28 февраля. Нам объявляют, что завтра нас переводят из Сокольнической тюрьмы. Куда, с какой целью, — ничего не знаем. Один из тюремных надзирателей, который любил с нами поговорить на тему о божественном, сообщает, что в Питере что-то творится неладное, что царь бежал в Сибирь, и что заместо царя теперь председатель Думы Родзянко. Мы не верим, смеемся. Настает день 1 марта 1917 года. Кончились 3 месяца тюремного заключения. Сегодня нас переводят в Бутырки. Одеваемся, выходим в контору, нам выдают вещи и ведут в конвойную комнату. Среди конвойных смущение, говорят, что городом вести опасно. Чувствуется, что что-то происходит. Но что? В сопровождении конвоя, нагруженные вещами, выходим на тюремный двор, смотрю, навстречу мне бежит Родникова. Сегодня среда — день свиданий. Конвойные не препятствуют ей близко подойти и перекинуться несколькими словами. Ведут нас в Сокольнический участок. Переходим трамвайную линию. Трамваев нет. Что же все это значит? — в сотый раз задаем себе недоуменный вопрос. Один из нашей компании отделяется и удирает. Почему же так бездеятелен и пассивен конвой? Приходим в Сокольнический участок. Там стоит невообразимая суматоха, звонят звонки, снуют какие-то гражданские люди, растерянно бегают пристава и городовые. Наш конвой постепенно разбредается. А мы стоим и ждем. Чего? Вдруг как-то сразу, точно сговорившись,

понимаем, что им не до нас. Забираем вещи и выходим на улицу. Родникова бежит за извозчиком, прощаюсь с товарищами и еду. Завожу вещи к знакомым студентам на Немецкую. К себе домой ехать боюсь, а вдруг хватятся и арестуют. Вещи устроены, решаем отправиться в столовку. Москва поражает своим видом, по стенам висят объявления военно-революционного комитета, по улицам мчатся автомобили с вооруженными людьми, с развевающимися красными флагами. Красная площадь, Театральная, Воскресенская залиты морем людей, не смолкает громогласное ура, несущееся навстречу всякой новой радостной вести о новой победе революции: арсенал взят; такая-то часть перешла на сторону революции. То там, то здесь переливается могучей дружной волной революционная песня, и над всей этой радостно-возбужденной толпой светит яркое весеннее солнце. Что это — сон ли или действительность? Вот, наконец, и столовка. Открываю дверь и вхожу в чайную. Десятки рук поднимают меня и начинают качать. Потом кто-то напоминает о том, что, может быть, я голоден. Сразу с места срываются несколько человек, и вдруг я оказываюсь за столом, и на нем как бы по мановению руки появляются 3 первых и 5 вторых и несколько третьих блюд. Но до еды ли теперь?

Смотрю, открывается дверь, входит вооруженный с ног до головы Мышкин и сжимает меня в своих медвежьих объятиях. Вслед за ним вбегают Кириллов и Фельдман. Они только что с митинга и словно пьяные. Охрипшими голосами они зовут меня немедленно ехать с ними на какой-то новый митинг...

ОТДЕЛ II.

Замоскворечье в период от Февраля к Октябрю.

Е. ГЕРЦОВСКАЯ.

Замоскворечье от Февраля до Октября.

(По воспоминаниям и материалам.)

Начало революции в Замоскворечьи.

Раннее утро. Тяжелой поступью шагает колонна замоскворецких рабочих по Большой Полянке. Лица у всех суровострогие, в глазах смешанное чувство решимости и тревоги. Идут в молчании. Обыватели робко смотрят им вслед. На Большом каменном мосту они встречаются с отрядом солдат во главе с молодым офицером. Последний преграждает им путь. Один из рабочих вступает с офицером в разговор, убеждая его пропустить их к Думе. Остальные рабочие за спиной офицера братаются с солдатами. Офицер видит это, молчит, рабочие проходят дальше, вперед.

11—12 марта. На Серпуховской площади большой митинг. На митинге — рабочие, работницы, солдаты. Горячо обсуждаются последние события: как солдаты присоединялись к рабочим, как утекали околоточные и городовые. Рабочие рассказывают, как они разоружали городовых, «а те хоть бы что: сразу сами отдавали кобура». Выступали на митинге и беспартийные рабочие, и партийные, и солдаты. Один солдатик вскочил на скамейку, заменявшую трибуну, и выкрикнул: «им война до победы, а как нас на фронте за всякую малость розгами хлестали — позабыли, а тепереча, — воля и конец надругательствам»!

22 марта «Русские ведомости» (кадетская газета) писали, что Временное правительство решило назначить верховным главнокомандующим генерала Алексеева, который во время

Февральского переворота был призван царем усмирить революцию. Сообщалось также, что Керенский по прибытии в ставку, расцеловался с Алексеевым. Кадеты, которые уже в этот период революции жаждали твердой власти, были очень довольны таким назначением. Рабочие роптали.

У храма Христа спасителя, где часто в то время устраивались митинги среди буржуазной публики, — студент небольшого роста, представитель кадетской партии, завсегдатай этих митингов, — щупленький, с бледным лицом, с коротко остриженной, почти бритой головой, с маленькими белобрысыми усиками, в наглухо застегнутой студенческой тужурке, — стоял на возвышении, поворачивался во все стороны и говорил: «им (большевикам) Алексеев не нравится, потому что он патриот, защитник отечества, честный гражданин. Им, «запломбированным», нужны провокаторы, они за братанье с врагами России, они шпионы, предатели». Неподалеку от оратора в толпе стояло несколько рабочих Замоскворечья, они слушали, сжав кулаки, гнусную речь оратора. Когда он кончил, один из рабочих попросил слова. Толпа, состоящая, главным образом, из «прилично» одетых мужчин и женщин в франтоватых шляпках, заколебалась: дать или не дать слово, а вдруг начнет хвалить большевиков. Наконец, дали: «вы вот говорите, — начал рабочий, — что Алексеев защитник отечества, что он герой, а знаете ли вы, что Николай II, перед тем, как его опрокинули в Февральские дни, призвал Алексеева на место министра Протопопова, чтобы расправиться с крамолой. Знаете ли вы, что если б ему удалось разбить революцию, нас согнули бы в бараний рог и снова гноили бы по тюрьмам. А правительство, — продолжал рабочий, — которое целуется с Алексеевым, нам, рабочим, не надо; а то, что вы говорите о большевиках...», но не успел он выговорить это слово, как со всех сторон раздались негодующие крики: Долой! Не надо! Он большевик! Он ленинец!

Сложность вопросов, которые революция выдвинула перед рабочим классом, еще смутно осознавалась массами.

На митингах, которые в те дни стихийно возникали на всех площадях района, на заводах и фабриках, ораторы говорили по разному. Трудно было сразу разобраться кто прав, кто неправ. Одни кричали: «Да здравствует свобода, равенство и братство!» Другие возражали, что ни равенства, ни братства еще нет.

Памятным останется грандиозное шествие к Думе замоскворецких рабочих в мартовские дни.

Такому революционному проявлению активности масс способствовали большевики Замоскворецкого района. Помимо крепкой ячейки большевиков на заводе Михельсон, которая была связана с МК, имелись рабочие-большевики на других заводах и фабриках: Бромлея, Густава Листа, ф-ки Эйнем, «Поставщик», Даниловской мануфактуры и др.

На больших митингах, на собраниях, в заводских комитетах, в советах эти товарищи на фоне развивающихся событий давали бой меньшевикам и эсерам.

Начинается движение за 8-часовой рабочий день. 21 марта на заседании Исполнительного комитета Московского совета рабочих и солдатских депутатов рабочие сытинской типографии, находящейся в то время под влиянием меньшевиков, через своего представителя заявляют, что они готовы ждать постановления Совета рабочих и солдатских депутатов.

Представитель завода «Густав Лист» заявляет другое; он говорит, что рабочие не могут им (советам) простить прекращения политической забастовки до введения 8-часового рабочего дня. Большого труда стоит удержать рабочих теперь от разрозненного предъявления целого ряда экономических требований.

Представитель завода Михельсон говорит, что у них настроение боевое, часть завода уже ввела явочным порядком 8-часовой рабочий день, хотя администрация не хочет с этим считаться. Совет рабочих депутатов должен санкционировать введение 8-часового рабочего дня. Возможны локауты, но пролетариат перед этим не должен останавливаться.

Эти речи представителей рабочих быстро передаются с одного завода на другой, а 10 апреля четырехтысячный митинг Даниловского подрайона выставляет требование о введении 8-часового рабочего дня по всей России. То же самое происходит и на других заводах и фабриках Замоскворечья.

С начала апреля лозунгом дня становится вопрос об отношениях к Временному правительству. 10 апреля рабочие завода Износкова, собравшись на митинг, выносят резолюцию следующего содержания: «Временное правительство по своему составу и существу буржуазно и потому не может быть действительно революционно и не заслуживает нашего доверия». Такие же резолюции выносятся и на других заводах. Рабочие очень сильно реагируют на все, что в той или иной степени может содействовать возврату старого. Так, в связи со слухами о слабом надзоре за Николаем II, 14 апреля общее собрание служащих обозных мастерских в количестве 1 600 человек выносят постановление: «Ввиду опасности, могущей возникнуть со стороны Николая, потому что слишком просто и

даже буржуазно Николай проживает во дворце, мы рабочие и служащие обозных мастерских требуем от Временного правительства дать Николаю и всему бывшему дому Романовых квартиру в Петропавловской крепости».

15 мая на общем собрании рабочих и служащих завода Михельсон, помимо требования заключения в крепость Николая II, требуют об отказе в содержании членам Государственного совета и Думы.

Центром революционных действий, штабом революции со времени своего конструирования становится Замоскворецкий комитет РСДРП (большевиков). В небольшой комнатушке, в здании студенческой столовой Коммерческого института, под самой крышей, куда вела деревянная лесенка, с утра до вечера толпились рабочие. Одни приходили, другие уходили. Здесь было неуютно, тесно и душно, но это не мешало работникам района, лучшим руководителям фабрик и заводов, оставаться до позднего вечера, а то и до глубокой ночи, когда того требовали обстоятельства. На-ряду с организацией райкома происходило и оформление партийных ячеек на заводах. В конце апреля из района идет уже обращение в Московский комитет о созыве общегородской партийной конференции и об улучшении экспедиции газеты «Социал-демократ».

Из членов райкома помню товарищей: Волкова, Иванова, Куприянова, Терехина, Козичева, Ольгу Горбачек, Пана, Илью, Файдыша, Борисова и др.

Примерно, с начала мая, под руководством большевистских организаций района стал устанавливаться все больший порядок в смысле организованного отклика на важнейшие события дня как внутренней жизни завода, так и событий общегосударственного значения.

Когда заслуживающее внимания событие надвигалось,— быстро, по телефону устанавливалась связь между заводами и райкомом, и работа начиналась. В районный комитет часто звонили с фабрик и заводов не только по партийной, но и по профессиональной линии; приходилось вмешиваться в конфликтные дела между рабочими и хозяевами. Очень часто звонили в парткомитет, чтоб прислали товарища, который выступил бы перед рабочими для разъяснения того или иного политического вопроса.

На больших митингах за этот период времени больше всего выступали т. Бухарин и т. Ломов. Постоянными пропагандистами района были: Тер, Мышкин, Крокодил (Фельдман), Кириллов, Островитянов, Гуревич. Кроме того, выступали товарищи: Стрелков, Кольцов, Уваров, Козичев,

Куприянов и др. Те рабочие, у которых еще нехватало смелости подняться на трибуну, вмешивались в толпу и вели горячие споры с отдельными группами граждан, доказывая, что 8-часовой рабочий день нужен рабочему как воздух, а Временное правительство его провести не хочет, что нота Временного правительства о наступлении на фронте вредна народу и т. п.

Большой энтузиазм был проявлен пролетариатом Замоскворецкого района в своем протесте против ноты Временного правительства о том, что Россия готова продолжать политику царя и воевать до победного конца.

22 апреля, ровно в 3 часа дня, многотысячные массы рабочих стройными колоннами, совместно с 55 полком, который был в полной боевой готовности, с музыкой и революционными песнями двинулись по Серпуховской, Пятницкой, на Тверскую, к дому Совета рабочих и солдатских депутатов. На распущенных плакатах и знаменах были лозунги: «Единение солдат с рабочими», «Долой войну», «Долой Временное правительство».

Представители демонстрации заявили, что они вышли демонстрировать свою силу и выразить готовность выступить на защиту Совета рабочих и солдатских депутатов.

Меньшевики и эсеры с каждым днем все больше теряют свои позиции.

Революционное творчество передовых рабочих Замоскворецкого района не ограничивается работой в советах, завкомах, конфликтных комиссиях, на митингах и собраниях, на демонстрациях, — они организуют клубы (при партийном комитете на Даниловке), устраивают сборы на разные нужды партии. 17 апреля в Даниловском подрайоне на митинге рабочие решают произвести сбор на рабочую газету «Товарищу солдату в окопы», ввиду того, что на фронте у солдат нет рабочей газеты, а есть только буржуазные газеты. Собрали 86 руб. 76 коп.

Завод телефонный посылает в редакцию «Социал-демократ» посильную помощь в фонд партийной типографии — 1 238 руб. 60 коп.

«Не немецкие деньги, а наши трудовые посылаем, — говорится в посланиях других заводов в редакцию «Социал-демократ», — в фонд партийной типографии».

После апрельских событий Временное правительство делает вид, что идет напопятную, а на самом деле стоит на прежней дорожке. В самый день демонстрации Милюков заявил корреспонденту английской газеты «Манчестер Гардиен», что Россия должна получить господство над Босфо-

ром и Дарданеллами и что она будет требовать раздела Австрии.

После этого кризис правительства становится неизбежным. 1 мая Петроградский совет высказался за участие «социалистов» в коалиционном министерстве.

В этот же день Керенский заявляет, что говорить по отношению к Германии «без аннексий» смешно...

Столовка Малая Серпуховка, 28, бывшая центром подпольной работы в период царизма и помещением для райкома в период Февральской и Октябрьской революции.

24 мая министр Чернов заявил, что если бы раздался крик о немедленном захвате земли, то казаки и крестьяне пошли бы с кольями друг на друга, и что до Учредительного собрания вопрос о земле решиться не может.

Борьба между большевиками, меньшевиками и эсерами начинает обостряться. Лозунги большевиков о коалиционном правительстве, о войне, о контроле над производством находят в рабочих массах все большее сочувствие.

В середине мая на Большой Тульской улице состоялся митинг. Завязалась горячая схватка между представителями

большевиков и другими партиями. Представитель меньшевиков, кажется, Малкин, похвалив министров-«социалистов», начал, примерно, в следующем тоне: «Неужели, находясь в здравом уме и твердой памяти, можно думать, что большевики удержат политическую власть больше трех дней, если бы им и удалось ее захватить?» Дальше он доказывал, что захват политической власти ленинскими советами шел бы не только против буржуазии, но и против большей части рабочих, которые идут за меньшевиками и эсерами. На митинге выступило много ораторов. Среди них запомнился молодой рабочий. Он вскочил на боченок и, подбоченившись и сдвинув картуз на затылок, обратился к собранию: «Меньшевистская партия думает втереть очки нам, рабочему классу; меньшевики думают, что мы, как рабочие, то ничего не понимаем. По-ихнему выходит, что социалисты-министры будут лучше для народа, а по-нашему — будет хуже. Рука руку моет. Меньшевики и сами власти не берут, и большевикам брать не велят, уж больно буржуев любят и подсобляют, и рядышком теперь сидят». Весь митинг дружно аплодировал оратору. В принятой резолюции проводится мысль, что задачей рабочего класса в настоящее время является агитация за то, чтобы власть из рук Временного правительства перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

На общем собрании служащих и рабочих завода Михельсон принимается резолюция, в которой предлагается «конфисковать капиталы, драгоценности и все средства капиталистов, вывозящих свои драгоценности за границу и в Финляндию».

События идут ускоренным темпом, и 18 июня, под давлением рабочих масс, Совет рабочих депутатов вынужден был согласиться на устройство демонстрации. С музыкой, революционными песнями, в который уже раз за время революции, выступают рабочие Замоскворечья на демонстрацию. Стройными рядами идут они вновь по назначенному маршруту, с наскоро заготовленными знаменами и плакатами, с расшитыми на них большевистскими лозунгами: «Долой союзных империалистов», «Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» и др. Прекрасно организованная демонстрация Замоскворецкого района, большой подъем и энтузиазм, с которым пелось: «Вставай, проклятьем заклейменный», или «Тяжкий млат куй булат», — всегда вызывали бодрость у друзей и уныние у врагов. Бывали случаи, что стоящие за цепью демонстрантов, еще колеблющиеся рабочие или солдаты, подходили ближе к демонстрантам и незаметно сливались с ними.

Ярость буржуазии росла, но росли и колонны сочувствующих большевизму, становящихся на его сторону пролетариев Замоскворечья.

Все силы народные высосала проклятая империалистическая война; а буржуазия восхваляет Керенского за наступление на фронте. Барыньки называют его «душкой». Выступления против Керенского вызывают у них крики: долой большевиков! бей их, они за Ленина, за провокатора!

На углу Пятницкой, близ моста, летучий митинг. Выступают эсер, меньшевик и большевик. Небольшая кучка «чистой публики» не дает говорить большевику: свистит, кричит, улюлюкает, несмотря на явное сочувствие к оратору большинства собравшихся.

Работа тем временем кипела. В райкоме постоянно обсуждались важнейшие вопросы текущего дня, но наряду с этим в райкоме делали самую черную работу: разводили клейстер для расклеивания афиш по площадям и улицам, писали пригласительные карточки для заводов и фабрик и т. п. Перед демонстрациями, митингами работницы и рабочие сами делали флаги и сами их расписывали. Очень часто приходилось просиживать по целым ночам, особенно перед какими-либо выборами в комитет, в совет и т. п. Вспоминаются выборы в Учредительное собрание. Рабочие, работницы и комсомольцы бывали на всех предвыборных собраниях и весело агитировали за список № 5: «ты, брат, клади за пятый; с пятью лучше, чем с тремя». Помнится общезаводское предвыборное собрание 23 июня на заводе Михельсон: были представители от большевиков и других партий. Меньшевики и эсеры на этом собрании разошлись вовсю. Они называли большевиков контрреволюционной силой, уверяли, что большевики призывают рабочих захватывать заводы; что они призывают к сепаратному миру с Германией. Эти слова очень понравились администрации завода Михельсона, которая горячо аплодировала ораторам, но не нравились рабочим.

В июльские дни.

В июльские дни начинается усиленная травля большевиков; разнузданность буржуазии в эти дни доходит до крайних пределов; арестовывают вождей, громят их организации, разносят редакцию «Правды». Не только большевиков, но и сочувствующих большевикам разбушевавшиеся юнкера хватают и убивают. Так был убит беспартийный рабочий Войнов, продававший «Листок правды».

В связи с июльскими днями вновь идет ряд митингов по Замоскворечью с протестами против гонения на большевиков, на их печать и введения смертной казни.

Так, 16 июля рабочие Московского телефонного завода, собравшись в количестве 500 человек, требуют принять безотлагательные меры против организующейся контрреволюции.

Требуют принятия энергичных мер против буржуазии, избивающей мирных демонстрантов и большевиков.

Требуют положить конец клеветнической травле большевиков, обвиняющей их в работе на германские деньги.

Считают, что политика большинства советов, отказывающегося взять власть в свои руки, является гибельной для страны, и вину за петроградские (3 июля) и другие события целиком возлагают на головы того большинства, которое противится переходу власти в руки советов.

17 июля на состоявшемся в Коммерческом институте общем собрании Замоскворецкого района, в присутствии 500 человек, было послано тов. Ленину следующее приветствие: «Дорогой товарищ Владимир Ильич! В эти дни разгула шовинистических и реакционных сил, полной растерянности и беспомощности вождей мелкой буржуазии, мы снова приветствуем в вашем лице одного из самых стойких вождей революционного пролетариата».

Так переходят протесты от одного завода на другой, от одной фабрики на другую, закрепляя их в сознании рабочих масс, подготовляя путь к дальнейшей борьбе.

Начинается поход против фабрично-заводских комитетов, проводится массовый локаут, тайный и явный. Рабочие Замоскворечья живо откликаются на этот контрреволюционный поход заводчиков и фабрикантов.

Общее собрание рабочих завода «Мотор» принимает резолюцию протеста против политики скрытых локаутов, проводимой капиталистами. Вместе с тем собрание требует от Совета рабочих и солдатских депутатов принятия самых решительных мер к урегулированию промышленной жизни страны. А также протестует против проекта о назначении военноуполномоченных для урегулирования взаимоотношений между рабочими и служащими и для поднятия производительности труда.

В многотысячных забастовках московского пролетариата против контрреволюционного похода заводчиков и фабрикантов активнейшее участие принимают рабочие металлисты и рабочие кожевенники Замоскворечья.

Московское совещание.

Погромные речи Корнилова, обещание вновь образовавшегося министерства во главе с Керенским, «кровью и железом расправиться с революцией» — вызвали в рабочих массах взрыв негодования.

В знак протеста объявляется всеобщая забастовка, которая охватывает весь московский пролетариат. В Замоскворечьи в забастовке принимали участие следующие заводы: Бромлей, Эйнем, Густав Лист, Добров-Набгольц, Шаболовский завод, Телефонный, Износкова, Абрикосова фабрика, Власова, кондитерская фабрика Московских потребительских обществ, Кадэ, Флей, заводы «Мотор», Крейнис (список далеко не полный).

Совещание взяло на себя смелость быть выразителем мнения народа в то время, когда все разговоры участников совещания были направлены против народа, против революции, против рабочего класса. Накануне забастовки по всему Замоскворечью снова проносится волна митингов: рабочие телефонного завода, собравшись 11 августа, в своей резолюции характеризуют Московское совещание как концентрацию контрреволюционных сил всех видов и оттенков и высказываются за недопустимость участия в нем.

Фабрика Эйнем — 9 августа постановляет: «Совещание собирается с целью — задушить рабочее движение. Протестуем против политики Временного правительства, которое борется с революцией и поощряет контрреволюцию».

Густав Лист — 11 августа: «Общее собрание завода и собрание заводского комитета считает своим долгом всеми возможными средствами протестовать против московского совещания, этого наглого подлога народного мнения, и вменяет в обязанность своим представителям во всех организациях поддерживать решительные протесты против совещания вплоть до забастовки и демонстрации».

Корниловщина.

Еще в июльские дни стало совершенно ясным, что конфликт между революцией и контрреволюцией может разрешиться только силой оружия.

Попустительство со стороны Временного правительства и большинства Совета рабочих депутатов контрреволюции, большевизация пролетарских масс заставила контрреволюцию торопиться. Большевики во время Московского совещания это предвидели и говорили о приходе генерала — это

осуществилось. Спаситель «отечества» от «собачьих» советов (кличка, данная кадетами советам) шел на Петроград. Цель генерала Корнилова была ясна — это разгром советов.

Временное правительство обнаружило полную растерянность. Керенский перетрусил. Перед ним встал вопрос: «кто: я или Корнилов»? Но рабочие во главе с РСДРП (большевиков) были и против Керенского и против Корнилова.

Рабочие хватаются за оружие. Воззвание Московского комитета к рабочим Москвы с призывом быстро организоваться в революционные отряды, позаботиться о достойной встрече предателей — находит самое горячее сочувствие среди рабочих Замоскворечья.

Помню, как только пришло известие о восстании Корнилова, рабочие приходили в райком, говорили: «скорее за оружие». Михельсоновцы стали вооружаться спрятанным в двойной стенке завода оружием, то же стали делать и рабочие других заводов. По Замоскворечью стала открыто организовываться «Красная гвардия». До корниловского восстания она существовала полулегально.

Но оружие не везде на заводах было. Рабочие делегации осаждают совет с требованием вооружения. В эти дни протесты и революционные требования идут со всех заводов. Завод Михельсон требует перехода власти в руки советов и прекращения политики соглашательства с буржуазией.

Заводской комитет завода Михельсон (большевистский) решительно настаивает на немедленном созыве общегородской конференции фабрично-заводских комитетов города Москвы для обсуждения политических и экономических вопросов текущего момента.

26—27 августа, в день полугодовщины революции, в Замоскворецком районе, с целью разъяснения значения корниловского заговора, по району устраиваются грандиозные митинги: в театре Струйского, на Серпуховской площади, в театре Синделя, в Коммерческом институте (аудитория Маркса), в Учительском доме на Ордынке. Митинги проходят с большим подъемом и кончаются принятием большевистских резолюций.

Начало восстания.

После победы рабочего класса над Корниловым, события надвигаются с невероятной быстротой. Заговор Корнилова с несомненностью показал стремление буржуазии и помещи-

ков, которые этот заговор поддерживали, к открытому захвату власти.

Нерешительность Центрального исполнительного комитета Совета рабочих депутатов вновь приводит к созданию министерства — директории во главе с Керенским, которое становится на путь Корнилова.

Революционные комитеты, которые были организованы во время корниловского восстания, признаются ненужными. Рабочие газеты вновь закрываются.

Для спасения «родины» с бору да с сосенки начинается собирание «живых сил». На сцену появляется демократическое совещание и предпарламент. Большинство советов (меньшевики и эсеры), потерявшие к этому времени всякий авторитет у рабочих масс, начинают сами себя хоронить: «Известия рабочих и солдатских депутатов» пишут, «что когда пало самодержавие построили советы депутатов, как временные бараки, а теперь наступило время перебираться в более удобное помещение». Наконец, «социалисты» стали срывать назначенный на 20 октября съезд Советов; меньшевики и эсеры на митингах кричали, что съездом срывается Учредительное собрание. Демократическое совещание и вопрос о новой коалиции встречает отпор со стороны рабочих.

На всех заводах и фабриках Замоскворечья спешно обсуждаются последние события. Рабочие готовятся к решительному бою. Массы целиком становятся на сторону большевиков. Резолюции, которые в эти дни выносятся на рабочих собраниях, полны стремления к борьбе, дышат восстанием.

На митинге в Коммерческом институте в количестве 1 000 чел. решено требовать осуществления следующих мер: выдачи рабочим оружия, для чего посылается соответствующая делегация в Совет рабочих депутатов; применения к Корнилову закона о смертной казни; ареста Родзянки, Милюкова и других пособников корниловского заговора. Заканчивается резолюция требованием почетного возвращения в ряды борющегося пролетариата его славного борца т. Ленина. Общее собрание заводских комитетов и делегатов Замрайона кожевенного производства, Газовый завод высказываются за перевыборы Советов рабочих и солдатских депутатов против большинства советов.

Фабрика Минц 21 сентября выражает надежду, что экономическая стачка в ближайшем времени выльется в общеполитическую, где пролетариат восторжествует над буржуазией.

Завод Гакенталя посылает депутатов в Совет с требованием вооружения рабочих.

Показателем роста революционности масс и отношения к большевикам служили, между прочим, выборы в районные думы, где за большевиков было подано абсолютное большинство голосов. На Голутвинской фабрике, которая долгое время находилась под влиянием меньшевиков и эсеров, к выступавшему на предвыборном собрании от большевиков т. Островитянову подошел старик рабочий и сказал: «Меньшевики нас обманули, эсеры обманули, теперь будем голосовать за вас. Ну, а если вы обманете, то тогда лучше и не показывайтесь на фабрике».

21 октября начинаются решительные дни. Рабочие рвутся в бой. На собрании активных работников района представители фабрик и заводов в один голос высказываются за скорейшее выступление. Они требуют от Военно-революционного комитета города Москвы немедленно прекратить переговоры с полковником Рябцевым. По их настоянию выбирается делегация в Военно-революционный комитет с изложением требований замоскворецкого пролетариата. Борьба началась.

Памятным останется навсегда героизм замоскворецких рабочих, проявленный ими в великие дни Октября: как они закладывали первую баррикаду на Остоженке; как шли с солдатами (двинцами) на Красную площадь против юнкеров; как плохо одетые и плохо вооруженные отнимали мосты у блестящих, с иголочки одетых и до зубов вооруженных юнкеров, как с оружием в руках победили буржуев и расчистили тем самым путь для победоносного социалистического строительства.

С. КИРИЛЛОВ.

Почему я не попал в отцы города.

Наши агитаторы.

Малая Серпуховка. Июнь. Солнечное утро. Впрочем, утро уже условность — ибо солнце близится к полдню.

Ложимся мы, когда милицейский «уговорит» последнюю кучку митингующих «о немецких деньгах» обывателей разойтись по домам, а встаем, когда Крокодил завопит во всю ширь своей никогда не устающей глотки:

— Это позор! Вы не должны брать в руку метлы до тех пор, пока все требования всех дворников не будут выполнены полностью.

Оказывается, еле продрав глаза, он заметил, что дядя Андрей возымел преступное желание очистить улицу от конского навоза и летающих, как осенние листья, обрывков кадетской и эсеровской литературы.

— Чудак! Он думает, что если правление столовой прибавило ему жалования, так он имеет право работать. Кириллов! Ты плохо их агитировал. Каменев! Почему нам не дают сахару вволю? Эй, галки! Мне нужно зашить рубашку...

Каждый из нас «отрабатывает» по пять, по семь митингов в день. Предвыборная страда в полном разгаре. А тут еще дворницкая забастовка. У нас до ужаса мало литературы, а эсеры и кадеты залепили своими плакатами все заборы, они выпускают ежедневную избирательную газету в 6-7 страниц. Правда, Гришка-самовар организовал банду «сорванцов», которые не дают особенно долго задерживаться на заборах «буржуйным» простыням, а Увадьев с «Галками» оберегают наши микроскопические плакатики от покушений врагов, но все-таки... сегодня я должен поспеть: на предвыборное собрание дворников во все 6 участков Замоскворечья, к ломовым извозчикам в Донскую слободку и на Зеленые горы к текстильщицам.

— Крокодил, милый, я не сумею этого выполнить, если бы в моем распоряжении был даже аэроплан и, кроме того, во что бы то ни стало нужна литература.

— Экий же ты дурак, Касимовец, разве я сам не знаю, что нужна печатная агитация? Но где взять бумаги? Ее нехватает даже для «Социал-демократа».

— Надо достать.

— Надо, а пока ступай. Разрешаю тебе на трамвае ездить зайцем, а чтобы тебя не поймали, усевшись в вагон, читай «Русские ведомости». А к извозчикам пойдет Сергей К-в.

— Нет, я уж лучше к текстильщицам, — буркнул Сейгей, фыркая под краном.

— Ну, ладно, там поделите, мне некогда.

Митинг у дворников.

Взгромоздившись на мусорный ящик, я начал:

«Товарищи дворники! Кадеты и эсеры говорят вам, что войну надо довести до конца, до победы — иначе вы попадете в кабалу к Вильгельму. Вздор! Война им нужна для того, чтобы Родзянко мог набивать свое брюхо устрицами и паюсной икрой (я ни разу еще не ел устриц — значит это очень вкусно), чтобы князья Львовы могли покупать своим толстозадым женам шелковые и бархатные платья, а любовницам — бриллианты. Буржуазия всех стран наживается на военных поставках, а русские мужики и немецкие рабочие проливают свою кровь. Поэтому мы говорим: «Долой войну!» Поэтому мы призываем к братанию на фронте. Не верьте сказкам о немецком золоте, которое Ленин якобы привез в запломбированном вагоне. У нас нет денег, чтобы напечатать хотя бы несколько тысяч листовок, из которых народ может узнать правду, а наши враги печатают их миллионами. В наших карманах не то что золото, а даже поганая керенская бумажка не сможет удержаться лишний день (демонстрация карманов). Мы призываем наших солдат брататься с рабочими и крестьянами по ту сторону окопов, ибо там тоже недолго будут терпеть вшей на теле и буржуев на шее.

А с кем братаются Милюковы и Родзянки? С английскими купцами, французскими банкирами и американскими мошенниками! Золото нужно искать в хоромах у ваших хозяев-домовладельцев. Там, где в огромных зеркалах отражаются тропические пальмы, там, где комнаты обставлены дорогой мебелью, а полы устланы персидскими коврами, там, где на каждую хозяйскую кошку или собаку имеется несколько больших комнат, там ищите ваших врагов и обманщиков!

Мы, дворники (чорт знает как это я выпалил), должны выгнать домовладельцев из Городской думы. Мы должны добиться для себя не меньших удобств, чем хозяйские кошки! Вот за это — и против войны — борются большевики!..»

Надо было бы рассказать еще об аграрной программе, о задачах профессиональной организации дворников, об отношениях к Временному правительству, но некогда. Разве можно уложить все это в какие-нибудь час-полтора, а больше нельзя. Надо беречь горло. Да и некогда. Опоздаешь к извозчикам. Там будет меньшевик Малкин. Надо притти обязательно во-время. Поэтому, пожелав товарищам дворникам полной победы в их борьбе и дворника-большевика в Городской думе, я помчался дальше.

Где можно достать бумагу.

Уж под вечер встретились мы с Сергеем К-вым в Даниловке. Идем домой тихо. Говорить не хочется. В горле сухо, а на языках, наверное, мозоли.

В комитете Князь сообщил: первыми кандидатами в члены Городской думы по нашему району МК утвердил Тера и тебя. Поэтому вам обоим не мешает сегодня же зайти на районное предвыборное собрание и не хулиганичать, а выступать как полагается будущим отцам города.

— Ладно. А где Тер?

— Наверное, на площади. Дразнит золотопогонников.

— Пойдем, Сергей, поищем его. Надо уговориться о темах доклада.

— Пойдем...

По дороге нам встретился студент Коммерческого института, раздававший бесплатно кадетский «Москвич-избиратель». На последней странице газеты бросилось в глаза большое объявление:

ПРЕЧИСТЕНСКИЙ КОМИТЕТ ПАРТИИ
НАРОДНОЙ СВОБОДЫ
приглашает студенток, курсисток и прочих интеллигентов на платную агитационную работу.
Плата 3 рубля в день.
Обращаться: Пречистенский бульвар, дом №.. кв. №...

Каково? Про нас распространяют грязные сплетни, а сами открыто, нагло нанимают агитаторов. А если?.. — Сергей, погляди, какая наглость!

А Сергей уже прочитал. Из его обычно несколько нахмуренных глаз, преломляясь в стеклах очков, сыпался целый фейерверк озорных искр, а руки шарили по карманам. Он искал институтские документы.

Мы без слов поняли друг друга и, на ходу вскочив на 13-й номер, поехали наниматься к кадетам на службу.

Ведь если нам удастся «поработать» хоть несколько дней, мы вытянем десятки пудов бумаги и на обратной стороне их громадных простынь нарисуем и напечатаем достаточно пространные и убедительные разъяснения, какой свободы добиваются кадеты.

Два звонка.

В кадетском комитете нас встретили очень мило и даже не записав наши институтские документы, дородная дама нагрузила нас таким количеством литературы, что мы еле могли нести. Мы сумели взять то, что нам было нужно, т. е. плакаты с чистой обратной стороной. Мне было немного жалко, что Сергей отказался от авансов, которые нам предупредительно предложили.

— Не надо. Пойдем.

— Одну минуточку! С вами пойдет курсистка вашего института. Одна она боится. Очень уж безобразничают большевики.

— Вот так фунт! Что же мы теперь будем делать? — подумал я. — Как мы от нее отделаемся?

— Ничего, мы большевиков не боимся, — спокойно ответил Сергей. — Пойдемте с нами, това... коллега.

Когда мы вышли из кадетского комитета, Сергей с курсисткой пошел впереди, а я отстал, намереваясь дать тягу. Но лучи заходящего солнышка так красиво переливались в золотистых прядях волос спутницы Сергея, а он так рассудительно доказывал ей, что гораздо целесообразнее расклеить плакаты на Якиманке, а не на Волхонке, что я изменил свое намерение и мы втроем сели на 13-й номер.

И тут случилась беда.

Я вынул 30 коп. и спросил у кондукторши билет, а она, увидев у меня на коленях трехкрасочные плакаты, вдруг вся вытянулась, закинула голову, засверкала глазами и заявила:

— Билетов не дам. На следующей остановке сойдите.

— Почему?

— С грузом нельзя.

— Да какой же это груз?

— Грязный!.. Кадетский!

Только теперь я понял, в какое нелепое и безобразное положение мы попали благодаря своему озорству. Меня, большевистского агитатора, кандидата в Городскую думу, обыкновенная работница, даже может быть не большевичка, гонит вон...

— Правильно, мать, гони их в шею! — поддержал кондукторшу ехавший рабочий.

— Обманщики народа! Вас бы...

Я терпеливо молчал, уставившись в землю. За нас вступился какой-то офицер. И тут Сергей не выдержал:

— Это неправда, мы не народ, а кадетов обманули. У нас нет бумаги. Мы...

В кратких словах он выложил все начистоту. Его спутница выронила свой тюк на пол и стояла с открытым ртом и круглыми глазами.

— Ишь ты какие сказки умеешь рассказывать, так мы тебе и поверили! Ссаживай их, мать, немедленно! — кричал рабочий. И не дожидаясь остановки он дернул два раза за веревку. Вагон остановился на полном ходу. Мы слезли.

Держите вора!

— Что же нам делать?

— Прежде всего снести бумагу в типографию, — спокойно ответил Сергей, — а там подумаем.

— А я как же? — спросила курсистка.

— Можете итти... Только бумагу нам отдайте.

Девчонка отвернулась и заревела. Мне стало ее жалко, но отдавать бумагу не хотелось... Может быть она тоже не кадетка, а из-за трех рублей пошла туда.

— Слушайте, товарищ! Если вы не кадетка, если вы никому об этом не будете рассказывать, мы вас устроим на работу. Ладно?

— Да я... Да разве... Я буду рада. Я и сама понимаю, что стыдно работать у кадетов. Знаете, у меня...

— Ну вот и хорошо. Работу мы вам устроим в комиссариате, — авторитетно подтвердил Сергей.

— Чорт возьми, ведь чуть было не влопались! А ты, Сергей, дурак, разве можно было говорить, что мы большевики, надо было уже помалкивать, — говорю я К-ву.

— Это, пожалуй, верно, — ответил Сергей, — но я никак не мог стерпеть, что за меня заступается какой-то золотопогонник. Ладно уж! Ты ступай на собрание, а я пойду к Халатову в управу. Может быть, он устроит девчонку куда-нибудь.

— Конечно, устроит. Ты расскажи ему все как следует.

Когда я пришел в Учительский дом, там, как говорится, стоял дым коромыслом. За столом президиума сидели лысые и бородатые, в очках и сюртуках кадеты и эсеры. Перед кафедрой, с растерянным видом, стоял какой-то, по виду юрист или доктор, очевидно докладчик, а на кафедре Тер. На сцену ломились толпой кадетские дамы и требовали, чтобы Тер слез с кафедры. С боковых дверей на дам напирали михельсоновские рабочие под предводительством Ольги Горбачик, которая кричала Теру, чтобы он не уходил и требовала «перевыборов президиума». В самом заду у входа, стоя на спинке стула, оглушительно свистел Гришка-самовар и покрывая весь хаос звуков, летели слова Тера:

— Я солдат! Больше того, я будущий офицер, и я говорю: Долой войну!

— Изменник! — кричала старуха, пытаясь ухватить Тера за штанину.

— Лягни ее, Тер, — советовал кто-то сверху.

Выступать на таком собрании с деловым докладом не было никакого смысла. Я вышел в фойе покурить. Потолкавшись немного с ребятами, я уже собирался уходить и не заметил, как меня окружила группа чисто одетых людей.

— Граждане! — визгливо завопила, обращаясь к ним женщина, в которой я сразу узнал кадетскую комитетчицу, — этот большевик сегодня обманным способом унес у нас литературу. Это мошенник! Вор! Вот кого большевики собираются послать в Городскую думу!

Я мигом сообразил, что самый верный способ отбрыкаться от этих обвинений заключается в том, чтобы вежливо и спокойно убедить эту женщину в том, что она наверно обозналась. Но не тут-то было. Растолкав окружавших меня «кадетов», прежде чем я успел открыть рот, Игорь Саблин выпалил:

— Ну и что же? А почему вы думаете, что ваши кандидаты честные? Кириллов украл у вас только полтора пуда бумаги, а вы обокрали весь мир! Все трудящееся человечество живет в бедности только потому, что вы украли продукт их труда... Вы лицемеры... Мы отрицаем ваши фарисейские понятия о чести... Мы...

— Гражданин, я надеюсь, что вы не откажетесь подтвердить ваши слова на суде, — прервал разливавшегося соловьем Игоря какой-то по виду юрист.

— Когда угодно и где угодно... Не испугаемся...

— Идиот! — Чья-то рука схватила Игоря за шиворот, чтобы прекратить поток его красноречия, но было уже поздно.

Я понял, что все погибло. Недели через две, а то и раньше в «Русском слове» крупным шрифтом будет напечатано, что большевистский кандидат изобличен в мошенничестве и краже и приговорен к трем месяцам ареста... Князь будет ругать меня самыми обидными словами; Герцовская, нахмурив брови, с деланным равнодушием предложит исключить меня из партии, мне запретят ходить на митинги и только Крокодил, может быть, скажет: «Дурак! беда не в том, что ты украл, а в том, что попался».

Со злостью растолкав толпу, я вышел из театра, быстро, почти бегом понесся в комитет и рассказал обо всем случившемся Князю. Князь махал руками, кружился по комнате, говорил жалкие слова и, в конце концов, заявил, что не знает, как быть.

— Завтра поставлю на собрание комитета.

Неожиданный избавитель.

Как и надо было ожидать, комитет постановил снять мою фамилию из кандидатского списка в Городскую думу и исключить из партии. Крокодилу едва удалось уговорить Князя не опубликовывать об исключении.

— Как-нибудь выкрутимся.

— Не знаю, что тут можно придумать, — отвечал Князь, — но обождать с опубликованием, конечно, можно. Я даже в книгу протоколов пока что не записываю.

— Ну, вот и хорошо.

Но мне было совсем не хорошо. Чуть ли не первый за всю революцию день я остался без дела. Скучно. Тоскливо. Я слонялся из комитета в управу, из управы в совет и нигде не находил себе места. Так прошло несколько длинных-длинных дней. В один из таких дней я сидел в кабинете Халатова, дожидаясь его, чтобы и здесь сложить полномочия члена управы. Он приехал на мотоциклетке как всегда бодрый, веселый и энергичный. Прочитав мое заявление, он хитро улыбнулся и, ничего не сказав, уселся за телефон:

— Госпожа Гуржиенко?.. Говорит Халатов, — председатель второй Якиманской управы. Вы просили меня выяснить, за что арестован архитектор Брызгалов, — он уже на свободе... О, это моя служебная обязанность. Но дело вот в чем: по заявлению членов партии большевиков комиссаром нашего района на него составлен протокол о том, что он обдирал с забора предвыборные плакаты... Ну, правда это или нет, я не знаю, в этом пусть разбирается суд... Заходите, заходите, буду очень рад! Пока!

— Ну и везет же тебе, Сергей! Вчера вечером я надоумил Исаака Увадьева изловить члена кадетского МК. Теперь они у меня потанцуют. Можешь передать Мышкину, что если они и подали на тебя в суд, то все равно я ликвидирую твое дело путем товарообмена. Почему ты не работаешь?

— Да я думал...

— Думать теперь некогда, — надо работать.

Утром следующего дня я, припрыгивая, шагал в Андреевскую богадельню доказывать старухам, что лучше всего «богадельнями» может управлять только большевистская Городская дума...

Как хорошо, как радостно жить в дни революции!

Не надо только попадать в «кандидаты», — такую беду можно нажить через это, что и Халатов не сумеет выручить.

Сочи.
Октябрь 1927 года.

ГУРЕВИЧ (БОРИСОВ).

От Февраля к Октябрю в Замоскворечьи.

Замоскворечье наряду с Красной Пресней шло впереди остальных московских районов. К голосу его прислушивались, к действиям его присматривались и классовые друзья и классовые враги.

В самые первые дни марта, кажется, 2 марта, мы — группа большевиков Замоскворечья — организовали первый большой рабочий митинг в большой аудитории бывшего Коммерческого института — ныне института имени Плеханова.

Вся эта большая аудитория была битком набита рабочими, были полны проходы и балконы этой аудитории. Мы нарочно организовали дело так, чтобы студенты — в те времена в своем большинстве буржуазные и мещанские сынки — не знали, что это наш митинг и не заполнили бы аудитории.

Когда митинг начался, стали подходить и студенты, но их в общей массе было все же немного.

Председателем митинга мы провели т. Островитянова, тогда еще фигурировавшего под фамилией Острожкина, только что освобожденного из тюрьмы. Содержание речей мы заранее совместно обсудили и наметили нашу линию: я взял на себя вопросы внутренние, т. Островитянов — вопросы международные и вопрос о войне. Непосредственных директив от партийных органов о тактике в новых условиях мы в те дни, по понятным причинам, еще не имели: партийное руководство только начинало организовываться.

Какие только ораторы ни появлялись на трибуне!

Все это были в большинстве студенты института или отдельные интеллигенты — и все они оказывались меньшевиками или эсерами. Особенно эсерами.

Новоиспеченные эсеры произносили речи о свободе, о победном шествии революции, о полном единении всех классов в «великую годину революции», о том, что поезд революции

идет уверенно вперед, о поддержке фронта, о морях крови, которые требуют своего отомщения, и проч.

Помню, мы немножко высмеяли эти выспренные речи. Мы говорили о том, что поезд революции, несущийся на всех парах и т. п.—это, хорошие вещи, но может быть путь разобран впереди. Относительно единения всех классов мы напомнили опыт 1905 г., переход буржуазии в лагерь контрреволюции, мы говорили об опыте революций во Франции в 1830 г. и 1848 г., когда генералы расстреливали картечью на улицах Парижа французских пролетариев, лишь только они — те, которые делали революцию, — попробовали предъявить свои социальные требования. Мы выдвинули лозунги: рабочие, доверяйте только своим силам; не верьте буржуазии, она контрреволюционна; организуйте завкомы, советы, берите оружие в свои руки. Я помню, как этот последний лозунг особенно возмутил одного эсера, который изображал этот лозунг, как призыв к погромам и проч. Но помню грохот аплодисментов, которым наградила меня рабочая аудитория за мою речь, которую я в первый раз в моей жизни, волнуясь, произнес перед такой аудиторией.

Особенную бурю вызвало выступление т. Островитянова — председателя этого собрания. Шаг за шагом, спокойно он рассказывал о причинах, вызвавших войну и выдвинул наш еще дореволюционный лозунг: «Долой войну».

Неистовство меньшевиков и мартовских эсеров достигло своих крайних пределов.

Этот бурный первый массовый митинг замоскворецких рабочих закончился поздно вечером.

Характерным для этого митинга было неоформленность настроений рабочей массы: аплодировали всем, трудно было различить, кому больше. Только что освободившаяся от кошмарного жандармского гнета рабочая масса благодарно воспринимала всяческие речи, в которых только говорилось о революции, о свободе, о падении царизма, о социализме и т. д. Только меньшинство рабочих было свободно от иллюзий этих первых дней революции; только меньшинство осознавало трудность еще предстоящей борьбы за революционное разрешение задач, вставших перед страной.

Из этих первых месяцев революции помню еще объединенный митинг рабочих завода Бромлей и обозных мастерских. Он происходил в здании обозных мастерских. Темой митинга был вопрос о «займе свободы». Под таким названием правительство Львова — Милюкова — Керенского выпускало внутренний заем. На митинге был докладчиком Черегородцев — известный меньшевик-оборонец, рабочий, в годы войны

бывший председателем рабочей группы в Московском военно-промышленном комитете. Этот типичный представитель крайне небольшого слоя рабочей аристократии, успевшей сложиться у нас в России в годы царизма и ставшей проводником буржуазных влияний на рабочий класс, конечно, выступал с многословным докладом в пользу «займа свободы». Нас от парткома большевиков было двое — я и т. Козелев (тогда Козловский). Помню, что собрание было донельзя бурным. Мы резко поставили перед рабочими вопрос о войне; мы говорили, что нельзя поддерживать буржуазное правительство, ведущее преступную войну.

Мы считали своей большой победой, когда нам удалось после неоднократных выступлений почти половину этого громадного рабочего митинга склонить в пользу нашей революции. 50% — это в те дни было уже громадным шагом вперед, в особенности по такому острому вопросу, как вопрос о войне.

Вспоминается затем грандиозная первомайская демонстрация, на которую Замоскворечье вышло десятками тысяч рабочих. Если в центре города попадались колонны подозрительного качества (1 мая и буржуазная публика нацепляла на себя красные банты), то наши колонны были отборными колоннами. Впервые улицы Москвы услыхали звуки «Интернационала». Тогда эта была для рабочих новая песня.

Эта песня была тогда известна лишь немногим. Но такие песни, как «Варшавянка», «Красное знамя», «Рабочая Марсельеза», гремели в рабочих колоннах.

Помню после демонстрации я, кажется, с т. Козелевым направился на митинг в Коммерческий институт. Он происходил в старом здании в рекреационном зале. Был доклад о 1 мая. Мы пришли уже в середине доклада меньшевистского оратора. Говорила от меньшевиков видная меньшевичка — некая Зарецкая. Затем выступили т. Козелев и я. Помню, мы говорили о крахе II Интернационала, об измене большинства старых социалистических партий, о Карле Либкнехте, о необходимости III Интернационала. Когда я упомянул имя Плеханова и сказал, что этот человек, некогда бывший основоположником марксизма в России и обучавший ему не одно поколение марксистов, во время войны изменил рабочему делу, меньшевистская докладчица — этакая довольно солидная дама — вложила пальцы в рот и засвистела во всю свою мощь. Увы! — ее протест прозвучал довольно одиноко. Победителями на митинге остались мы. По его окончании вместе с аудиторией мы запели «Интернационал». Помню, как меньшевистская группка во главе с Зарецкой

поспешила удалиться, но услышав наше пение, вынуждена была, однако, вернуться и пропеть вместе с нами «Интернационал». Но этот вынужденный для меньшевиков «единый фронт» выглядел довольно уныло. Признаться, свист у Зарецкой получался лучше, чем пение вместе с нами «Интернационала».

Уже в мае месяце влияние нашей партии на рабочие массы было весьма значительно. На всех более или менее крупных фабриках и заводах у нас имелись крепкие ячейки. Рабочие — большевики в подавляющем большинстве случаев — это были наиболее авторитетные рабочие на заводе, коренные пролетарии, обычно по своей квалификации выше средней. На ряде заводов и в фабзавкомах большинство было большевистское.

Рабочая масса явно стала склоняться к тому, чтобы пойти за большевистской партией.

Известная нота Милюкова союзникам царской России — Франции, Англии и др., в которой Временное правительство подтверждало свою верность союзу, заключенному царем, и свою готовность продолжать войну до победного конца, вызвала громадную демонстрацию протеста замоскворецких рабочих.

Эта демонстрация была, в сущности, первой пробой наших сил; рабочая масса пошла за нашей партией уже на уличную демонстрацию с ярко выраженными большевистскими лозунгами.

Затем наступает перерыв в моей работе в районе, так как по некоторым личным обстоятельствам я вынужден был уехать из Москвы.

Июльские дни и травля, поднятая против партии, побудили меня скорее вернуться в Москву, и я явился в помещение нашего райкома на Малой Серпуховке, 28 — еще тогда, когда травля против большевиков только развертывалась. Мне предложено было стать секретарем партийного комитета, и с этих дней вплоть до послеоктябрьских дней я выполнял эту работу в Замоскворечье.

Помню, как поход, начатый буржуазией совместно с меньшевиками и эсерами и гнусная клевета о том, что Ленин — шпион, повлияли на состояние нашей работы. Не приходится долго говорить о мещанстве. Наших товарищей торговцы с Серпуховской площади несколько раз ловили, порядком поколачивали и отводили в комиссариаты, как немецких шпионов. Поговаривали о том, что студенты института собираются прийти толпой к столовке на Малой Серпуховке, 28 и очистить силой студенческую столовую от большевистской

«шпионской» организации. Но почему-то не хватило у буржуазных сынков смелости на это.

Но и в рабочей массе весь этот поход и потоки клеветы вызвали некоторые колебания. Помню, в райком приходили даже некоторые партийцы и спрашивали, почему Ленин скрывается, не лучше ли было бы ему предстать перед судом и проч.

Летучка, изданная Московским комитетом, под заголовком: «Клевещите, клевещите, что-нибудь да останется», нам сильно помогла в нашей разъяснительной кампании.

Но колебания в рабочей массе были неглубокие и непродолжительные. Еще не прошло месяца, как мы почувствовали новый прилив сочувствия и симпатий рабочих к нашей партии. Особенно наглядно и выпукло для всех это проявилось во время знаменитого августовского государственного совещания в Москве. Это совещание должно было сплотить все силы старой России. В Москву съезжались все члены всех государственных дум 4 созывов, все земские организации, все городские думы.

Надо было на мобилизацию сил буржуазии ответить мобилизацией сил рабочего класса.

Мы в районе начали энергичную подготовку к организации забастовки.

Забастовка 25 августа прошла блестяще. Бастовали все предприятия, за исключением нескольких мелких полукустарных мастерских. Бастовали электрические станции. Несколько трамваев вышло с самого утра, но они скоро стали за отсутствием тока. Успех забастовки был огромный. Бастовали официанты Большого театра и гостиницы «Метрополь». Делегаты государственного совещания должны были почувствовать дыхание надвигающейся новой революционной волны, лишь только они вышли с вокзалов на московские площади. Улицы и площади имели необычайный вид. Стоявшие без тока трамваи еще более подчеркивали мощь забастовки.

В помещение партийного райкома на Малой Серпуховке, 28 непрерывно являлись товарищи с разных концов района и передавали о том, как проходит забастовка на фабриках и заводах.

Днем как-то раздается звонок; просят к телефону секретаря райкома т. Борисова. Говорят из хлебопекарни, что на Серпуховской площади. Рассказывают, что толпа, стоящая в очереди за хлебом, волнуется из-за того, что приехавшие из Большого театра несколько человек хотят вне очереди получить хлеб для делегатов совещания. Спрашивают, как быть.

Я посоветовал: предложить этим лицам стать в общую очередь за хлебом. Говоривший из хлебопекарни немедля согласился с моим предложением. Товарищи в райкоме потом меня поругивали за то, что я не распорядился хлеба для Большого театра совсем не выдавать.

Таково было влияние нашей партийной организации уже в тот период.

Вечером мы сидели внизу в чайной и слушали рассказы товарищей, побывавших на государственном совещании. Они рассказывали о речи Керенского, который клялся, что он «железом и кровью» вгонит стихию революции в берега. Мы от души смеялись над этим клоуном от революции, который думал истерическими фразами обуздать революционную энергию рабочих и крестьян.

Вокруг Большого театра, где собрались все уцелевшие осколки старой России, раскинулась огромная Москва, в районах которой до 500 000 пролетариев могучей забастовкой демонстрировали свою решимость бороться до конца за революционное разрешение задач, формулированных партией большевиков.

После 25 августа влияние нашей партии на рабочие массы продолжало быстро возрастать. Особенно этому способствовало выступление Корнилова. Рабочие увидели в этом выступлении осуществление предсказаний нашей партии о мобилизации сил контрреволюции. Наших ораторов слушали с исключительным вниманием. Ежедневно нам приходилось обслуживать ряд митингов.

По воскресеньям мы собирали районные митинги.

Особенно для этих целей мы использовывали Коммерческий институт с его большими аудиториями — ныне Плехановский и имени Ленина.

Эти митинги всегда привлекали огромное количество народу.

Наша организация росла с каждым днем. Действительно, буквально не было дня, когда мы не принимали бы все новых и новых членов партии; шли десятками с фабрик и заводов.

В сентябре мы имели еще одну пробу сил: это были выборы в районные думы. Большими материальными средствами мы не обладали. Но мы были сильны нашей организацией. Находились добровольцы, расклеивавшие по заборам наши плакаты, красной краской выводившие на стенах домов: голосуйте за список № 5; целыми ночами работавшие над надписями на широких красных полотнищах, которые мы вывесили на площадях. Но главная наша сила

была в фабрично-заводских ячейках, проведших всю агитационную предвыборную кампанию.

Выборы дали нашей партии более половины всех поданных голосов. В таких районах, как Даниловский, число поданных за нас голосов было значительно больше. Список № 5 одержал решающую победу. За большевиками шло больше половины всего взрослого населения Замоскворечья. Приближался Октябрь с его решающими боями.

Прилив сочувствия широчайших рабочих масс к нашей партии был огромный. Мы это видели каждый день на каждом митинге, об этом говорили ежедневно представители заводов.

Рост разрухи, дороговизны, саботаж фабрикантов, провокационная политика правительства — все это нервировало массу.

Лозунг: «Вся власть советам» показывал ей выход из того тупика, в который заводили революцию меньшевики и эсеры.

Находясь в подполье, Ленин гениальным образом понял это настроение масс, и потому так настойчиво он требует от партии подготовки вооруженного восстания.

В районе появляется организация Красной гвардии. Тов. Пече — рабочий с завода «Мотор» — член нашего райкома берется за ее организацию. Организуются на заводах отряды, происходит обучение военному делу, собирается оружие. Наступает месяц октябрь. Революционное настроение масс достигает высшей точки. Партия усиленно готовится к вооруженному восстанию.

Все эти недели и дни проходили в такой лихорадочной работе, что сейчас через 10 лет трудно вспоминать последовательность событий. Помню только особенно ярко вечер накануне самого восстания. Наши товарищи, ездившие в в центр, сделали сообщение о переговорах, которые велись между командующим войсками Рябцевым и Военно-революционным комитетом Московского совета. Сообщение о переговорах вызвало бурю возмущения среди собравшихся в райкоме представителей ячеек. Они решили послать делегатов в центр с требованием немедленного выступления и в то же время направили в казармы, где стоял 55-й полк, делегацию, куда включили много работниц, а во главе делегации поставили меня. Был уже поздний вечер, когда мы подошли к казармам. Солдаты уже укладывались на ночь. Но нас встретили радушно и стали водить из одного помещения в другое; в каждом произносилась короткая речь, в конце которой давались лозунги. Помню, тут же на месте мы

выдвинули лозунг: не выполнять ни одного приказа полковника Рябцева; выполнять лишь приказы, утвержденные Военно-революционным комитетом. Наши речи встречались оглушительными криками «ура»; подъем среди солдат был необычайный. Мы вернулись в райком поздней ночью счастливые и торжествующие.

Через пару дней Москва покрылась окопами. Комитет партии и районный совет выделили ревком; райком переселился в здание совета на Калужской площади. Замоскворечье восстало. Стихийная организация передовой части рабочих обгоняла наши организационные усилия сверху. Раздавались ружья, патроны; разбивались на отряды; молодежь шла в разведку. В первую голову был изгнан отряд белогвардейского студенчества из Коммерческого института, а затем отдельными отрядами пошли занимать посты, связывающие Замоскворечье с городом.

В те дни активно с оружием в руках старались лучшие отборные отряды рабочих — это были отряды нашей Красной гвардии.

На второй или на третий день восстания, по предложению т. Бухарина, находившегося в то время в Замоскворечьи, Военно-революционный комитет района меня делегировал в Петроград для доклада о положении дел и с просьбой о помощи.

Дело в том, что в первые дни восстания положение наше было весьма шатким; юнкера подходили уже очень близко к зданию Московского совета, где помещался Центральный военно-революционный комитет. Помню, как поздно вечером я пробирался через мосты в город на вокзал. Жена т. Бухарина вшила в мою фуражку маленький клочок бумажки, который должен был изображать мой мандат.

На всякий случай т. Бухарин мне сообщил ряд вещей, по которым в Питере должны были меня принять действительно, как посланца районного ревкома.

Так, я помню, что в крайнем случае я должен был рассказать, что Бухарин с Рязановым в таком-то году изучали труды Маркса в Венской библиотеке, где в таком-то году Бухарин с Лениным спорил о том-то (сейчас уже не помню точно, о чем именно шла тогда речь).

Я благополучно пробрался на вокзал. Как это ни странно, но Устьинский мост был свободен. Через переулки я вышел на Каланчевскую площадь. На вокзале я встретил Гришу Аронштама, моего давнишнего приятеля, работавшего тогда в большевистской организации железнодорожного района. Он мне помог получить билет, я сел в поезд и на утро был в

Петрограде — великом городе, где решались тогда судьбы рабочей революции.

На зданиях, окружающих Знаменскую площадь, я увидел громадные плакаты, сообщавшие об образовании Совета народных комиссаров во главе с Лениным... Но на Невском было еще много публики, враждебной к большевикам. Такие же враждебные разговоры я слышал в трамвае.

Я попал в Смольный, очутился у дверей Военно-революционного комитета, получил пропуск. В комнате Военно-революционного комитета было много людей; но я помню только одного т. Урицкого, убитого впоследствии белогвардейцем в 1918 г., которому я докладывал о положении дел в Москве.

Я, как молодой еще член партии в те времена, не знал в лицо почти никого из наших партийных руководителей, работавших в Петрограде. Помню, как Урицкий меня расспрашивал, продержится ли Москва еще дней 4-5; когда я ответил утвердительно, он улыбнулся и сказал, что другой товарищ, только что приехавший из Москвы, другого мнения на этот счет.

В смысле помощи Питера Москве невозможно пока что-либо предпринять, — говорил Урицкий, так как организации железнодорожников грозят всеобщей забастовкой, если будет попытка использовать железные дороги для переброски войск; с железнодорожниками ведутся переговоры и т. Урицкий посоветовал мне день подождать еще в Смольном.

Я провел в Смольном затем весь день, всю ночь и еще один день. Я видел жизнь этого центра восстания. Я видел красногвардейцев Петрограда. Я видел отборные рабочие отряды в сотни и тысячи людей, с величайшим энтузиазмом и величайшей организованностью отправлявшихся на фронт под Питер для встречи казачьих отрядов. Никогда эти картины не исчезнут из моей памяти. Днем я пошел еще в комнату, которую занимал ЦК нашей партии. У самого порога меня перехватил т. Бубнов, который жадно расспрашивал меня о всех деталях московских боев. На другой день т. Урицкий, который работал без передышки, сообщил мне, что возможно, что будет направлен отряд матросов в Москву на помощь (этот отряд, действительно, скоро прибыл в Москву). Я решил вернуться в Москву.

Когда я вышел на Каланчевскую площадь, вдали раздавались пушечные выстрелы: то наши обстреливали Кремль. В Замоскворечьи настроение было значительно более бодрым и уверенным, чем то, в котором я его покинул. В ревкоме

я уже застал старика Штернберга, который руководил всей работой, твердая рука которого чувствовалась на всем.

В этот же день я узнал, что убита Люся Лисинова, что убит Добрынин... Но победа, которая уже явно склонялась на нашу сторону, отодвигала на задний план скорбь о павших.

Великий Октябрь побеждал.

ОТДЕЛ III.

Замоскворечье в Октябрьские дни.

В. ФАЙДЫШ.

Октябрьское восстание в Замоскворецком районе.

Подготовка к восстанию началась, по существу, вскоре после Февральской революции. По моем возвращении из ссылки, работая секретатем Замоскворецкого райкома РСДРП (большевиков), я узнал о запасе оружия, скрытом в стене на заводе Михельсон, а также о покупке и изготовлении оружия тем же Михельсоном и другими заводами.

Я не мог припомнить, в каком именно месяце это было, но помню мою первую встречу после совместной работы в 1905—1907 гг. с П. К. Штернбергом — профессором астрономии, который рассказывал мне о работе, которая проводится им в нашем районе по формированию и обучению рабочих. Думаю, что это было в мае месяце. Красной гвардии в то время еще не было, а были лишь боевые дружины при ячейках отдельных фабрик и заводов.

Настоящее формирование Красной гвардии относится ко времени после корниловского выступления. Мое участие в работе по организации ее и относится к этому периоду, когда я райкомом партии был послан в качестве его представителя в так называемый «Федеративный комитет», составленный из представителей 3 партий (нашей, меньшевиков и эсеров). Этот комитет составился из меня, выбранного «начальником Красной гвардии Замоскворецкого района», меньшевика Лазарева и эсера Майорова. Избрание меня начальником Красной гвардии объясняется исключительно тем, что в нашем районе только большевики и имели боевые отряды, меньшевики и эсеры только говорили о них.

Этот период, когда рабочие впервые организовывались для боевого отпора буржуазии, когда были установлены рабочие патрули, когда была налажена боевая связь с солдатами, установлена телефонная связь с отрядами заводов,— и является по-моему переходным от периода формирования отрядов партийными ячейками к периоду организации массовой Красной гвардии.

После корниловщины весь сентябрь и октябрь были заняты организацией Красной гвардии: сформировался штаб Красной гвардии, связавшийся с Московским штабом Красной гвардии. Надо оговориться, что, если в Московский штаб входили меньшевики и эсеры, то наш штаб состоял исключительно из большевиков. Меньшевики уже были вышиблены из Замоскворецкого совета. Районные же думы — Пятницкая и Калужская — были большевистские.

Штаб Красной гвардии был составлен из: начальника Красной гвардии Файдыша и тт. Викмана, Томашевского, Бруна, Микуцкого, Пана (Кржеминского) и еще одного товарища, которого я не припомню. Организация делилась на отряды, основой которых являлся крупный завод и районы. К моменту восстания было 5 районов, которыми командовали: Пан (Кржеминский) — база завода Михельсон, Томашевский — база электростанции 1886 г., Даниловский подрайон — фамилию начальника сейчас не помню [1]), затем район завода Листа — Н. К. Федоров и Варшавский арматурный — фамилию начальника не припомню.

Всего к началу восстания Красная гвардия насчитывала 600 человек, которые и явились основным ядром, вокруг которых концентрировались рабочие в период восстания.

Первый день восстания, как это ни странно звучит, был днем обороны от открывших боевые операции юнкеров. Линия обороны тогда шла по Серпуховской площади, а улицы Серпуховка — Полянка, Каменный мост и дальше к центру были всецело во власти передвигавшихся по ним юнкеров. Только на второй день по приказу штаба отрядом электростанции около Каменного моста и отрядом завода Михельсон был занят Малый Каменный мост и эта линия юнкеров прервана. В этот же день были заняты и другие мосты.

В этот ли день, или на другой было получено извещение от Московского военного ревкома о его тяжелом положении, о слабости наступления районов и приказ по сигналу —

---

[1]) Вообще необходимо сказать, что я узнал о сборнике случайно и пишу наскоро, не имея под руками никаких материалов.

пушечному выстрелу — в 12 часов ночи выступить на помощь Московскому совету.

Состоялось совещание Военно-революционного комитета, был принят мой план движения двумя колоннами: одна — по Крымскому мосту — Остоженке на захват штаба МВО,

Фотография с картины Музея Красной Армии. Бои на Москворецком мосту в дни Октября.

другая — Каменный мост — Волхонка — Пречистенский бульвар (Антипьевский пер.) на захват Александровского военного училища.

Первая колонна состояла из отряда завода Михельсон и других, плюс солдаты двух рот пехотной дружины, вторая из оставшихся в районе трех рот 55-го полка, плюс рабочие отряды Красной гвардии.

Несмотря на выделение специальных «слушателей», сигнала мы так и не услышали, но от наступления решили не отказываться.

Около 5 часов началось наступление. Командование первой колонной штабом было поручено мне, второй командиру 55-го полка.

Для этой операции прежде всего характерно, что 1) наступать решили, а даже разведки вперед не послали и 2) патронов приходилось на каждую винтовку отряда Михельсона по одному, на каждую берданку дружины — по 5 патронов. Вообще с вооружением дело обстояло крайне плохо. Не было винтовок, не было патронов. Их мы получили уже позже.

Видя, что никаких сведений о противнике нет и опасаясь, как бы не подставить, таким образом, под огонь весь отряд — командир передает командование помощнику, а сам едет в разведку. Это для военного или для всех нас не военных, но бывших на гражданских фронтах, теперь звучит дико. Я сел в автомобиль с одним из красногвардейцев телефонного завода и помчался вперед, на связь с Хамовническим ревкомом. Примчались под выстрелами Зубовским бульваром, свернули в переулки и очутились перед зданием ревкома. Бросилась в глаза какая-то тишина, отсутствие того движения, какое было у нас. Сговорились с 2 товарищами, которые там были, о движении на штаб МВО, причем узнали, что солдаты Хамовнических казарм также выступают.

Помчались обратно. На углу Остоженки и Крымского проезда встретили нашу колонну, уже построенную гуськом, растянувшуюся длинной цепью с интервалами. Она наступала правой стороной Остоженки, а левой двигались роты солдат Хамовнического полка.

Сойдя с машины, прекращаю стрельбу по большому дому на Зубовском бульваре, так как задерживаться в этом месте было опасно. Шла стрельба со всех сторон. Пошел, все ускоряя шаг по Остоженке, обгоняя двигавшихся красногвардейцев. Новая остановка — по нас открыли стрельбу из здания Коммерческого училища. На эти выстрелы ответила тем же рота Хамовнического полка и заставила белогвардейцев прекратить огонь. Двинулись дальше. Несколько человек для ускорения продвижения перебегают на другую сторону улицы и падают пораженные пулями. Доходим до заворота Остоженки, за Мансуровским переулком и первые двое красногвардейцев, как раз передо мной, падают, изрешетенные пулями. Угол — под пулеметным обстрелом.

Останавливаю наступление. Занимаем чайнушку, оттягиваем красногвардейцев в соседний переулок. Решаем закрепляться, занимая дома и пробуя продвинуться в переулки. Сам я пытаюсь, свернув в переулок, пробраться к МВО,

Группа активных участников Октябрьского восстания в Замоскворечьи.

дохожу опять до Остоженки, но вижу сплошной обстрел всей этой части улицы. От жителей узнаю, что тут же стоят юнкера с пулеметами, возвращаюсь. Даю указания, какие только можно дать, полагаясь больше на инициативу от-

дельных товарищей, отдельных отрядов. Командиром оставляю тов. Добрынина.

Еще на Остоженке получаю сведения, что вторая колонна через Большой Каменный мост перейти не смогла.

На углу кремлевских стен стояли пулеметы, которыми юнкера обстреливали мост, так что продвинуться через мост было нельзя. Поэтому колонна заняла дома по набережной и занялась перестрелкой. На этом участке за все время вос-

Бывший ресторан Полякова, где в Октябрьские дни помещался ревком.

стания этим только и пришлось ограничиться. Развитие боевых операций проходило на Остоженско-Пречистенском участке, Устьинском мосту и в Рогожско-Симоновском районе, где мы отбили у юнкеров склад патронов (пороховые погреба).

Штаб все это время жил в невероятном напряжении. Кроме чисто боевых функций, он был и правительством. При нем был трибунал, называвшийся юридической комиссией, которая допрашивала арестованных с тем, правда, чтобы в большинстве случаев их выпускать. Случаев расстрела у нас не было.

В штабе находились представители воинских частей, отрядов Красной гвардии, тут же формировались отряды, сюда же поступали донесения и слухи... слухи... самые разнообразные от казаков в тылу до казаков на Калужской площади (место расположения штаба) включительно... Слухи, которые проверить можно было далеко не всегда, но на которые все время приходилось реагировать посылкой отрядов. Это срывало и план развития операций и утомляло невероятно бойцов, изнуряло штаб. Не спали целыми сутками. При таких условиях мы могли держаться только тем нервным подъемом, какой был тогда у нас, когда все наши стремления были направлены к победе.

Ревком должен был снабжать население — рабочих — продовольствием. Помню, что этим делом были заняты тт. Халатов, Шиллерт и Семенов. Халатов был делегирован нашим ревкомом в центр и являлся заместителем чрезвычайного комиссара по продовольствию и транспорту тов. Шлихтер по связи с Замоскворечьем. Их положение особенно упрочилось, а работа расширилась, когда нами были отбиты военные склады на углу Остоженки и Зубовского бульвара. Снабжение тогда вышло из рамок района, мы поддерживали другие районы, посылали продукты Московскому совету, прорываясь с красногвардейцами на грузовиках [1]).

Нет возможности сейчас дать полную и исчерпывающую картину этой великой борьбы рабочего класса, участниками которой нам посчастливилось быть. Наша задача — запечатлеть для будущего историка отдельные эпизоды этой борьбы, полные героизма, проявленного в эти дни рабочими массами Замоскворецкого района.

---

[1]) Примечание редакции. Тов. Халатов в своих воспоминаниях отмечает, что Замоскворецкий район снабжался не только из запасов, находящихся на территории района, но также из запасов бывшего Московского городского продовольственного комитета, находившихся в то время в бывшем Лефортовском, а теперь Бауманском районе. Основными же базами снабжения внутри Замоскворецкого района являлись лабазы Ряз.-ур. ж. д. и кроме того вагоны с продовольствием стоящие на путях. В первые же дни, когда еще продовольственное дело не было налажено были использованы продовольственные запасы, находившиеся тогда в ресторанах „Теремок" и Полякова.

ВИКМАН.

Октябрьские бои в Замоскворечьи.

(По воспоминаниям П. Арутюнянца, Пана и Ф. Смирнова.)

25 октября 1917 г. пленум Замоскворецкого совета рабочих депутатов, совместно с представителями фабкомов и завкомов района избрали военно-революционный комитет в составе товарищей: Коссиора Иосифа (председателя Замоскворецкого совета), Шиллерта Юлиуса, К. Витковского, Файдыша, начальника Красной гвардии района, одного меньшевика (Пистрак — секретарь их райкома) и одного эсера (по фамилии, кажется, Судаков). В дальнейшем через день меньшевик и эсер вышли из состава военно-революционного комитета и вместо них вошли в его состав присланные из центра П. К. Штернберг и Б. Волин.

По всему району началась подготовительная работа к массовому выступлению в борьбе за власть советов. 26-го, под вечер, в районном комитете партии большевиков на Малой Серпуховке, д. № 28 было собрание партактива Замоскворецкого района, где обсуждалась медлительность действий военно-революционного комитета центра и Московского комитета по вопросу о выступлении. Указывалось на то, что пока центр медлит, белогвардейские массы стягивают свои силы в центр, укрепляются и, естественно, что борьба в таких условиях будет более тяжелой, чем при немедленном выступлении. На этом собрании была избрана специальная делегация в составе товарищей Иосифа Коссиора, Николая Сычева и Пана, которой было поручено поехать в Московский комитет партии и в военно-революционный комитет г. Москвы с требованием о немедленном начатии боевых действий. Выбранные делегаты и вместе с ними т. Файдыш и Арутюнянц поехали в Московский совет.

Проезжая по городу в Московский совет через Каменный мост, Знаменку, Арбатскую площадь, бульварами к Страстной площади (избегая проезда мимо Воскресенской площади — городской думы), делегация видела на Арбатской площади

у здания бывш. Александровского военного училища большое скопище юнкеров. Пришлось ускорить ход машины, благодаря чему удалось проскочить мимо них без задержки.

В Московском ревкоме т. Коссиор, как представитель ревкома Замоскворецкого района, потребовал немедленного выступления и привел ряд фактов, как, например, стягивание юнкеров в центр и т. д. Не добившись положительного ответа на свои требования делегация часам к 2 ночи вернулась в Замоскворечье через Каменный мост, где уже был выставлен пикет юнкеров, который, однако, ее не задержал. Ревком в это время перебрался на Калужскую площадь в бывш. ресторан Полякова. По приезде состоялось маленькое совещание ревкома, на котором было решено захватить мосты. Все свободные и вооруженные рабочие-красногвардейцы были разбиты на отряды и посланы: Томашевский (рабочий телеграфно-телефонного завода — теперь завод Морзе) — с отрядом в 20 человек в качестве патрулей по Коровьему валу и по Большой Серпуховке до Александровских казарм; там он должен был войти в связь с 55-м полком и наблюдать за оставшимися юнкерами в школе прапорщиков;

2-й отряд под командованием Юлиуса Шиллерта (он работает в МКК) был послан в обход по Полянке и Пятницкой до моста;

3-й отряд под командованием Макса (убит в 1918 г. на войне при наступлении немцев на Украину) по Малой Серпуховке. Последний отряд был послан в сторону Хамовников к Крымскому мосту. Для наблюдения за этим мостом был выслал отряд Варшавского арматурного завода (человек в 25—30), который на заводе имел свою штаб-квартиру.

26 октября ночью было получено распоряжение от Московского революционного комитета о присылке ему подкрепления. Были вооружены русскими винтовками из запасов завода Михельсона 125 двинцев, которые пошли на подмогу к Московскому революционному комитету.

Первая стычка произошла на Красной площади, и часть двинцев прорвалась к Московскому совету; кажется, человек 70 из 125. 27 октября, в 4 часа утра, юнкера на 3 грузовых автомобилях пробрались через Каменный мост в Замоскворечье. По ним был открыт сильный огонь и на Малом Каменном мосту осталось несколько винтовок, шапка, кровь и поврежденный легковой автомобиль.

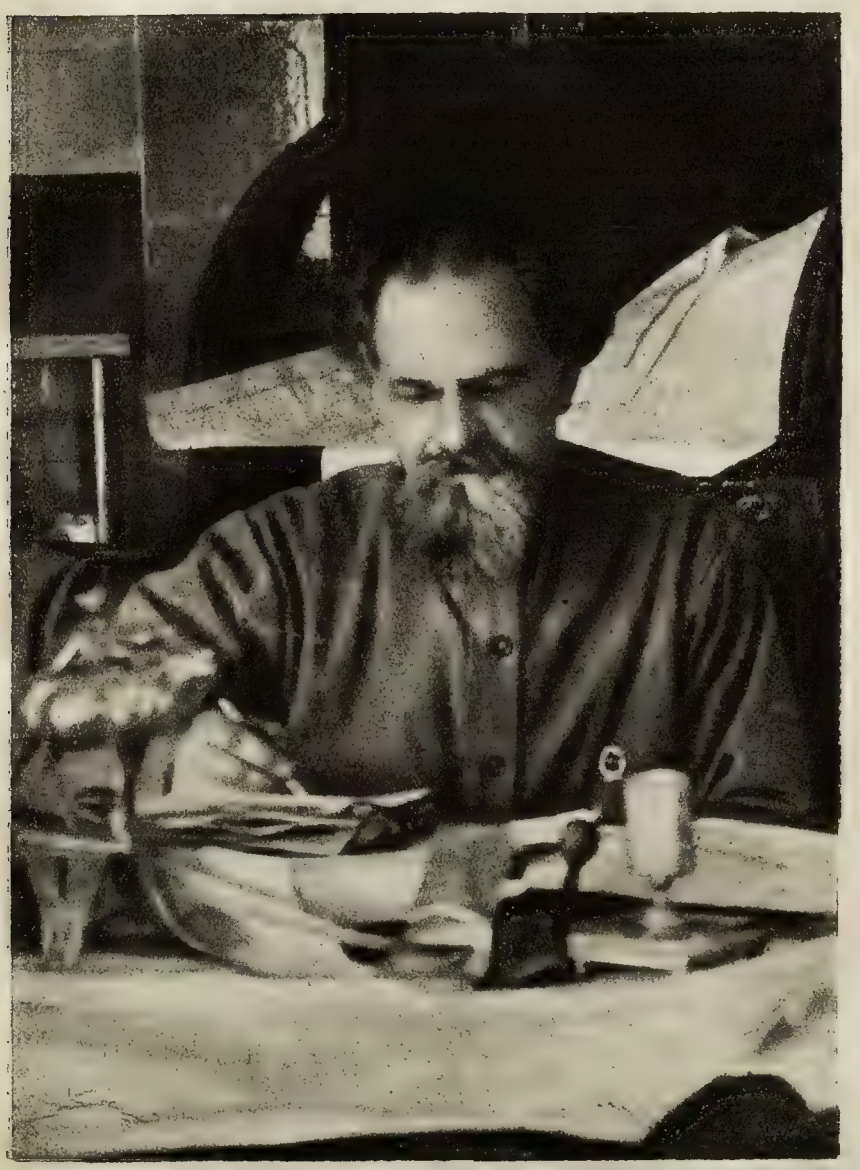
Юнкера под нашим обстрелом сумели уйти обратно за Большой Каменный мост. С нашей стороны было двое убитых: т. Кириллов — рабочий завода Михельсона, Морозов — рабочий завода Бромлей — анархист, и один раненый в глаз рабочий

завода Михельсона — Кувшинов. После этого мы начали окапываться около Каменного моста. Командиром был назначен один матрос. Тем временем рабочие Варшавско-арматурного завода повели наступление на Крымский мост. К утру юнкера отошли от моста к продовольственному магазину.

Товарищами-работницами под руководством Александра Калинина на Серпуховской площади в бывшем кафе «Франция» был организован летучий санитарный отряд, на который напала вооруженная группа студентов под командой какого-то корнета. Санитарки отряда немедленно сообщили об этом в штаб. Был выслан отряд Томашевского и на углу Стремянного переулка, при встрече отряда с группой студентов Коммерческого института в 10-12 человек, произошла перестрелка, в результате которой один студент был убит, двое арестованы, а остальные разбежались. Среди арестованных был корнет, который, находясь в ревкоме под арестом, перерезал себе стеклом руку и, будучи после революционных действий отпущен, прислал в штаб на имя юнкера Бруна (большевика) письмо, в котором писал: «на юге встретимся».

В Московском Коммерческом институте студенты и курсистки, получив от комитета общественных организаций вооружение, проектировали произвести в тылу Замоскворечья ряд вылазок против вооруженных рабочих Замоскворечья. Немедленно было дано распоряжение через представителя 55-го полка солдата Алексеева (ныне директора Истоминской фабрики) с ротой солдат оцепить Коммерческий институт, обезоружить отряды студентов и направить их в Серпуховский арестный дом. По приходе отряда т. Алексеева на требование добровольной сдачи студенты ответили выстрелами, но под натиском солдат принуждены были сдаться и под конвоем были направлены в Серпуховский арестный дом. Под утро главари их (энессовец Закс и эсер Атабекян) были допрошены комиссией, назначенной военно-революционным комитетом. При опросе обнаружилось, что указанные студенты, связанные с комитетом общественных организаций, перевезли оружие в Коммерческий институт (это было днем) и организовали эти отряды. По распоряжению Революционного комитета все арестованные были оставлены под арестом и только 1 ноября под росписку, что каждый из них не будет с оружием выступать против рабочих и советской власти, были отпущены на свободу. Всего их было около 200—250 человек.

С 27-го числа со всех заводов и фабрик района начали стекаться отряды рабочих в штаб Революционного комитета с требованием вооружения их для участия в боевых дей-



Профессор астрономии П. К. Штернберг, руководивший октябрьскими боями в Замоскворечьи.

ствиях. День 27 октября прошел в организации этих отрядов, причем, ввиду малого количества оружия, не все рабочие были вооружены, и только часть их, вооруженная, направлялась на те или другие участки боя. Одновременно Революционный комитет направил специальных комиссаров для занятия мелицейских участков. К утру (часов в 5) по предписанию Ревкома дружина солдат в 60 человек под командой одного прапорщика, и отряд из рабочих под командой т. Пана направились к Крымскому мосту; отсюда после перестрелки с юнкерами, находящимися в лицее, подошли к Крымской площади.

В состав отряда рабочих входили — рабочие телефонно-телеграфного завода, завода «Поставщик», завода Михельсона и Варшавско-арматурного завода. На углу Крымской площади дружинники остановились и дальше не пошли. Дружина состояла из запасных солдат в возрасте от 40 до 45 лет, вооруженных берданками. Солдаты сами не шли, а посылали итти вперед рабочие отряды. В дальнейшем эта дружина была отведена в район для несения караульной службы. Рабочие же отряды, рассыпавшись в цепь и открыв огонь, начали пробиваться по Остоженке к штабу Военного округа.

Пройдя около двух кварталов, рабочий отряд в замешательстве остановился, думая, что по нем ведут стрельбу не только со стороны штаба Московского военного округа, но и из окон прилегающих домов. Расследование выяснило, что стрельбы из домов не было, а, что от рикошета пуль, попадавших в ближние дома, создавалось впечатление стрельбы отовсюду.

При продвижении было несколько раненых: ранен в руку т. Петр Добрынин — рабочий телеграфно-телефонного завода, который, несмотря на легкое ранение, в дальнейшем руководил боем в районе Остоженки и Пречистенки. Петр Добрынин, молодой рабочий-большевик, самоотверженный революционер, в дальнейшем, до своего второго ранения и смерти, не будучи военным, проявил себя, как хороший командир.

Рабочие отряды по Остоженке цепью дошли до угла Коробейниковского переулка, где на углу дома № 33 [1]) имелась ночная чайная. В этой чайной в дальнейшем и находился штаб Остоженско-пречистенского района. В этом месте Остоженка делает изгиб, что дало возможность укрепиться отряду. Немедленно были привезены из Замоскворечья тюки

[1]) Нынешняя нумерация.

с хлопком, которым загородили Остоженку около чайной, и под их прикрытием начали рыть окопы поперек Остоженки. Окопы были для стрельбы с колена; мало приспособленные, они в дождливые дни заливались водой.

Одновременно часть отряда пошла для разведки по Мансуровскому переулку на Пречистенку, а оттуда маленькой группкой, перебегая, пыталась вдоль стены подойти к Московскому военному округу; пройдя пожарную каланчу Пречистенской части, была отбита пулеметным огнем, открытым из Московского военного округа. Отойдя к углу Мансуровского переулка, Пречистенский отряд вырыл окоп и на Пречистенке. На Пречистенке замоскворецкие отряды слились с группками красногвардейцев Хамовнического района, под общей командой нашего штаба на Остоженке. Штаб отряда помещался в вышеуказанной чайной. Здесь после смены отдыхали отряды красногвардейцев, сюда прибывали пополнения из района, находился продовольственный отряд, главный перевязочный пункт и санитарные летучки. По продовольственному и санитарному делу в нашем штабе работали сестры тт. Кравчук и Замогильная Полина.

28 октября ночью было перевезено 3 французских орудия на Калужскую площадь; одно орудие было выставлено за Варшавско-арматурным заводом и Павел Карлович Штернберг с т. Уваровым (рабочий завода Михельсона) поехали на легковой машине в Мытищи за 6-дюймовыми снарядами. Снаряды эти оказались негодными для данных орудий.

29-го числа продолжалось дальнейшее укрепление на занятых позициях. Одновременно по Коробейниковскому пер. и 3-му Зачатьевскому переулку, выходящим на Остоженку, был занят женский Зачатьевский монастырь. Занятие монастыря было произведено двумя отрядами. Один состоял из рабочих завода «Поставщик» под командой Смирнова, а другой из сапер 3-го Ржевского саперного батальона, которые имели порядочный запас патронов. Оба отряда, придя в Зачатьевский монастырь, разделили его на 2 участка: правую сторону заняли рабочие завода «Поставщик», а левую заняли саперы, которыми командовал один унтер-офицер. Со стороны Зачатьевского монастыря на пересечении 3-го Зачатьевского пер. с 1-м Зачатьевским велась перестрелка с юнкерами, засевшими в угловом доме Остоженки № 17 (15). Все боевые операции Остоженского района были направлены к тому, чтобы с правого фланга — от Зачатьевского монастыря и, по возможности, с Москворецкой набережной выйти по Савеловскому пер. в тыл штаба Московского военного

округа, одновременно прикрывая свой левый пречистенский фланг от возможного обхода юнкерами.

В эту ночь был переброшен пулемет из штаба Замоскворечья и поставлен на колокольню Зачатьевского монастыря. На утро пулемет был перенесен в иконописную мастерскую, окна заставили иконами, чтобы не было видно его со стороны улицы. Снабжались оба отряда продовольствием из запасов Зачатьевского монастыря.

В ночь с 30 на 31 октября велся усиленный обстрел со стороны юнкеров по направлению к Зачатьевскому монастырю; ими делалась попытка подойти ближе к нашему монастырю, особенно к воротам, которые были справа. Однако наши отряды эту вылазку отбили. Следующее утро и день перестрелка велась тише, так как у нас было мало патронов и нельзя было стрелять бесцельно. У нас был только один случай ранения.

Подозрения в возможности стрельбы из домов, прилегающих к занятым отрядами красногвардейцев улиц, усилились; поэтому был выделен особый отряд, в состав которого вошли тт. Ауксне (по прозвищу «Братко») — рабочий Варшавско-арматурного завода, Юрий Мышкин и еще ряд товарищей. Они обыскали все прилегающие дома указанного района с целью обезоружения белогвардейцев и порчи телефонных проводов, чтобы не дать засевшим в этих домах белогвардейцам держать связь и давать сведения белогвардейскому штабу о наших продвижениях. Этот же отряд вел разведку, пробираясь через стены между домами к штабу Московского военного округа, доходя до Бориковского пер. между Остоженкой и Пречистенкой. Состояние всех отрядов было бодрое; периодически, через каждые полдня, из штаба Военно-революционного комитета Замоскворецкого района присылались смены.

Между прочим, в окопах сидел человек лет 65, который все время называл себя бывшим полковником (впоследствии он был убит в гражданской войне на Украине, как красногвардеец) и 2 молодых парня, лет 18; они беспрерывно стреляли в сторону штаба Московского военного округа.

30 октября на площади Зачатьевского монастыря т. Добрынин, командир Остоженского участка, желая своим личным примером увлечь отряд красногвардейцев из Зачатьевского монастыря, по 3-му Зачатьевскому пер., для занятия углового дома № 17 (15) на Остоженке, был ранен. Падая под ударом белогвардейской пули он крикнул: «Да здравствует революция!» Мы не сумели его подобрать, а подобрали его белогвардейские сестры штаба Московского воен-

ного округа. Впоследствии эти сестры рассказали, что т. Добрынин был ранен разрывной пулей в живот, перед смертью очень мучился, и все просил пристрелить его, чтобы избавиться от мучительной боли. Одновременно тут же

Члены Замоскворецкого Ревкома в дни Октября.

была убита, на-ряду с товарищами красногвардейцами, и т. Люся Лисинова, в то время как она оказывала помощь раненым. Это была тяжелая потеря. Тов. Добрынин в течение трех суток руководил боями на этом участке. После его смерти поднялся вопрос о том, кому командовать на этом участке — Арутюнянцу или Мышкину. Тов. Арутюнянц пред-

лагал Мышкину стать командиром участка, а Мышкин предлагал Арутюнянцу. По обоюдному согласию решили командовать «коллегиально» — вдвоем, о чем немедленно довели до сведения Ревкома Замоскворецкого района, утвердившего их решение.

30 октября с 5 часов вечера начался обстрел штаба Московского военного округа. Приехали тт. Уваров и Штернберг, привезли шесть снарядов, но к этим снарядам вдруг не оказалось запалов. На помощь им пришел один инженер-химик (анархист), который в течение одной ночи приготовил для этих снарядов 6 запалов.

31 октября юнкера предприняли обходное фланговое движение с Арбата по Левшинскому пер. на Пречистенку в тыл окопа, находившегося у Мансуровского пер. (на Пречистенке). Красногвардейцы, не растерявшись, немедленно заняли дом на углу Мансуровского пер. по Пречистенке, выходящий лицом к Левшинскому пер., засели в комнатах этого дома у окон, выходящих к Левшинскому пер. и, продавив стекла, лежа у подоконников, открыли огонь вдоль Левшинского пер. Одновременно другая группа гвардейцев этого окопа полезла на крышу соседнего шестиэтажного дома на углу Пречистенки и Еропкинского пер., откуда также открыла огонь по Левшинскому пер. Эта находчивость красногвардейцев дала возможность в течение очень короткого времени отогнать наступающую группу юнкеров с Левшинского переулка и ликвидировать их обходное движение. Настроение красногвардейцев-рабочих с 31-го числа на всем участке понижалось как в связи с общей усталостью и изнуренностью, так, в особенности, от проливного дождя, заливавшего наши окопы, и плохого питания.

В Ревкоме Замоскворечья нами неоднократно указывалось на необходимость открытия артиллерийского огня по противнику, чтобы дать возможность красногвардейцам под его прикрытием двинуться вперед и занять штаб Московского военного округа.

Вечером 31-го числа отряд, находившийся в Зачатьевском монастыре, постепенно сильным огнем оттеснил юнкеров к углу 1-го Зачатьевского пер. (на Остоженке) и вышел к дому № 17 (по новому 15) по Остоженке, который и был занят. Тут был выдвинут окоп по Остоженке на расстоянии 1½ квартала от окопа юнкеров, находившегося у штаба Военного округа. В эту же ночь из Ревкома Замоскворечья было получено приказание в связи с перемирием, заключенным Революционным комитетом с полковником Рябцевым, прекратить всякие боевые действия.

Рабочие-красногвардейцы этого участка категорически отказались подчиниться этому распоряжению, и в ночь перемирия был открыт самый бешеный огонь. Примерно, в это же время был прорыв юнкеров у Смоленского рынка по бульвару в направлении к Зубовской площади, где вел бои Хамовнический район.

1 ноября нам сказали, что колонны казаков двигаются по Серпуховскому шоссе к нам в тыл из Каширы и в этот же

Батарея у Крымского моста, из которой обстреливали Кремль.

день Карпова послали, как казака, выяснить, в чем дело, а Пану было дано задание укрепить район Серпуховской заставы [1]). В тот же день открыли огонь из орудия, которое стояло у Крымского моста по Кремлю. «Я помню, — рассказывает Пан в своих воспоминаниях, — подхожу я к этому орудию и вижу — на дуле его сидит солдат с ниточкой и церковной свечкой, делает крест и берет по этому кресту прицел, так как при орудии не было панорамы, чтобы можно было точно взять прицел». Снаряды давали и недолет и

[1]) Примечание редакции. Карпов, убитый впоследствии басмачами, с честью выполнил возложенное на него поручение, и казаки сохранили нейтралитет на все время боевых действий.

перелет. Один снаряд попал в тыл наших окопов в Мансуровском пер., пробил крышу большого дома и ранил живущего там генерала Брусилова. Узнав об этом, наши сестры оказали ему первую помощь. Когда его опрашивали, Брусилов говорил, что он вполне лойялен, что он за народ, и так как он был стар, с раненой ногой, его оставили в покое. После артиллерийского огня настроение красногвардейцев немного повысилось, они начали частую перестрелку с юнкерами.

2 октября было получено сообщение о том, что заключено перемирие. Однако, военные действия продолжались и после этого. «Помню я ночью, — говорит т. Арутюнянц в своих воспоминаниях, — пробрался с группой товарищей и, в частности, с т. Фельдманом Г. К. к штабу. Потом мы прошли спокойно по Остоженке к первому окопу у дома № 15 и, так как т. Фельдман не знал, что такое пулемет и как из него стреляют, то я, по его просьбе, несмотря на заключение перемирия, открыл стрельбу, которая продолжалась полтора часа».

По получении приказа о заключении перемирия и прекращении стрельбы отряд под командой Смирнова вышел из Зачатьевского монастыря и направился к Московскому штабу военного округа. Вот, как Смирнов описывает занятие штаба МВО. «Подойдя к окопу МВО, который был вырыт по пояс, где были наложены штабеля дров и лежали железные койки, окрученные колючей проволокой, мы увидели несколько юнкеров, которые до нашего прихода еще не успели получить распоряжение от командира выйти из окопа. Около окопа у стены был сделан маленький проход, по которому мы прошли к воротам штаба Московского военного округа. У ворот стояло двое парных часовых. На предложение «открыть ворота» — нам ответили: «Мы открывать ворота не можем, ибо нас разводящий не снял еще и не дал распоряжения о пропуске вас». Я тогда с товарищами перелез через ворота и распорядился, чтобы никого не впускали и не выпускали из ворот. Из окна было видно, как в первом и во втором этаже дома находившиеся там юнкера переодевались в солдатские шинели, и у них можно было видеть массу шоколада, какао, хлеба в то время, как наши голодали.

В этот момент подбегает солдат Маслаков, который был членом Совета и которого юнкера арестовали и посадили в подвал, и заявил, что здесь имеется касса с наличием 100 тысяч рублей денег. Я откомандировал Маликова и еще одного товарища (фамилию не помню) и дал распоряжение никого к кассе не подпускать и денег не выдавать без моего

разрешения. В этот момент стали стаскивать пулеметы, которые были расположены на чердаках и в верхних этажах штаба в количестве 12 штук. Подбегает часовой и говорит, что пришел начальник нашего участка Петр Арутюнянц и с ним человек 30—40 красногвардейцев, впускать их или не впускать. Я распорядился впустить их. В этот же момент начальник команды юнкеров выстроил свою команду, и передо мной встал вопрос, куда девать их. Этот вопрос разрешил Арутюнянц, который приказал их отправить в Серпуховской арестный дом. Несмотря на то, что офицеры протестовали, показывая приказ о разрешении сохранения оружия, наши товарищи обезоружили их, забрав имеющиеся у них шашки и револьверы. Человек 6—7 моих ребят были отправлены для сопровождения прапорщиков 3-й школы. Я с остальными товарищами стал просить Арутюнянца, чтобы он сменил нас и принял штаб Московского военного округа. Я ему сдал 8 машин, 4 мотоцикла и все орудия, которые там находились. Мы захотели захватить с собой 2 пулемета и несколько винтовок, но Петр ругался, говоря: «Все это народное, все это наше и должно остаться здесь». Но мы ему ответили: «Покрепче будет, если они у нас на заводе будут» и, несмотря на его уговоры, взяли 2 пулемета, 20 лент патронов, по винтовке, несколько штук бомб и отправились назад. По дороге встретили ломового извозчика; на подводу положили всю «добычу» и отвезли к себе на завод „Поставщик"».

После этого все оружие было спрятано и для охраны его были поставлены красногвардейцы.

В это время генерал, грузин Кавтарадзе, узнав, что старший в штабе т. Арутюнянц, армянин, представился ему и задал вопрос: «Скажите, пожалуйста, сколько полков у вас за эти дни участвовало в районе Остоженки и Пречистенки?» Арутюнянц, изумленный его вопросом, ответил: «Вы говорите глупости: у нас в среднем в окопах и на постах было не более 50 человек». Это его очень удивило и он сказал: «Судя по огню, который вы вели, у нас было представление, что в этом районе сосредоточены минимум три полка; у нас же были не то две, не то три школы прапорщиков, а при меньшем количестве нам было бы трудно с вами бороться».

Вскоре Арутюнянцу донесли, что где-то поблизости стреляют. Он немедленно снарядил группу лиц для расследования этого факта. Оказалось, что какой-то купец застрелился. На расспросы родни, почему он это сделал, был получен ответ, что с победой рабочих он потерял всякую надежду на дальнейшее и решил покончить с собой.

На следующее утро был назначен начальником Московского военного округа солдат т. Н. И. Муралов, которому и был сдан штаб.

Так прошли героические дни октябрьского восстания в Замоскворечьи.

Отдельные эпизоды октябрьского восстания в Замоскворецком районе.

(По воспоминаниям участников тт. Радина, Прокопенко и Мышкина.)

Замоскворецкий район, имевший перед Октябрем значительное количество рабочих, был расположен в непосредственной близости с белогвардейскими центрами борьбы — Городской думой, Александровским военным училищем, штабом Московского военного округа и Кремлем, захваченным в первые же дни восстания, юнкерами. Поэтому вполне естественно, что район должен был сыграть и, действительно, сыграл крупную роль, как плацдарм для вооруженной борьбы.

Положение в районе могло быть первое время очень трудное, так как все четыре школы юнкеров, прекрасно вооруженные и находящиеся в центре района, были на стороне Временного правительства, но по распоряжению полковника Рябцева уже 25 октября все школы в боевом порядке с музыкой двинулись в центр. Проходя мимо РК партии, им ничего не стоило бы в то время разгромить РК и захватить отряды работников, находившихся там, так как несмотря на то, что мы приготовились отразить возможное нападение и сделали засаду, нас было всего человек 20. Повидимому, главной задачей штаба белогвардейцев была концентрация войск и захват центра. Это последнее обстоятельство облегчило задачу Замоскворецкого военно-революционного комитета в смысле укрепления района и организации сил для борьбы.

26-го Военно-революционный комитет разослал отряды для защиты Большого Каменного и Москворецкого мостов на случай переправы противника. Вооруженные отряды рабочих заняли Центральную электрическую трамвайную станцию и станцию Общества 1886 года. На станции 1886 года, хотя значительная часть рабочих и отнеслась сочувственно к ее занятию отрядом, но меньшевики, сидевшие в завкоме, повели усиленную агитацию против красногвардейцев и, привлекши на собрание много служащих, — провели решение о том, что «завком сам берет на себя охрану станции и счи-

тает целесообразным уход красногвардейцев». Местная ячейка большевиков выделила тт. Радина и Биксона (из отряда) в район — довести до сведения о происшедшем и настаивать на усилении военной силы и проведении решительных мер для водворения революционного порядка на станции. Немедленно везде были расставлены караулы, двери с набереж-

Н. И. Бухарин и М. С. Ольминский, издававшие в дни Октября «Листок Социал-Демократа» в Замоскворецком районе.

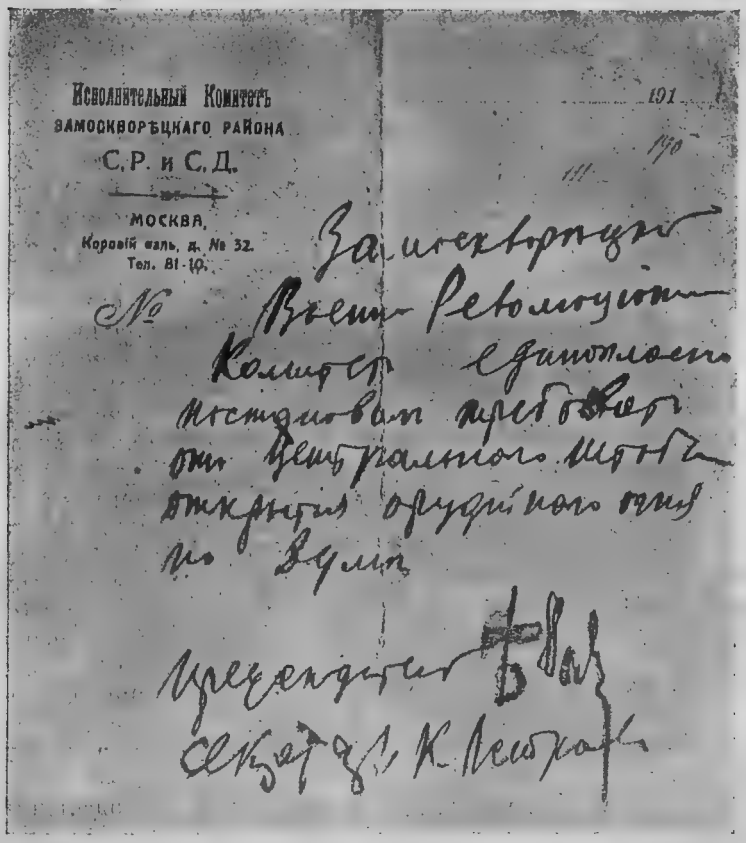
ной были забаррикадированы, введены пропуска, все лишние служащие были распущены по домам. В дальнейшем электрические станции в наших руках сыграли крупную роль. По приказанию Военно-революционного комитета были выключены из сети освещения инженером-коммунистом Бронгером и остались без света все белогвардейские участки. Большую роль сыграл трамвайный парк. Он давал трамвай для перевозки продовольствия, оружия и наших войск. Когда часть Садового кольца была перерезана юнкерами, то трамвайщики Замоскворецкого парка: Апаков, Спичкин и др.,

завесив чугунными листами переднюю площадку, разъезжали по поручениям в самых опасных местах с небольшой охраной.

Ночь 26—27 октября была первым серьезным испытанием для красногвардейцев: юнкера вели наступление с двух сторон — с Большого Каменного моста и Крымского моста. На нескольких грузовиках, хорошо вооруженные юнкера двинулись с Большого каменного моста по Всехсвятской улице по направлению к Б. Полянке; наши посты во-время заметили движущиеся огни, сообщили отрядам, находящимся на Центральной трамвайной станции, последние залегли по обе стороны улицы в канавах и, когда автомобили приблизились на незначительное расстояние, дали по ним несколько залпов, юнкера от неожиданности растерялись и бежали, оставив на месте несколько винтовок. В это же время рабочие Варшавско-арматурного завода вели успешно бой с наступлением противника на Крымский мост, к утру овладели мостом и тем дали возможность уже с 27-го числа развернуть наступление Замоскворечья по Остоженке и Пречистенке. Задача была очень серьезной, так как борьба шла по направлению самого штаба Московского военного округа, с опытным, до зубов вооруженным, противником. Красногвардейцы были плохо вооружены, сначала были берданки и ружья «Гра» с несколькими патронами. Зато не было недостатка в беззаветной храбрости и изобретательности рабочих в боях. После взятия лицея, нужно было на Остоженке захватить первые окопы белогвардейцев. Отряд во главе с рабочим телефонного завода Добрыниным, соорудил на платформе грузового автомобиля по бокам защиту из кип хлопка и шерсти, сам отряд смельчаков поместился внутри между кип. Автомобиль задним ходом стал приближаться к окопам юнкеров, и на незначительном расстоянии от окопов красногвардейцы в один момент бросили кипы на мостовую и под прикрытием этих кип, открыли стрельбу по окопам и бросали туда гранаты. Противник, не ожидая столь смелого удара, оставил окопы и открыл путь к штабу округа. К сожалению, этот момент не был нами в достаточной степени использован для дальнейшего развертывания удара. Юнкера успели разместиться в громадных каменных домах, представлявших из себя настоящие крепости. Каждую такую крепость пришлось брать с боя, часто идя в атаку прямо в лоб. Все операции велись, главным образом, под прикрытием ночной темноты, а днем это можно было делать лишь с большими жертвами. Случалось часто даже так, что захваченные ночью дома и переулки было очень трудно удерживать днем, так как при дневном свете — по отрядам нашим не только с передовой

линии, но и с тыла, из окон, чердаков, форточек — открывался сильнейший огонь, в результате чего много постов снималось белогвардейцами.

Вечером 27-го — в момент серьезных боев в защиту Замоскворечья от наступавшего противника, в Ревком на Калуж-


Исполнительный Комитетъ
ЗАМОСКВОРѢЦКАГО РАЙОНА
С.Р. и С.Д.
МОСКВА,
Коровій валъ, д. № 32.
Тел. 81-10.
191
№

ской площади пришел Н. Бухарин и потребовал, чтобы ему дали винтовку и включили его в отряд красногвардейцев. Члены Ревкома и присутствующие при этом красногвардейцы решительно запротестовали против требования Николая Ивановича и решили поручить ему написать листовку-воззвание с призывом начать и победоносно завершить пролетарскую революцию. Утром листовка была готова и отпечатана в типографии Сытина, занятой отрядом Революционного комитета.

27, 28, 29 октября ушли на эту кровопролитную, напряженную борьбу за каждый камень, за каждый забор и дом. Особенно в этом нам помогла артиллерия, хотя штаба Военного округа она никак не могла достать, так как это невысокое штабное здание прикрывалось гигантом-домом — в 8 или 10 этажей. Вследствие чего снаряды били по этому дому, не затрагивая гнезда белогвардейцев. Все эти 3 дня наш участковый штаб, помещавшийся в одной харчевне — в средине Остоженки, представлял из себя беспокойный муравейник, где каждый старался чем-нибудь помочь общему делу. Тут и перевязывали раненых, кормили голодных красногвардейцев, пришедших с постов, тут же давали боевые распоряжения, а под ногами часто валялись ничего не чувствовавшие люди, свалившиеся от усталости после нескольких дней и ночей, проведенных в непрестанных боях.

По мере развития боевых действий к нам начали поступать все новые и новые подкрепления, не только из района, но из Московских уездов, например, прибыл отряд из серпуховских рабочих. С вечера 31 октября начали доходить до нас радостные вести — об успешных действиях красных войск на других участках, в частности о захвате нашими отрядами Москворецкого моста, о поражениях белых на Красной площади и т. д. В это время неприятель разлагался прямо на наших глазах, проявляя трусость. Кроме того, по вечерам и ночам они сидели без света, так как рабочие Электрической станции 1886 года выключили у них свет, булочники для них не пекли хлеба, транспорт бастовал; поддержки извне неприятель никакой не получал, а наши силы росли с каждым днем и часом. Вообще, надо сказать, что на наших участках противник мало проявил смелости и самоотвержения, действовал из-под прикрытия, исподтишка, обходом. Вечером 2 ноября мы выбили белых из последних окопов и подошли к штабу МВО. Юнкера сдались. Октябрь победил.

ОТДЕЛ IV

По фабрикам и заводам Замоскворечья.

И. КУПРИЯНОВ.

Завод „Михельсон“ в Февральской и Октябрьской революциях.

Канун февраля застал меня работающим в качестве слесаря на заводе «Михельсон», бывш. Гоппер.

В то время завод вырабатывал преимущественно трехдюймовые снаряды французского образца. В конце 1916 года, приблизительно в ноябре, среди рабочих завода организовался революционный кружок, который можно считать зародышем ячейки ВКП (б). В первый состав кружка входили тт. Горбачик Ольга Ефимовна — гранатчица, Мартынов Ефим Иванович — слесарь, Уваров Андрей Иванович — слесарь, Стрелков Николай Васильевич — токарь, Волков Иван Яковлевич и я. Кружок работал под руководством студентки Коммерческого института Люси Лисиновой.

Настроение рабочих в это время было повышенное, если сравнить с годами реакции после поражения 1905 г. Этому способствовала затянувшаяся империалистическая война и начавшийся ввиду этого продовольственный кризис. Как-то осенью 1916 года, приблизительно в сентябре, в районе Калужской площади на почве уже начавшейся нехватки продовольствия произошло небольшое волнение, вылившееся в нападение толпы на булочную Ратникова на Б. Калужской улице. В результате толпа была рассеяна конной и пешей милицией с употреблением в ход нагаек.

Вскоре после этого приходит ко мне во время работы в машинное отделение, где я в это время работал машинистом, тов. Мартынов и, рассказывая о событиях на Калуж-

ской площади, в заключение сказал: «Надо организоваться, а то мы поодиночке ничего не сделаем, и нас всегда будут бить». Я с ним согласился. После этого к нам примкнула, через посредство Мартынова, Ольга Горбачик, которая привлекла к нам через студенческую столовую Люсю Лисинову. Дальше Мартынов и Горбачик привлекли к нам в кружок еще трех товарищей: Уварова, Стрелкова и Волкова Ивана, и мы назначили первое собрание кружка.

Состав кружка все время увеличивался, потому что мы привлекали в кружок других рабочих, хотя осторожно и с разбором. Впоследствии к нам примкнул тов. Пчеленков и другие, которых не помню, так что к Февральской революции в кружке было человек 20, и он разделился на 2 группы: одна группа работала под руководством Люси, а другая — под руководством студента Коммерческого института Фокина. Сколько было собраний кружка до февраля и на каких квартирах он собирался — не помню; помню только, что как-то раз было собрание в Щиповском переулке на квартире одного из кружковцев.

Целью работы кружка было развить наш кругозор и сознание. За некоторое время до Февральской революции от нашего кружка был выбран представитель в Московский комитет РСДРП (б).

Выборы происходили в студенческой столовой и выбрана была тайным голосованием тов. Горбачик. Через тов. Горбачик мы связались с Московским комитетом РСДРП (б), вот почему я считаю наш кружок зародышем ячейки ВКП (б).

Систематическая работа кружка была прервана начавшейся Февральской революцией.

Утром 28 февраля по заводу распространилась отпечатанная небольшая листовка, кратко сообщавшая о волнениях в Петрограде и о переходе на сторону народа Преображенского и Семеновского полков.

Это сообщение подняло и без того бывшее повышенным настроение рабочих, которые хотели забастовать, но члены кружка сдерживали, дожидаясь инструкций от МК.

В обед, когда я шел на работу, то встретил Люсю, сообщившую мне, что в Петрограде Петропавловская крепость взята и «охранка» горит. После обеда завод забастовал, и рабочие отправились останавливать другие фабрики и заводы. У Сытина им сказали, что рабочие уже ушли к Думе, а у ф-ки обуви Столкинда на Пятницкой улице, против Сытина, их разогнала пешая и конная полиция, пустив в ход нагайки.

На другой день 1 марта рабочие пришли на завод утром, но к работе не приступили. Устроили общее собрание, на котором решили забастовку продолжать, и выбрали делегатов в Совет рабочих и солдатских депутатов.

После собрания депутаты в сопровождении всех рабочих отправились на первое заседание Моссовета в здании городской думы.

На улицах было всеобщее праздничное настроение. К рабочим, провожавшим своих депутатов на заседание, присоединились жены рабочих и просто обыватели, большинство из них было с красными бантиками — красные ленты раскупались в магазинах нарасхват.

Полиция — если где и была, то держалась нейтрально. Газеты не вышли, и продавался лишь один бюллетень «Русского слова», сообщавший об образовании в Петрограде Исполнительного комитета Государственной думы и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Заседание СР и СД в городской думе протекало очень бурно. Выборы председателя отняли большую часть заседания. Председателем был избран меньшевик Никитин.

В коридоры Думы приводили — в отведенные для этого комнаты — арестованных городовых и околоточных, под конвоем вооруженных статских.

К вечеру в Думу прибыли освобожденные из тюрем политические. Зал заседания Думы не мог вместить всех депутатов и пришлось некоторым стоять — нехватало мест. А за стенами Думы все время играли оркестры музыки, сообщая о присоединениях к революции новых воинских частей. На Воскресенской площади в числе присоединившихся воинских частей к вечеру была уже и артиллерия.

Через несколько дней после 1 марта, когда жизнь начала постепенно входить в свою колею, собрался наш кружок, первый раз после Февральской революции. Нас собралось уже человек 20. Люся прочла нам устав РСДРП (б) и спросила — все ли с ним согласны. Возражений не было. Все члены кружка записались тут же в партию, получили членские книжки и внесли первый партийный взнос по 30 копеек в месяц. На этом собрании кружок оформился в ячейку партии.

Прошло еще несколько дней — забастовка по предложению Совета была закончена.

8 марта на общем собрании рабочих был выбран первый завком в составе 44 человек, и решено было ввести явочным порядком 8-часовой рабочий день.

В первые дни марта группа товарищей, взяв на заводе грузовой автомобиль, произвела захват оружия на банков-

ском складе при Рязано-уральской ж. д. В числе захваченного оружия были: винтовки, револьверы разных систем и патроны винтовочные и револьверные. Все захваченное оружие принадлежало полиции городов прифронтовой полосы, в том числе варшавской, и было эвакуировано в Москву во время отступления. Все оружие было сначала свезено на частную квартиру Матвеева — Партийный пер., д. № 14 — Москвина и потом постепенно было перенесено на завод и ночью было забито в одной из деревянных перегородок в стене гранатного корпуса. Часть револьверов мы взяли, вооружив ими некоторых членов ячейки нашего завода.

Из 44 человек завкома большевики имели 8 мест.

Несмотря на то, что мы были в абсолютном меньшинстве, наше влияние в завкоме было огромно, благодаря авторитету наших отдельных товарищей среди рабочих. Вскоре по нашему предложению на должность секретаря завкома был приглашен студент Коммерческого института Фельдман. Работа завкома пошла главным образом по трем направлениям: организация рабочих в профсоюзы, установление связи с солдатами 55 полка, находившегося в Александровских казармах, и установление связи с соседними фабриками и заводами.

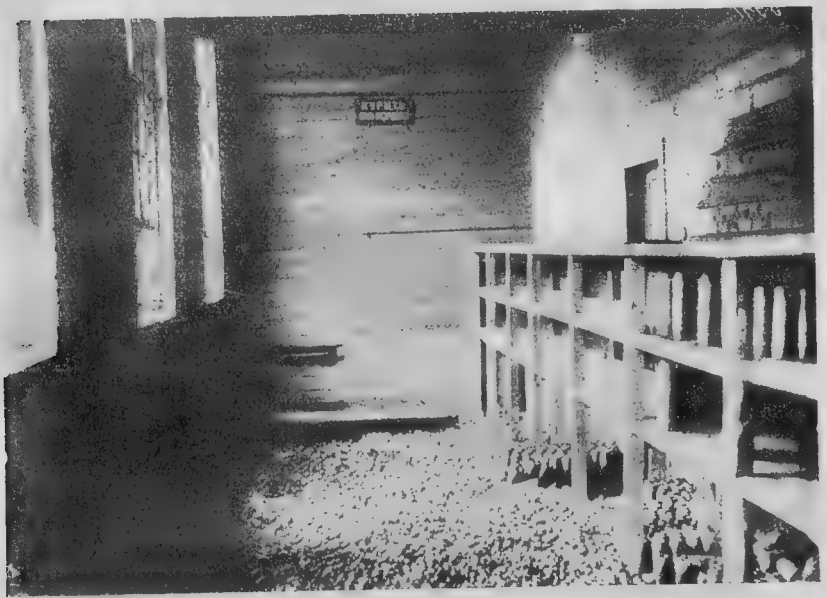
Запись в профсоюз шла успешно, и записались почти все рабочие. Представители завкома ходили на заседания полкового и ротных комитетов 55 полка и пользовались там успехом и большим влиянием, главным образом в ротных комитетах, где было больше солдат, чем в полковом комитете. Связь с соседними фабриками и заводами выражалась в том, что некоторые члены завкома периодически выступали на общих собраниях соседних фабрик и заводов.

Кроме большевистской ячейки, на заводе были организации меньшевиков и эсеров, которые имели в первом завкоме подавляющее большинство.

Описывая работу ячейки завода после Февраля, приходится все время писать про работу завкома потому, что завком был революционным штабом завода и все партии, в том числе и большевики, должны были вести свою работу только через завком. На общих собраниях мы пользовались почти всегда успехом, за исключением отдельных случаев; масса шла за нами куда угодно: на забастовку, демонстрацию и т. д.

Социальный состав рабочих был не чисто пролетарский. В погоне за отсрочками от призыва в армию, на завод правдами и неправдами пролезали торговцы, хозяйчики, кустари и тому подобный элемент.

Вести борьбу за влияние на эту часть рабочих, я бы сказал, не только трудно, но и невозможно. Это были временные гости на заводе, пока продолжалась война, и им были чужды интересы рабочих. В борьбе с ними мы применяли другой метод. Завком создал комиссию для рассмотрения правильности предоставления отсрочек от призыва. В этой комиссии от нашей ячейки работал тов. Мартынов. Открылась вопиющая картина злоупотреблений. Были случаи, когда некото-



Гранатный корпус завода Михельсон, в стенах которого было спрятано варшавское оружие.

рые граждане числились в списках рабочих завода, имели отсрочки от призыва, но в заводе не только не работали, а и не показывались.

Кроме этого слоя, был, конечно, и пролетарский слой, среди которого мы и вели работу по завоеванию его на нашу сторону, но и здесь работа проходила не совсем гладко, потому что среди рабочих было много женщин, впервые пришедших на завод во время войны. Несмотря на это, мы и их завоевывали на нашу сторону.

Считая, что армия в революции играет не последнюю роль, мы решили расширить нашу связь с Александровскими

казармами дальше и перенести ее на фронт. Для этого мы подняли в завкоме вопрос о посылке подарков в армию. Наше предложение было принято. Кроме того, завком решил предложить соседним фабрикам и заводам присоединиться к нам, чтобы подарков было побольше. На это откликнулись: парфюмерная ф-ка Брокар, ф-ка сукон Котова и деревообделочный завод Ганзен. На собранные среди рабочих всех 4 предприятий средства выделенная для этой цели комиссия заготовила подарки: почтовой бумаги, конвертов, карандашей, табака, спичек, ниток, иголок и т. д., а также большевистскую литературу. Решено было отправить подарки во вторую гренадерскую дивизию, потому что она стояла до отправки на фронт в Александровских казармах. Для сопровождения подарков был выбран я. Зная, что на фронте придется выступать перед солдатами, я стал к этому готовиться. По моей просьбе студентами столовки мне была написана речь для произнесения на фронте.

Воинская часть, в которую я ехал, стояла на западном фронте. По железной дороге я ехал до станции «Погорельцы», в 114 верстах от Минска к Барановичам. Дальше началась прифронтовая полоса и поезда не ходили. Я выгрузился, предъявив свои документы местному военному начальству. По полевому телефону из воинской части были вызваны подводы, а я пока сел закусить. Наконец прибыли подводы, на которые были погружены ящики с подарками, и мы тронулись в путь. К вечеру мы прибыли в стоявший в резерве один из полков 2-й гренадерской дивизии, 5-й Киевский полк. Полк стоял в квадратной роще, близ фольварка «Полонечко». Меня пригласили на обед в землянку, занимаемую командиром полка. Последний спросил меня, что я привез. Я сказал и показал бывшие у меня в кармане образчики революционных брошюр. Начальству моя литература не понравилась, и меня после этого больше к полковнику не приглашали. Подарки были отвезены в дивизионный комитет, находившийся у линии фронта. Раздачу подарков я поручил дивизионному комитету в моем присутствии, но перед раздачей подарков просил назначить дивизионный митинг. Как раз в день митинга в эту же воинскую часть прибыл представитель меньшевиков, — какой-то студент-меньшевик из Петрограда. На митинге мы выступали оба: он первым, а я вторым. Он говорил в оборонческом духе — что вот рабочие, работая 8 часов, вырабатывают меньше снарядов и этим ослабляют фронт. Потом выступил я с приветом от московских рабочих.

Потом объяснил наши взгляды на войну и закончил словами: «Да здравствует мир и братство народов!» Что же после

этого поднялось. Вся многосотенная масса загудела «ура», меня подняли на руки и на руках внесли в здание дивизионного комитета, где происходила раздача подарков. То же сделали за компанию и со студентом. По окончании митинга была принята резолюция, в которой благодарили за подарки и которая была солидарна с моей речью.

С вокзала мне пришлось итти пешком — трамваи не ходили. У Серпуховских ворот нагнал своих рабочих, возвращавшихся с демонстрации. Рабочие с демонстрации вернулись все на завод, и сейчас же в гранатном корпусе состоялось собрание, где я выступил и передал привет с фронта и благодарность за подарки.

Прошло 2—3 дня после 1 мая, и газеты опубликовали ноту Милюкова — министра иностранных дел Временного правительства — продолжать войну до победного конца. Как только это стало известным, завком собрал экстренное собрание рабочих, во время работы, до обеда. После собрания рабочие пошли демонстрацией на площадь-плац к Александровским казармам, где и провели митинг протеста против этой ноты. На митинге присутствовали солдаты 55 полка.

Завком между Февралем и Октябрем переизбирался несколько раз, давая каждый раз все больше и больше мест нашей ячейке. Завком стал осуществлять на деле контроль над производством.

Наступили июльские дни. Рабочие нашего завода, совместно с рабочими всей Москвы, вышли на улицу, как и в Петрограде, с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов» и «Вся власть советам». Когда мы проходили мимо Иверских ворот, один из стоявших в автомобиле ораторов начал свою речь следующими словами: «Товарищи, бывают времена, когда народ сам выходит на улицу, когда ружья сами стреляют, вот и сегодня — никто вас не звал — вы сами вышли» и т. д. Дойдя до Скобелевской площади, мы встретили враждебно настроенную по отношению к нам толпу обывателей, стоявшую по ту сторону площади по направлению к Страстному бульвару, занявшую поперек всю Тверскую. Нас освистывали из этой толпы и называли немецкими шпионами.

Дальше итти было нельзя — могло быть столкновение. Хотя между нами и шла вооруженная револьверами Красная гвардия, но мы решили столкновения избегать и повернули в переулок к Капцовскому училищу. В Капцовском училище были оставлены нами знамена и обратно мы возвращались одиночками.

Помимо советов Московского и районных, куда мы с каждыми перевыборами провожали все больше и больше представителей большевиков, был создан институт районных дум. При выборах в Пятницкую районную думу наша ячейка мобилизовала все свои силы. Здесь мы должны были проверить отношение к нам просто обывателей, потому что в выборах участвовало все население. За список своей партии мы агитировали всюду: и на предприятиях, и в казармах, и просто во дворах домов или на перекрестке улиц среди обывателей.

Везде был нужен разный подход. Для подготовки агитаторов были созданы на скорую руку курсы, которые находились в одном из домов по внутреннему проезду Цветного бульвара, близ Самотечной площади.

Во время Демократического совещания рабочие нашего завода совместно с рабочими других фабрик и заводов объявили однодневную забастовку протеста против Временного правительства. В корниловские дни, когда появилась угроза срыва всех завоеваний революции, на собрании партийного актива района был поставлен вопрос об объединении с меньшевиками и эсерами для совместного отпора при отстаивании завоеваний революции. Было решено создать общий комитет действий из представителей всех трех партий.

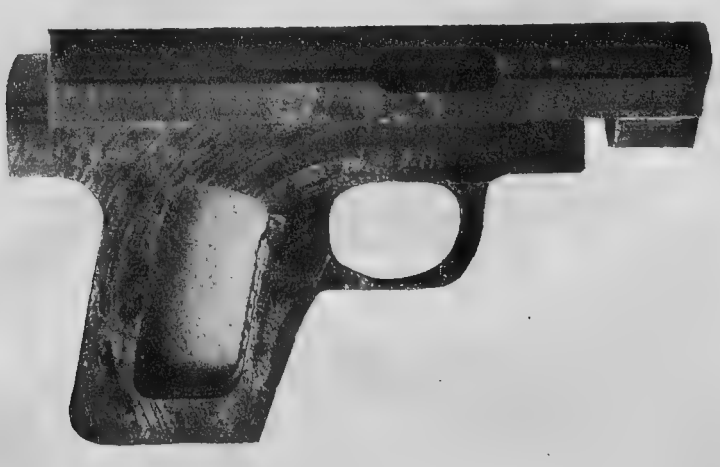
Накануне Октябрьских дней настроение рабочих было напряженным. Политическая атмосфера была насыщенной, чувствовалась скорая развязка.

24 октября тов. Фельдману — секретарю п/завкома — часа в 3 дня позвонили по телефону из Московского комитета и сообщили о происходящих активных действиях в Петрограде, где уже были заняты вокзалы и некоторые государственные учреждения. Тут же экстренно было созвано заседание завкома, на котором постановили взять под свой контроль все телефоны завода и транспорт. Было дано распоряжение сторожам, чтобы без визы завкома не пропускать с завода ничего. Тов. Стрелков был вызван в уже образовавшийся Замоскворецкий районный военно-революционный комитет и был тут же назначен комиссаром 55 полка от имени комитета. 27 октября в Сухаревском народном доме, вечером, состоялось собрание всех районных дум города Москвы, на котором я присутствовал, как член Пятницкой районной думы. Во время прений по одному из обсуждавшихся вопросов, речь очередного оратора, стоявшего на трибуне, была прервана председателем, и слово было предоставлено представителю военно-революционного комитета для внеочередного заявления. Войдя на трибуну, он сообщил, что только что военно-революционным комитетом Моссовета получен

ультиматум от командующего войсками Московского военного округа полковника Рябцева с требованием распустить военно-революционный комитет. Срок был дан для ответа 15 минут. Военно-революционный комитет отверг ультиматум, и после этого обе стороны находятся в положении войны. Выслушав это сообщение, было решено прервать заседание, разойтись по местам в районы, чтобы приступить к действиям.

Итак Октябрьская революция в Москве началась.

Рабочие завода, забастовав, решили собираться на собрания ежедневно в 8 часов утра; завком собирался на 1 час



Один из револьверов, изготовлявшихся нелегально по ночам рабочими завода Михельсон перед Октябрьским восстанием.

раньше. Члены завкома работали кто где. Некоторые влились в ряды Красной гвардии и работали вместе с ней, как простые красногвардейцы.

Красная гвардия организовалась на заводе вскоре после Февральской революции. Обучали ее военным приемам инструктора из солдат 55 полка. Пользовались оружием, захваченным в Февральские дни на банковском складе. К Октябрьским дням она представляла собой уже внушительную силу, насчитывая в своих рядах более 200 человек. Начальником Красной гвардии был тов. Кржеминский, «пан». Михельсоновская Красная гвардия играла большую роль в Красной гвардии Замоскворецкого района. Наши красногвардейцы в числе других занимали позиции у Крымского моста и Осто-

женки, и у Каменного моста, и у электрической трамвайной станции.

Для того, чтобы охарактеризовать настроение рабочих нашего завода в Октябрьские дни, я приведу один яркий пример: одно общее собрание рабочих.

После информации о событиях дня я сделал следующее сообщение: «Замоскворецкий военно-революционный комитет постановил предложить рабочим фабрик и заводов района пополнить Красную гвардию». К этому я добавил, что после собрания в завкоме будет производиться запись желающих вступить в Красную гвардию. Собрание было закрыто. Когда я выходил из гранатного корпуса, где всегда были собрания, то у завкома уже стояла очередь рабочих, желающих записаться в Красную гвардию. Очередь начиналась от завкома, который помещался во втором этаже, спускалась по лестнице вниз и кончалась во дворе завода.

Вот эта-то живая очередь добровольцев в Красную гвардию по первому призыву военно-революционного комитета говорит больше всяких слов о настроении рабочих нашего завода в Октябрьские дни.

Эти очереди, которые предвидел Владимир Ильич, зовя рабочий класс к завоеванию власти, и сделали возможной победу Октябрьской революции.

Как-то перед вечером, часа в 4 дня, в один из Октябрьских дней в завком пришел тов. Бухарин. Войдя, он сказал, что сейчас работает в типографии Сытина, редактируя листовки, а квартирует в районе Ордынки. Но так как район его квартиры находится под обстрелом, он попросился у кого-либо из нас переночевать. Тов. Козлов сказал, что у него тесно — большая семья и рекомендовал меня, потому что я дома по ночам не бываю, в виду дежурства в военно-революционном комитете. Бухарин и я согласились с этим и мы отправились на квартиру ко мне. Я познакомил тов. Бухарина со своей семьей — это было во 2 Павловском переулке, дом № 6, квартира 16. Сидя за самоваром, тов. Бухарин рассказывал, что все заборы около его квартиры расписаны словами «здесь живет большевик Бухарин» и что родители его иногда говорят в шутку: «наш Коля помешался». Тов. Бухарин попросил ручку с пером, чернил и бумаги и сказал, что будет писать. Вернувшись домой утром, я его не застал, он уже ушел, вставши рано. Жена мне сказала, что он писал, потом началась на улице беспорядочная стрельба, что в то время было частым явлением, особенно в районе казарм. Жильцы квартиры стали закладывать окна подушками. Тов. Бухарин вынул два револьвера, положил их на стол и сказал, чтобы

успокоились, а если, что случится, то он первый пойдет защищать их. В результате все успокоились. Постель ему была постлана на полу. Статью под заглавием «Новая революция» он не дописал, и она осталась у меня.

В один из октябрьских вечеров приходит в завком сестра милосердия из лазарета, помещавшегося в кафе «Франция» на Серпуховской площади, и сообщает, что тов. Киреев убит при переходе улицы у малого Каменного моста. Кроме тов. Киреева был убит еще тов. Андреев из пулемета при проходе по окопу на Остоженке. Там же была убита и руководительница нашего кружка тов. Люся. Кроме убитых были и раненые. Тов. Мартынов был ранен на Остоженке и там же лежал в лазарете, где я его навещал. Тов. Коршунов был ранен в глаз — глаз пропал — на электрической трамвайной станции у Каменного моста. Кроме того, был ранен тов. Пчеленков и некоторые другие, фамилии которых не помню.

Похороны убитых тт. Андреева и Киреева завком принял на свой счет. Были изготовлены красные гроба. Тов. Киреев уже был похоронен родными на Даниловском кладбище. Тов. Иванов Н. Я., по поручению завкома, вел переговоры с родителями Киреева о их согласии на то, чтобы вырыть его гроб и похоронить в общей могиле на Красной площади. Родители на это согласились. Гроб был вырыт и положен в другой гроб, специально для этого изготовленный. Похороны были в воскресенье 11 или 12 ноября. Накануне гроб тов. Киреева был привезен на завод, положен в другой гроб и поставлен в приемной гранатного корпуса, где происходили митинги. У гроба был поставлен почетный караул из Красной гвардии. Гроб тов. Андреева был доставлен его родными утром в день похорон. Перед выносом гробов состоялся траурный митинг, на котором тов. Козлов сказал: «Перед гробами убитых товарищей мы клянемся, что дело их будем продолжать и рядом с их могилой мы зароем капиталистический строй». За несколько дней до похорон тов. Орловым был организован хор, разучивший похоронный марш «Вы жертвою пали», который под его руководством и был исполнен в день похорон по пути к Красной площади.

Кончились Октябрьские дни. Рабочий класс взял власть в свои руки. Снова заработали фабрики и заводы. Рабочие стали говорить уже не о контроле над производством, а о национализации промышленности. Хозяева фабрик и заводов саботировали, стремясь сорвать производство. Был издан декрет о национализации промышленности, и рабочий класс сделался хозяином всех предприятий страны.

П. МУРАВЬЕВ.

„Циндель“ в дни Октября.

Заканчивались выборы в Московскую городскую думу, в которых я принимал участие как помощник заведующего Замоскворецким бюро по выборам и как агитатор от Замоскворецкого райкома ВКП(б). Предстояло переходить на новую работу. Зайдя в райком, получил предложение отправиться на работу на фабрику Циндель в качестве секретаря фабрично-заводского комитета и организатора. С чувством некоторого волнения в один прекрасный августовский день вхожу я в помещение циндельевского фабзавкома. Мои сомнения и волнения были далеко не лишены основания. Предварительные сведения, собранные мною о предстоящей работе, рисовали мне ее далеко не в радужных тонах.

Громадная фабрика, насчитывающая несколько тысяч человек, по своему развитию не стоявшая в первых рядах пролетариата, крайне малочисленная партийная ячейка, сильное влияние эсеров и меньшевиков, — таковы те краткие сведения, которые удалось получить мне в райкоме и из случайных встреч с некоторыми рабочими фабрики.

Эта, так сказать, конкретная обстановка осложнялась наличием целого ряда причин общего характера. Еще не заглохли отзвуки июльских дней, так называемое общественное мнение в лице «свободной» прессы миллионами экземпляров наполняло всю страну гнусным улюлюканием по адресу большевиков... Во всяком, выступившем, хотя бы умеренно, против Временного правительства, видели немецкого шпиона или большевика,—понятия, мало различавшиеся в то время не только в представлении слабо разбиравшегося в бурных событиях момента обывателя, но и усердно поддерживавшиеся различными общественными течениями, на знамени которых было написано «война до полной победы»... не только над вооруженным врагом, но и над революцией... Если ко всему этому добавить личную неопытность в массовой работе среди широких рабочих организаций, то станут вполне понятными те смутные чувства неуверенности и смущения, которые владели автором этих строк, когда он взбирался по лестнице в фабзавком фабрики Циндель в августе 1917 г.

Фабрика Циндель, принадлежавшая франко-немецкому акционерному капиталу, являлась одним из крупнейших предприятий по выработке хлопчатобумажных тканей с го-

довой продукцией в несколько миллионов кусков. Благодаря высокому качеству товаров и умелой организации дела, изделия этой фирмы не только находили себе широкий сбыт на внутреннем рынке, но успешно конкурировали с иностранными на рынках стран Ближнего и Дальнего Востока.

Раскинувшееся на несколько кварталов Дербеневской улицы, утопающее в зелени деревьев, цинделевское владение с монументальными фабричными корпусами, рабочими жилищами и особняками администрации внешне являло картину полного благополучия и мирного сожительства труда и капитала. Однако это чисто внешнее впечатление очень быстро рассеивалось, поскольку мы через незаметно врезанную в заборе дверь попадали на участок, занятый постройками для рабочего жилья, или, в фабричном обиходе так называемые «спальни» и «коморки», или общежитие для холостых и комнаты для семейных. Полное отсутствие вентиляции, чрезвычайная скученность, смрад испарений и уборных были непременными и вечными спутниками рабочего жилья на Цинделевке. Правда, нужно отдать справедливость владельцам предприятия, что жилищные условия рабочих на фабрике Цинделя по тому времени были значительно лучше, чем на многих других. А в фабричных корпусах царила самая нестерпимая придирчивость немцев-мастеров и беззастенчивая эксплоатация рабочих.

Выколачивая колоссальные прибыли, владельцы, отдавая дань своей высокой «культуре» и конкурируя с отечественными предпринимателями, время от времени выбрасывали некоторые крохи и на рабочий стол. Во всяком случае не ради чрезвычайной любви к рабочим, а скорее вследствие эгоистического стремления показать, что-де у нас, как в Европе... возникли на Цинделевке хороший театр, школа, больница и помещение для кооператива, который, по справедливости, может быть назван первым рабочим кооперативом и который даже во времена царизма сумел существовать на началах выборности и широкого самоуправления.

Рабочий состав Цинделевки мало чем отличался от общей массы текстильщиков. Большинство рабочих имело крепкую связь с деревней, то или иное хозяйственное обзаведение там. Это обстоятельство, конечно, накладывало известный отпечаток на политическую физиономию рабочей массы и ее психологию. Этому также способствовало то, что среди рабочих значительное количество падало на женщин. Среди этой в общем политически индиферентной массы весьма тонкую прослойку составляла та часть рабочих, которые окончательно потеряли связь с деревней и были в подлин-

ном смысле пролетариями. Эта часть значительно возросла и окрепла за счет так называемого гранатного отделения фабрики, возникшего во время войны и работавшего на надобности обороны.

Партийная (большевиков) ячейка была крайне немногочисленна и включала в себя наиболее сознательных рабочих. Была еще маленькая группа молодежи, политически неоформившаяся, но дружно работавшая вместе с нашей ячейкой и много помогавшая ей в ее организационной работе. Из других политических течений никаких организационно оформленных ячеек не существовало. Правда, были отдельные группы (довольно немногочисленные) с меньшевистскими и эсеровскими уклонами, но влияние их на массу было крайне ничтожно. Была еще группа, именовавшая себя анархистами и доставлявшая нам много хлопот и шума на всяких собраниях. Но анархического в ней ничего не было, за исключением того шума и хаоса, которыми сопровождалось их всякое выступление. И вспоминая отдельные факты из деятельности этой группы, ее можно скорее назвать, выражаясь современной терминологией, «бузотерами», чем анархистами...

Центром всей общественной жизни фабрики являлся фабзавком, первое время довольно многочисленный по своему составу, с бесконечным рядом всякого рода комиссий: контрольной, профсоюзной, культпросветительной и др. Во главе комитета стоял беспартийный рабочий Морозов Н. К., а партийной ячейкой руководил молодой, энергичный партиец Фриц Бандурин, впоследствии растерзанный кулаками в одном селении Тульской губернии во время сбора продразверстки.

Несмотря на то, что, как уже указывалось, партийная ячейка была невелика по своим размерам, влияние ее на жизнь фабрики было огромно. Я не помню сколько-нибудь большого вопроса, по которому у нас были бы большие расхождения. Все наши предложения, при дружной поддержке наиболее сознательных из беспартийной части рабочих, без особых усилий проводились на общих собраниях. Даже такой большой вопрос, как забастовка протеста против созыва Московского демократического совещания был решен единогласным постановлением. И несмотря на бешеную травлю нашей партии в это время, фабрика Циндель в дни августовского совещания пошла за нашей партией и бастовала.

Несколько сложнее были отношения фабзавкома с администрацией. Управляющий фабрики в то время был инженер Т-ов А. И. — человек, который в дни молодости сам не-

много «грешил» по части политики и даже имел возможность ознакомиться с прелестями царской тюрьмы, человек довольно «дипломатичный». С одной стороны, ему не хотелось портить личную репутацию чуть ли не революционера и отношения с рабочими, а с другой — нужно было проводить политику своего правления, интересы которого далеко не были тождественны с стремлениями фабзавкома.

Постепенно укрепляясь и оформляясь, фабзавком день от дня все глубже и глубже пускал корни во все стороны фабричной жизни. Наем и увольнение рабочих строго регламентировались комитетом, контролировались получение и отпуск материалов и сырья, вывоз готового товара из фабричного склада производился только по пропускам комитета. Это последнее обстоятельство являлось весьма радикальным средством воздействия на администрацию. Всякий раз, когда администрация отказывалась нам итти навстречу, фабзавком прекращал отпуск готового товара со склада, и ей волей-неволей приходилось итти на уступки.

Как сейчас помню, завком обратился к администрации с предложением об отпуске, кажется, 40 тыс. руб. (сумма по тому времени довольно внушительная) на разного рода нужды: организацию столовой, детдома и др. Получив отказ, завком тотчас же прекратил отпуск товара. А на другой день мы имели удовольствие видеть у себя в завкоме самого председателя правления. После длинного и далеко нелюбезного обмена мнений были получены не только нужные средства, но и один особняк скрывшегося за границу члена администрации, где в скором времени заработал первый в Москве детский дом и школа.

В общем нужно заметить, что в то время работа завкома и ячейки настолько тесно переплеталась между собой, что трудно было определить, где начиналось одно и кончалось другое. Фабзавком становится все более и более организующим центром, массовым рабочим органом, под лозунгом которого и за ним идет широкая рабочая масса. Вместе с тем завком становится центром, через который идет связь с районными партийными и профессиональными организациями. Благодаря вместительному зрительному залу фабричного театра, мы могли видеть у себя на фабрике заседания и районного совета и партийные собрания. А во время выборов в районные думы фабрика Циндель была организационным центром всего Кожевнического подрайона. И настроение широкой массы к тому времени было таково, что представителям меньшевиков и эсеров на наших собраниях, если и

удавалось говорить, то только под шумный акомпанемент протестующих криков.

Чем ближе подходил Октябрь, тем острее ощущался недостаток сырья и топлива, сокращался объем работы, сильнее увеличивался отход рабочих в деревню, под влиянием продовольственных затруднений, тем загадочнее и безмолвнее казались лица администрации...

Было, кажется, 25 октября. С раннего утра пришлось быть в Московском совете, где заседала комиссия. Выйдя из здания Моссовета, около подъезда гостиницы Дрезден, где в то время помещался МК, я встретил тов. Рыкунова с группой других товарищей. Все они были очень возбуждены и о чем-то оживленно беседовали. Увидя меня, т. Рыкунов мне крикнул: «Слышал, в Питере уже началось». Подойдя ближе, я узнал, что петроградский пролетариат поднял знамя восстания. Возвратившись на фабрику, я информировал товарищей о питерских событиях. Естественно встал вопрос, а что же мы? Ибо атмосфера была до такой степени накалена, что известие о питерских событиях невольно толкало мысль на вопрос о нашем бездействии.

Запросили районные организации. Ответ — оставайтесь на местах, продолжайте работу и ждите дальнейших инструкций... Кончился, как обычно, трудовой день. Весть о питерском восстании успела дойти до всех отделений. В помещении завкома не протолкнешься от заходящих узнать, что же делается в Питере. К сожалению, мы сами этого вполне понятного любопытства удовлетворить не могли, ибо сами немногое знали. В виду напряженности положения решили установить в завкоме ночное дежурство. Ночь прошла спокойно. На утро едва приступили к работе, как телефонный звонок из района сообщает, что события развиваются с чрезвычайной остротой, нужно ожидать серьезных событий, а потому предлагается работу приостановить, образовать революционный комитет и взять охрану фабрики в свои руки. Телефонные звонки по мастерским в несколько минут приостановили работу фабрики. И в скором времени на фабричном дворе перед зданием завкома открылся летучий митинг, где собравшиеся были информированы о последних событиях... Напряженное сосредоточенное молчание толпы было ответом... Собрание заводского комитета вместе с так называемым активом довольно быстро образовало (как мы громко именовали себя) Военно-революционный комитет. Насколько не изменяет память, в него вошли тт. Коротков (погибший от тифа), Мокаров И., Морозов Н. К., Нехорошев И. Д., Павлов, Пищурин, Делюсин, Тарасов Ф., Ястребов

и пишущий эти строки. Первым шагом этого ревкома было отобрание всех ключей от администрации и разоружение фабричной охраны — сторожей. Это разоружение носило совершенно спокойный характер, поскольку охрана состояла из тех же самых рабочих, но только с наганами за поясом. Отобранные четыре-пять штук наганов и составили всю военную технику ревкома... Добровольцы из рабочих, предоставившие себя в распоряжение ревкома, составили охрану фабрики и складов. Были намечены посты, заняты входы и выходы, установлены пропуска. Были подсчитаны запасы кооператива... Вся громадная территория Цинделевки погрузилась в жуткую тишину, и только на верху здания конторы, занятом ревкомом, чувствовалось оживление, входили, уходили люди, трещали звонки, приносившие все более и более тревожные сведения, складывалась связь с Замоскворецким штабом и соседними фабриками... В тревожной бессоннице прошла ночь... Приходившие отдыхать наши патрули сообщали о полном спокойствии на нашем участке.

Утро следующего дня рассеяло все сомнения... Предварительные переговоры Московского ревкома с Комитетом безопасности не привели к соглашению. Военные действия стали неизбежны... И к вечеру загремели выстрелы... Московский пролетариат вышел на улицу с оружием на поддержку восставших питерских рабочих, на борьбу за претворение в жизнь лозунга — вся власть советам...

Нужно было думать об увеличении наших «вооруженных сил». Наши поиски были не особенно успешными. Десятка полтора винтовок самых разнообразных систем и что-то около сотни патронов да ранее отобранные наганы — вот все, чем мы располагали к моменту восстания. Это дало нам возможность усилить наши караулы, необходимость в увеличении которых вызывалась тем, что на границе фабрики находился мост через Москву-реку на Симоновку с ее громадными военными и снабженческими складами. Кроме того, по задней части фабрики проходила Москва-река, представляющая очень удобную позицию для всякого рода военных диверсий. Наши предположения впоследствии оправдались, когда в одну ночь юнкера сделали неудачную попытку на автомобиле прорваться к симоновским складам. Благодаря бдительности охраны, руководимой тов. Коротковым, часть юнкеров была перебита, часть разбежалась, оставив на Симоновском мосту испорченный автомобиль...

Отдельные звуки беспорядочной ружейной стрельбы и трескотня пулеметов, доносившиеся, как нам казалось, из центра, неопровержимо свидетельствовали, что вооруженное

столкновение классов началось... Слабела связь... Телефон упорно молчал... Сношения со штабом, благодаря отдаленности, были крайне медлительны... Что делалось кругом в районе и в центре — было неизвестно... Сообщались самые дикие слухи, проверить которые было крайне затруднительно. Напряжение росло... Усиливалось беспокойство...

Было около двух часов ночи, когда спокойную ночную тишину разрезал шум чьих-то голосов у входа в главные ворота. Быстро сбежавши вниз, увидели нашу охрану, упорно не впускавшую каких-то двух людей, оказавшихся тт. Петром (Арутюнянц) и Крокодилом (Фельдман). Войдя в помещение комитета, прибывшие товарищи наскоро обрисовали боевую обстановку в районе и центре и предложили выделить возможное количество бойцов, так как в ближайший момент штабом предпринимается наступление на Каменный мост для прорыва в центр, а также женщин для несения санитарной службы. Наличные силы рабочих, дежуривших в штабе, были немногочисленны, так как большинство почти бессменно находилось на постах и в патрулях. Приходилось наскоро объявить «мобилизацию» по спальным помещениям. Разбуженные нашим появлением, зашевелились спальни и коморки... Наш призыв встретил нужный отклик, и вскоре перед завкомом собрался отряд в несколько десятков человек, и после напутственного слова Петра, обрисовавшего задачи борьбы восставшего пролетариата, отряд двинулся вперед и вскоре скрылся в темноте Дербеневки... А на утро был сформирован из женщин небольшой санитарный отряд и, снабженный медикаментами, захваченными из фабричной больницы, был отправлен в распоряжение Замоскворецкого штаба. Незнание дела и предстоящие опасности не остановили женскую часть от участия в общем деле борьбы. Наиболее сознательная часть женщин предпочла рука об руку с рабочими бороться, деля все тяготы борьбы, а не отсиживаться в спальнях и коморках, как сделали многие.

Разведчики принесли из штаба сообщение, что наши санитарные пункты терпят нужду в продовольствии, а главным образом, в хлебе.

Тов. Жуков, занимавшийся у нас вопросом продовольствия, быстро привел в известность наши наличные запасы, и в скором времени одна палатка (фургон, на котором возили готовый товар), нагруженная доверху всякими припасами, двинулась в путь. С Павелецкого (Саратовского) вокзала нам сообщили, что там лежит масса невостребованных продовольственных грузов, прибывших в адрес охотнорядских торговцев. Снаряженный нами отряд без особых

усилий «конфисковал» много всяких вкусных вещей: рябчики, масло, сыр, и пр., и все это было направлено туда, где ощущалась нужда.

В сумерках четвертого или пятого дня восстания с Бахрушинской фабрики нам сообщили, что на Зацепе неизвестные лица громят магазины. Наскоро снаряженный отряд, подойдя к Зацепе со стороны Б. Дворянской ул., услышал на углу Зацепы (где поворачивает трамвай В) треск раздавливаемых стекол в одном из расположенных магазинов золотых вещей. На вопрос «кто там?» — услышали несколько револьверных выстрелов. Наши ребята прилегли за тумбы электрической сети и начали обстрел магазина. После несколькоминутной перестрелки выстрелы противной стороны замолкли, отряд вышел из-за прикрытия и, подойдя к магазину, нашел спрятавшихся под прилавком трех громил, которые были сданы в комендатуру Павелецкого вокзала. Пришлось усилить патрули на этом участке. Но повторения грабежей больше, кажется, не наблюдалось.

Из штаба Замрайкома мне сообщили о необходимости явиться в «столовку» (М. Серпуховка, 28). Это учреждение, известное в широких кругах под кратким названием «столовка», играло крупную роль в революционном рабочем движении Замоскворечья, являясь его штабом как в дореволюционное время, так и в первый период революции. Придя в «столовку», в одной из комнат я застал тт. Бухарина, Ольминского, Скворцова-Степанова и ряд товарищей из Замоскворечья за обсуждением какой-то рукописи. Оказалось, что были получены сведения, что к Москве со стороны Замоскворечья (по Рязано-уральской ж. д.) движется какая-то войсковая казачья часть, настроенная далеко не по-большевистски. Необходимо было предотвратить приход этой части в Москву или, по крайней мере, обеспечить ее нейтралитет. С этой целью в район стоянки упомянутой части штабом направлялся тов. Карпов, один из работников Замоскворечья, сам казак по рождению (убитый на фронте борьбы с басмачами в Бухаре). Поскольку это была наша первая вылазка за пределы Москвы, позволявшая нам войти в соприкосновение с крестьянством, было решено выпустить специальное воззвание к крестьянам о задачах происходящих событий. Это воззвание было написано тов. Бухариным. Предстояло его отпечатать в достаточном количестве экземпляров. Это дело, однако, натыкалось на весьма серьезное препятствие — отсутствие типографии. Несмотря на то, что на территории Замоскворечья находился такой гигант, как типография Сытина, использовать ее для напечатания упомянутого воз-

звания не представлялось возможным, поскольку она, как и все другие предприятия, не работала, а кроме того, она являлась цитаделью меньшевистской московской организации и потому использование ее «частным» порядком тоже было затруднительно. И потому пришлось вспомнить про существование типографской машины на Цинделевке, употреблявшейся для печатания всякого рода бланков, этикетов, наклеек и др. мелких «домашних» работ. С этой целью я и был вызван. Забрав рукопись, я поспешил обратно на фабрику. Разыскав с большим усилием тов. Тимонина, работавшего на этой машине, и его глухонемого помощника, наша «типография» заработала, и к утру несколько тысяч экземпляров воззвания были посланы по назначению. Насколько мне помнится, поездка тов. Карпова увенчалась успехом, и указанная казачья часть сохранила нейтралитет на все время военных действий в Москве.

Восстание окончилось победой рабочих... Переполненный до отказа зал театра Цинделевки прорезывается морозными лучами ноябрьского солнца. Измученные бессонницей и пережитыми опасностями лица... Со сцены тов. Коротков своим громогласным басом информирует о последних событиях... Совет народных комиссаров... Мир... Земля трудящимся... Вся власть советам... Октябрь победил.

ТРОФИМОВ.

Воспоминания о революционных днях на заводе „Красный факел“ (бывший Густав Лист).

Я поступил на завод в 1916 году; в то время там работало около 1 500 человек: две трети работало в артиллерийских мастерских и имело приличный заработок, даже несколько превышающий заработок квалифицированных рабочих. Это обстоятельство создавало настроение некоторого довольства и политического безразличия. Но все-таки среди рабочих было некоторое недовольство в части продовольственного снабжения населения. Эти недовольства проявлялись, главным образом, среди рабочих, занятых основным производством. В это же время на заводе имелось правление больничной кассы, в которое входили рабочие социал-демократы: Александров, Карандасов, Демидов, которые и вели организационную работу.

В конце 1916 года на заводе стали появляться листовки, воззвания, неопубликованные речи депутатов Думы — Родзянко и др. Часть этой литературы попадала через меня; литературу эту я получал от т. Дугачева с Пречистенских рабочих курсов. Появление листовок с извещением о начале в Петербурге забастовок сразу подняло рабочих завода, и завод еще утром вышел на улицу.

После Февральской революции сразу же определились два политических движения на заводе: меньшинство из большевиков, насчитывающих около 5 человек, и большинство из меньшевиков и социал-революционеров. Влияние меньшевиков и эсеров было большое, главным образом, в артиллерийских мастерских через инструкторов-студентов, входящих в означенные политические органы.

Трудно было работать большевикам: бывали моменты, когда большевикам на собраниях не давали говорить, обливая грязью со стороны меньшевиков, как «шпионы Германии, продажные люди» и т. д., но благодаря стойкости и влиянию агитации, большевики все же завоевывали симпатии среди рабочих.

Ярким примером этого послужило отношение рабочих к забастовке кожевников, когда ими выдвинут был вопрос об отчислении в забастовочный фонд и несмотря на усиленную клевету со стороны меньшевиков на бастующих, указывавших, что они не подчиняются распоряжению министра труда о прекращении забастовки, все же вынесли постановление об отчислении. Второй момент — это Московское совещание, когда рабочие завода по предложению фракции большевиков завкома вышли с протестом, неся знамя «Долой десять министров-капиталистов»; меньшевики и эсеры теряли головы: масса выходит из-под их влияния. Некоторые лидеры перекрашиваются в объединенцы (Александров С. Н.), объясняя, что меньшевики отстали, а большевики слишком резко ведут себя, сломают себе шею и потопят революцию, а вот объединенцы берут правильный путь. Но ловушка эта мало помогла умирающим лидерам. И выборы в районную думу уже дали полный перевес на сторону большевиков.

В заводском комитете поднимаются вопросы о вооружении рабочих. Во всей остроте встает вопрос об оружии: оружия нет и его негде достать. Фракция большевиков не может успокоиться и все-таки производит вербовку Красной гвардии. Набралось около сотни. Избрали сотника Федорова; у некоторых нашлись ружья, револьверы. Красная гвардия начинает нести на заводе дежурство.

Обострение среди большевиков и меньшевиков растет все больше и больше, но большевики имеют за собой твердую опору — «столовку», куда все чаще и чаще наведываются наши товарищи, поддерживая связь. Связывающим звеном были товарищи Балакин и Шергин.

Накануне разрыва между революционным комитетом и комитетом общественной безопасности в заводе было спокойно, и только фракция большевиков мобилизовала свои силы и усилила связь со «столовкой».

Утром 26 октября все мосты были заняты белыми, и рабочих, живущих по ту сторону реки, не пропускали, а поэтому работать вышла только часть, но и ей не пришлось работать. Ограничились только тем, что информировали рабочих о положении дел, о прекращении работы и пригласили желающих записаться в Красную гвардию.

Запись была оживленная: все поняли положение и с полным сознанием шли на революционное дело.

Главным организатором была, конечно, фракция большевиков с завкомом, который уже состоял в большинстве своем из сочувствующих большевикам.

Красногвардейцев набралось большое количество, и встал вопрос, где же взять вооружение? При заводе нет, посылаем в район, но и там оружия нехватает, в особенности недостает патронов, а ребята рвутся в бой.

Итак, десяток за десятком отправляются товарищи в район, и только часть остается при заводе для связи с районом (телефонная связь тогда была прервана), охраны завода и места от Каменного до Москворецкого моста и Болотной площади.

В заводе организовался свой небольшой штаб, задачей которого являлась запись красногвардейцев из рабочих, организация питательного пункта и отдыха для ребят, вернувшихся с дежурства.

Выход из завода был через заднюю калитку, а штаб в помещении мастерских, в «снеготаялке» (бывшее помещение больничной кассы, подле завкома, где до революции происходили нелегальные собрания; название свое оно получило от того, что оно очень мало и во время собраний в нем было очень жарко), что было крайне скверно, ибо белые заметили движение вооруженных и открыли пулеметную пальбу по двору. Пришлось перейти в другое помещение, куда проход был менее опасен.

«Товарищи! Район требует автомобиль», — сказал пришедший товарищ, — но как ему выехать? В главные ворота на Софийскую набережную невозможно: белые поймают на

мушку, в задние — завален проезд. — «Давай, ребята, очищать проезд!»—«Давай!»—живо откликнулись товарищи, и дружно принялись оттаскивать бревна и старое железо. Но и тут нас в покое не оставили: заметили. Что-то со свистом пролетело над нашими головами — не то снаряд, не то граната. Движением воздуха откинуло несколько товарищей в сторону. «Ишь, черти», — послышалось роптание, но работа не прерывалась: там ждут автомобиль для раненых. Вторично

Завод бывший Густав Лист, теперь Красный факел.

над головами что-то прошипело. Тут уже, кое-как разобрав проезд, кончили свою работу, не раздражая своих противников. «Ну, пробуй, пройдет». Автомобиль прошел. Все облегченно вздохнули и пошли в свой штаб. «Требуют в район на рытье окопов несколько человек, со своими инструментами», — говорит дежурный по связи. Моментально набираем товарищей, из заводского склада берем пожарный инструмент и отправляем для рытья окопов.

А вот и автомобиль вернулся после работы и привез продуктов. Ребята обрадовались: целый день не ели, да и холодно, а теперь можно погреться чайком с хлебом.

Ночью через каждые два часа идет проверка постов, через другие два часа — смена, посылаются по району дозоры и т. д.

Вот кто-то стучится в калитку «Кто?» — окликает часовой. — «Свой». — «Пароль!?» За воротами говорят пароль, и в калитку входят пришедшие со смены товарищи. Живо рассказывают о своих приключениях, подшучивая то над одним, то над другим новичком, примкнувшим к ним по дороге в район, получившим винтовки и не умеющим обращаться с ними.

«А ну, ребята, давай, пока время есть, подучимся». И ребята внимательно слушают объяснения старого солдата, т. Федорова (сотника нашей гвардии). Но усталость долго не дает заниматься: ребят, согревшихся чаем, тянет ко сну — целую ночь не спали. Они кончают занятия, постилают на пол рогожки, ложатся спать и быстро задают храпока. А в углу за столом слышится тихий говор: «Послали нас к Крымскому мосту подстерегать белых, вот мы легли за камни и спокойно дожидаемся, ведь им-то нас не видать, а мы-то их сразу увидим», — бойко рассказывает молодой товарищ, доказывая какую они удобную позицию заняли, но после возражений т. Федорова, объяснившего невыгодность этой позиции, так как пуля скорей может убить рикошетом, товарищ остановился и задумался.

Было серьезное положение: вооружение у нас было разнообразное: у кого винтовка русская, у кого японская, у кого итальянская, французская, а то и берданка. Товарищи необученные; некоторые в первый раз берущие в руки винтовку. Враг хорошо вооружен, хорошо обучен, и вот в такой обстановке нужно вести борьбу. Но здоровый дух все поборол.

Из Кремля враг зорко следит, что мы делаем, они видят пред собой ворота с кузнецом и литейщиком, а во дворе вооруженных то туда, то сюда идущих людей — и посылают град пуль. Но ребята не дураки: они пробегают к выходу в одиночку по стенкам.

Кто же были участниками борьбы? Из рабочих — главные организаторы из партии большевиков и завкома в лице Шергина, Федорова, Карандасова, Широкова, Трофимова и остальных: Евдокимова, Смирнова, Черепкова В., Палачева, Гусарова, Бизюкова, Афанасьева, Киселева, Лапшина, Горюшкина, Соцкова, Амелина, Алискина, Киселева, Сахарова, Кузелева, Беляева, Зенина В. И., Раборова, Танина, Гаврикова, Абрамовича, Губернского, Ширенкова, Шустрова, Лисичкина, Юдина и многих других, которых не могли вспо-

мнить, а также и тех, которые попали в другие районы, как-то: в Лефортово и др. и у нас не значились; большинство из них беспартийные.

Но вот борьба окончилась, белые сдались. Стали мы подсчитывать свои жертвы, оказывается, их немного: Афанасьев убит на Пречистенке, Соцков убит рядом с заводом, на банном дворе, небольшая часть ранена.

Вновь заработал завод. Стали помаленьку стекаться рабочие из деревень. Казалось бы, пора успокоиться, но наша Красная гвардия не разоружена, она несет дежурства по району (банки, арсенал и т. д.).

Еще серьезнее принялись рабочие и завком за работу. Власть взята в руки трудящихся, а хозяева еще здесь; нужен контроль над производством и т. д., и рабочие зорко следят за всем через своих представителей.

В начале декабря отправляются в отряд товарища Пана и наши красногвардейцы, во главе с сотником т. Федоровым в Гомель, а затем с т. Чехолиным под командой Сычева. Из них не вернулись: Лапшев, Алискин, которые были убиты, и были ранены т. Федоров и Сахаров.

В январе на демонстрации Красная гвардия завода теряет одного из лучших товарищей — т. Евдокимова, убитого на Моховой. Тов. Евдокимов был одним из первых организаторов союза рабочей молодежи, был в завкоме, происходил из бедной семьи; на заводе работал учеником. Еще серьезнее стали относиться к делу красногвардейцы, видя, что враг еще не успокоился.

Многих участников великих дней теперь нет. Они пали смертью героев, защищающих брошенный в Октябрьские дни лозунг: «Вся власть советам» и славно закончили свой жизненный путь, но смерть их даром не прошла. На крови рабочих советская власть, власть трудящихся, окрепла и прожила десять лет, а оставшиеся в живых не забудут их заслуги.

Ф. ЧИГАРКОВ и А. РОГИНСКИЙ.

Варшавский арматурный завод.

Варшавский арматурный завод был эвакуирован из Варшавы в Москву в 1915 году, вместе с польскими рабочими и техническим персоналом.

Большевиков на этом заводе не было, были исключительно меньшевики. В дальнейшем положение стало изме-

няться в пользу большевиков. К концу 1916 года стали вливаться в завод новые рабочие, в том числе от 4-5 человек большевиков, из них Амосов, Пивоваров, Кучерков, Чигарков и другие. При наличии этой группы с октября месяца 1916 года началась активная партийная работа большевиков.

Была налажена связь и с другими заводами и фабриками района.

Постепенно расширяя и углубляя свою работу, наша группа уже к Февральской революции имела значительное влияние на рабочие массы завода за счет уменьшения влияния меньшевиков и эсеров.

Из наиболее показательных революционных актов рабочих нашего завода до Февральской революции были три забастовки, из коих две имели чисто экономический характер и проведены были нами частично с успехом для рабочих, а третья носила чисто политический характер, как забастовка протеста против арестов рабочих в Петрограде. Причем эта забастовка сопровождалась уличным выступлением значительной части рабочих.

К моменту Февральской революции наше влияние на рабочую массу было настолько велико, что с получением первых вестей о событиях в Петрограде мы без особого усилия сорганизовали открытое выступление нашего завода, несмотря на сопротивление администрации и группы колеблющихся.

Очередной задачей, вставшей перед нашей большевистской группой, значительно выросшей после Февральской революции, было сплочение рабочих нашего завода вокруг программы, лозунгов и принципов, которые выдвинуты были тогда нашей партией. На основе этого развернулась горячая борьба за отвоевание рабочих масс из-под влияния всяких мнимых защитников пролетариата, которых в наших рядах было достаточно.

Борьба началась с первого легального собрания рабочих нашего завода при выборах депутатов в Московский совет (взамен тех, которые были выбраны и посланы исключительно группой меньшевиков на второй день революции) и в завком.

К сожалению, на первом выборном собрании оказались почти полными победителями меньшевики: мы получили в завкоме несколько мест. Однако это не ослабило нашей энергии. И нам в скором времени удалось при дружной поддержке всех рабочих добиться удаления с фабрики директора и мастера, отличавшихся своей нетерпимостью.

В дальнейшем перед большевистской фракцией завкома стала трудная задача справиться с выплывавшими на очередь дня все новыми и новыми вопросами: обеспечение работы, добыча сырья и топлива, а также и работа по политическому просвещению масс. Разногласия, происходившие в завкоме по всевозможным вопросам с меньшевиками, крайне тормозили эту работу. Нам стало ясно, что, только завоевав полностью завком, мы сможем успешно справиться со стоявшими перед нами задачами. А раньше, чем завсевать завком, нужно завоевать рабочих. В это время стали сильно развиваться и распространять свое влияние на польских рабочих ППС (правые), во главе с заводским лидером — Червинским. С другой стороны, развернули работу меньшевики и эсеры, так что большевистской группе завода пришлось разделиться на так называемые национальные секции. Решено было поручить т. Чигаркову заняться рабочими русскими, а т. Рогинскому А. наладить связь с Польбюро СДП и Л и начать работать среди польских рабочих. С этого времени мы часто стали собирать рабочих, устраивать лекции на польском и русском языках. Организовали при завкоме библиотеку.

Так как первые выборы были для нас неудачны, то группой большевиков был выдвинут вопрос о новых перевыборах. Началась агитация за переизбрание депутатов в Московский совет и завком. В результате непродолжительного пребывания меньшевиков в завкоме были произведены новые перевыборы, давшие исключительную победу большевикам.

За победой при выборах в завком в непродолжительном времени последовала и победа при выборах в Московский и районный советы.

После завоевания рабочих и завкома стали учащаться трения во взаимоотношениях между завкомом и администрацией. Последняя стремилась к частичному сокращению рабочих, мотивируя это отсутствием сырья и топлива. Завком же упорно протестовал и выдвигал предложение взять на себя обязанность снабжения сырьем и топливом завода. Администрация согласилась с предложением, имея в виду, что завком с этой операцией не справится. Для этой работы завкомом был выдвинут т. Чигарков, которому было поручено, во что бы то ни стало, добыть заводу сырье и топливо. Вопреки надеждам администрации, завком с этой задачей справился, завод был в достаточном количестве обеспечен сырьем и топливом. Был также разрешен вопрос и с своевременной выплатой зарплаты.

Июльские события в Петрограде нашли горячий отклик среди рабочей массы и, несмотря на агитацию меньшевиков, наш завод вместе с другими предприятиями района принял участие в состоящейся по этому поводу демонстрации.

После июльских событий назрел вопрос о всеобщем вооружении рабочих. Была дана директива вести агитацию среди рабочих за всеобщее вооружение. Агитация проходила удачно, ждали только призыва. И вот, не помним какого числа было дано райкомом распоряжение, чтобы от нашего завода была выделена группа более активная и направилась в Московский совет. Была выделена группа в количестве 11—15 человек, которая и направилась в Московский совет. Попали как раз на заседание исполкома. Председательствовал Хинчук. Собравшись рядом в зале исполкома, мы шумно стали требовать, чтобы нас пропустили на заседание исполкома. Часть товарищей прошла, но Хинчук, видя, что рабочих приходит все больше и больше, решил послать к нам Юсуфа для переговоров. Это тот Юсуф, который больше всех балагурил в Московском совете.

Когда мы собрались в зале смежной с заседанием исполкома, то стали предлагать выбрать председателя на данное собрание. Кто-то из собравшихся предложил Юсуфа, мы начали протестовать. На шум вышел Ногин и еще кто-то из большевиков. Увидя Ногина, мы стали требовать, чтобы председательствовал т. Ногин. Меньшевики, находящиеся здесь, протестовали. Началось голосование, подавляющим большинством прошел Ногин.

Мы не будем точно описывать все, что происходило на данном собрании, но факт тот, что мы на другой день стали у себя в завкоме делать пирамиды для винтовок. К сожалению, винтовок нам не дали, а дали берданки. С этого момента рабочие окончательно перестали слушать меньшевиков.

В день открытия Московского совещания наш завод, в знак протеста, бастовал. Рабочие в общей массе в центр, как мне помнится, не ходили, а отдельные группы вливались в обывательские летучие митинги и агитировали.

Сейчас же после демократического совещания, завод получил около 15 штук берданок. Располагая этим количеством оружия, стали обучать военному делу беспартийных рабочих. Обучение производилось во дворе завода. Стрельбище представляла литейная нашего завода. Все партийные рабочие ходили на военную подготовку в Замрайком на Серпуховку.

Однажды был такой эпизод. Взаимоотношения между администрацией осложнялись. Последняя хотела часть ра-

бочих сократить. Созвано было объединенное заседание администрации с завкомом. На основании часто происходивших трений директор завода вынужден был уйти. Вместо него завком согласился назначить работавшего до этого техника Гурского. На этом заседании завком поставил вопрос, чтобы ни один рабочий без ведома и согласия завкома не был сокращен. Директор Гурский убеждал нас, что мы все права от них отняли и это последнее хотим отнять.

Большинством голосов принято было предложение завкома.

Несмотря на постановление завкома через некоторое время группа рабочих все же была сокращена. От директора потребовали объяснений. Последний заявил, что сокращения потребовал представитель хозяина завода, флотский полковник Киселев.

Созвано было общее собрание рабочих и послали делегата за полковником для дачи объяснения по поводу сокращения. Делегат наш вернулся и заявил, что полковник не считает нужным объясняться по данному вопросу на собрании рабочих. Такое вызывающее поведение полковника нас возмутило. Тут же было решено завкомом привести полковника под караулом наших красногвардейцев. Посланные красногвардейцы под ружьями привели полковника, и последний, сильно волнуясь, объяснил рабочим причину сокращения и дал обещание не сокращать больше никого.

В дальнейшем мы вплотную подошли к вопросу о необходимости во что бы то ни стало вооружиться.

На заседании завкома был поставлен вопрос об использовании имеющихся на нашем заводе гранат. Сам завком, без ведома администрации, по многим причинам, взять гранаты не мог, и пришлось вызвать на заседание завкома директора Гурского.

Ему заявили, чтобы он выдал в распоряжение завкома 3 000 штук гранат.

Гурский на это требование ответил: «Господа, возражать я бессилен, берите, но я об этом не знаю»...

3 000 штук гранат были в нашем распоряжении. Идея у нас была такая: начинить гранаты взрывчатым веществом, чтобы изготовить бомбы. Имевшуюся заводскую машину пересборудовать в броневик и в случае схватки с белыми — врезаться броневиком в их среду и швырять бомбами в белых.

По приобретении химических взрывчатых веществ, мы начали вести переговоры с заводским комитетом завода Михельсон. Что из нашей идеи получилось бы в дальнейшем —

не знаем. Октябрьские события нарастали, и идею свою мы осуществили лишь наполовину.

25 октября утром нам было сообщено из района — быть готовыми. Для обсуждения этого сейчас же было созвано закрытое заседание завкома, на котором было постановлено переименовать завком в Революционный комитет Варшавского арматурного завода и был выделен штаб для непосредственного руководства операциями отряда Красной гвардии. Красногвардейцам было дано распоряжение после обеденного перерыва на работу не являться, а использовать это время на подготовку и к 5 часам вечера быть на своих местах. Все это было сделано без огласки. Но суета наших гвардейцев и озабоченная беготня членов ревкома обращали на себя внимание рабочих и служащих завода. После обеденного перерыва, очевидно, многие рабочие уже знали, что что-то готовится на заводе, чего-то ждут, но что именно, никто не знал. Это было заметно по той тишине, которая, как перед бурей, наступила среди рабочих завода. Те споры и дискуссии, которые происходили ежедневно, замолкли, разговаривали шопотом. Располагали мы отрядом вооруженных людей берданками от 40 до 50 человек. В два раза больше этого числа числилось у нас в списках людей, не имеющих оружия. К 3 часам дня к нам в ревком стали приходить единичные рабочие и группами в два-три человека записываться в отряд Красной гвардии. Приблизительно к 6 часам вечера наши наблюдатели донесли в штаб, что со стороны Остоженки, из переулка, ведущего к набережной Москвареки, вышла группа вооруженных юнкеров и двигается по набережной. Отряд наш, под командой бывшего унтер-офицера (рабочий нашего завода), занял боевую позицию с правой стороны Крымского моста от Калужской площади. Лежащие у моста кучи мелких кирпичей были хорошим прикрытием нашему отряду. Рассыпавшись цепью по ним, отряд принял боевую, но выжидательную позицию. Однако юнкера вернулись обратно. Что же касается дальнейших боевых действий нашего отряда, то приказано было пока удерживать Крымский мост. Так что стратегически штаб и отряд нашего завода, расположенные у Крымского моста, представляли в этот момент передовую боевую линию на левом фланге Замоскворецкого района. В этот же день, поздно вечером, вооруженные юнкера на грузовике делали попытку или занять Крымский мост или пробраться в Замоскворецкий район (скорее первое), но были обстреляны нашим отрядом и вернулись. Эта стычка была первым боевым крещением нашего отряда, и сравнительно легкая победа над юнкерами обо-

дрила как наших красногвардейцев, так и штаб. На совещании нашего штаба было решено, без ведома и согласия районного штаба, своими силами занять Большой Каменный мост и тем преподнести сюрприз районному штабу. Правда, из наиболее знающих военное искусство (бывший унтер-офицер) помощник командира нашего отряда возражал против этой затеи, но инициатор этой затеи, командир нашего отряда т. Качинский, обозвав его трусом, взял эту операцию на себя. Штаб не возражал. Результат этой операции был таков, что несколько наших красногвардейцев с командиром Качинским попали в плен к юнкерам и находились в Кремле до победы над юнкерами.

Следующий день 26 октября прошел для нашего отряда сравнительно спокойно. На Крымском мосту у нас была главная охрана. За Крымским мостом с трех сторон выставлены были сторожевые посты. Разведка работала впереди, в заводе же были резервы. Всякое движение по мосту было прекращено.

Ночью на второй день было опять решено, без согласия и ведома районного штаба, отправиться на Большой Каменный мост, снять юнкеров и занять его в отместку за наших товарищей, попавших к ним в плен. Небольшой отряд, человек 20, под командной т. А. Рогинского, отправился туда со стороны Малого Каменного моста, имея впереди разведку из двух человек и дозор из трех человек. Невдалеке от Малого Каменного моста, разведчики донесли, что навстречу нам двигаются какие то штатские люди. Был отдан приказ привести их к командиру отряда для допроса. Задержанные люди были без оружия, в штатском, и выдавали себя за рабочих. Их внешний вид и военная выправка внушали подозрение и, по распоряжению командира отряда, они отправлены были под охраной в районный штаб. Вблизи моста дозором был захвачен военный, по погонам нижний чин автоотряда. На вопрос, какой части, он ответил, что из роты мотоциклистов, помещающейся на электростанции городской железной дороги. Командиру отряда было известно, что названная рота на стороне большевиков. Командир, приняв задержанного за своего, спросил: «Где белые»? — «Так и скажите, что вы ищете белых», ответил военный, «я тоже их ищу и являюсь разведчиком красных, находящихся на электростанции; а что касается белых, то они здесь ежечасно проезжают вооруженные на грузовиках». Тогда командир отряда с задержанным военным условился сделать юнкерам засаду, которая должна была состоять в том, что когда белые въедут на Малый Каменный мост, окружить их с двух сторон и за-

брать в плен. Инициатива (довольно наивная) со стороны командира отряда ставила целью, не пугая юнкеров, захватить их в плен и тем раздобыть сидящим товарищам без оружия в заводе оружие. Наш отряд был расположен с правой стороны моста по обеим сторонам в Канаве. Левая же сторона моста считалась обеспеченной отрядом, от имени которого был послан незнакомый военный. Командир нашего отряда, укрывшись за каменную тумбу у моста, приказал до подачи команды не стрелять. И действительно, через некоторое время после удалившегося военного послышался грохот автомобилей. Вооруженные юнкера, студенты и чиновники на двух грузовиках въехали на мост. Командир, сидящий за тумбой у моста, крикнул: «Стой! Стой!» Но юнкера, не обращая внимания на крик, разделенному отряду зашли в тыл с правого и левого фланга и открыли частый огонь. Наш отряд открыл ответный огонь по белым. Стрельба продолжалась несколько минут. Грузовики с белыми стали приближаться к Канаве. Красногвардейцы с правой и левой стороны канавы реки Яузы опустились вниз и разбежались. Два красногвардейца и командир, находящиеся у самого моста, бежать не успели и скрылись под мост. Белые с грузовика, осмотрев площадь у моста, направились вверх по Якиманке. Первые прибывшие красногвардейцы в заводской штаб донесли, что несколько красногвардейцев и командир убиты, но, к счастью, все вернулись благополучно. Этот случай мы районному штабу не донесли. В дальнейшем мы всякие эксперименты над Каменным мостом оставили. Что касается какого-нибудь определенного руководства со стороны районного штаба или снабжения нас оружием, мы не имели. Желающих же вступить в отряд в первые дни борьбы было еще больше. Даже рабочие, состоявшие рядовыми членами партии меньшевиков и ППС, вступили к нам в отряд, но как тех, так и других мы не могли снабдить оружием, за неимением такового.

На второй или на третий день (не помним) разведка донесла, что стреляют из лицея (теперешний институт Красной профессуры). В штабе нашего завода решили взять лицей. Не зная, какие силы белых находятся в здании лицея, но предполагая, что там спрятались лицеисты и обстреливают мост, был выслан отряд из 8—10 человек под командой т. А. Рогинского. Началась атака в парадные двери лицея. Двери оказались запертыми. Отряд прикладами винтовок стал ломать дверь. На стук прикладов вышел испуганный швейцар и дверь открыл. На вопрос: «Где у вас белые?», он указал наверх. Красногвардейцы, поднявшись наверх

встретили одного из студентов лицея. На вопрос, где у вас здесь находятся спрятанные студенты, он ответил: «Студентов, кроме меня одного, здесь нет, но в нашем здании помещается школа офицеров, и они находятся в столовой» и указал вправо, на дверь. С винтовками на перевес, красногвардейцы открыли дверь и крикнули: «Руки вверх». Ошеломленные офицеры, увидев мазанных красногвардейцев с дулами винтовок, направленными на них, подняли руки. Командир отряда крикнул: «Сдавайте оружие». Офицеры стали сдавать оружие, выкладывая его на большой обеденный стол. Когда офицеры стали вынимать оружие, то как красногвардейцам, так и командиру стало жутко. Офицеров было от 30 до 40 человек и все они были вооружены револьверами. Но делать было нечего, просить помощи в этот момент было совершенно невозможно. Нужно было действовать быстро и, так сказать, нахрапом. Весь отряд красногвардейцев находился налицо перед офицерами на втором этаже в их столовой. Никого абсолютно из красногвардейцев в комнатах за столовой, в которой были офицеры, не было. Становилось опасно, как бы офицеры, узнав об этом, не прихлопнули всех. Для маскировки были поставлены два красногвардейца в узком коридоре, ведшим в столовую, и никто из офицеров в остальную часть здания не пропускался. С офицерами в лицее отряд очень долго возился, и начальник нашего штаба т. Шагин, обеспокоенный судьбой первого отряда, послал на выручку второй отряд из 8 человек под командой т. Гробельного. По прибытии второго отряда были заняты все выходы и входы, и лицей был в наших руках. Снеслись с нашим штабом и районным. Последний дал распоряжение, офицеров обезоружив отпустить, оружие же и директора лицея — генерала препроводить в районный штаб.

После взятия лицея отрезок от Крымского моста до Крымской площади был свободен. Продвинуть свои посты на него нашему штабу, с военной точки зрения, было невозможно, ибо, по донесению нашей разведки, юнкера из продмага, находящегося на Крымской площади, под вооруженной охраной людей, на двух грузовиках часто вывозят продовольствие. А те вооруженные силы, которыми мы располагали, были совсем ничтожны против юнкеров. Об этом мы донесли районному штабу и просили дать подкрепление нашему отряду занять продмаг. Штаб нам ответил, что пока что он не располагает людьми для этой операции. Нашему штабу стало досадно, что юнкера прямо, что называется, из-под носа вывозят продукты, а наши красногвардейцы дерутся полуголодными, и мы ничего не можем сделать.

Через день, или два, получив сведения о том, что в казармах 193-го Хамовнического полка находятся солдаты, сочувственно к нам настроенные, мы решили послать представителя для переговоров о совместных действиях с полковым комитетом 193-го Хамовнического полка. Наши представители принесли нам неожиданно радостную весть. Полковой комитет согласился помочь нашему отряду забрать продмаг от юнкеров. Наблюдатели донесли, что белые приезжают за продуктами тремя грузовиками, два из которых, с вооруженными людьми до 50 человек, сопровождающие спереди и сзади грузовик с продуктами. Все это нами было донесено в 193-й полк и было условлено, когда грузовики прибудут с белыми за продуктами, сообщить.

Ночью (какого числа, не помним), наш наблюдательный пост донес в штаб, что белые прибыли в продмаг. Сейчас же об этом было сообщено в 193-й полк. Последний предложил привести наш отряд в боевую готовность и ждать солдат на Крымской площади. Наш отряд под командой т. А. Рогинского, заняв временную позицию на Крымской площади, поджидал подкрепления. В непродолжительном времени гуськом со стороны Хамовников к Крымской площади двигались солдаты. Их было от 120 до 150 человек. Всего с нашим отрядом насчитывалось от 140 до 170 человек. Так что наши силы превышали юнкеров приблизительно в три раза. Располагая такой силой, мы не сомневались в победе над белыми. Отряд солдат 193-го полка прибыл под командой подпрапорщика. Командир нашего красногвардейского отряда доложил подпрапорщику обстановку боевого участка и предложил, если можно, захватить юнкеров в плен, мотивируя это все тем же отсутствием оружия у отряда, находящегося на заводе. Подпрапорщик согласился с предложением и изложил план боевых позиций объединенных отрядов. План этот был следующий. Имеющиеся вооруженные силы разбиваются на три группы, из коих одна, первая, должна быть расположена вдоль Зубовского бульвара, захватывая левым флангом начало здания продмага, правым опираясь в Крымскую площадь. Вторая группа занимает центр на самой Крымской площади и третья по Остоженке, опираясь левым флангом в Крымскую площадь, правым захватывая конец здания продмага, выходящего на Остоженку. Имеющийся отряд красногвардейцев разбивается тоже на три группы и занимает те же позиции, что и солдаты. Огонь по юнкерам должен был быть открыт после свистка подпрапорщика. Позиции были во тьме заняты. На боевом участке наступило гробовое

молчание... Белые очень долго сидели в продмаге и не выезжали. Наконец, была поднята команда: «Машина вперед». Раздался грохот мотора одного, а затем следующих. Первый вооруженный грузовик белых, выезжая со двора продмага на улицу, открыл бешеную стрельбу. Раздался сигнал свистка. Открылась ружейная канонада красных по белым. Шофер, ведший грузовик белых, был очень смел. Склонивши на левое плечо голову ниже руля, через всю ружейную канонаду, мчался с грузовиком к Остоженке. Въехав на Крымскую площадь, он попал под перекрестный огонь с трех сторон. Правда, в этот момент наши две группы, расположенные одна на Крымской площади, другая на Остоженке, стреляли друг в друга. Но, к счастью, жертв не было. Когда грузовик повернул на Остоженку, у белых из грузовика только штыки от винтовок торчали вверх, но выстрела ни одного не было. Один грузовик, благодаря отчаянному шоферу, сбежал. Остальные белые, испугавшись сильного огня, сдались в плен. Цель наша была достигнута. Наш отряд получил все оружие пленных юнкеров. Тут же был выделен караул из отряда солдат для охраны продмага. Наши красногвардейцы кроме оружия притащили из продмага в завод и «шамовку». Весь отряд наш торжествовал победу. Сообщено было в районный штаб.

С этой победы жизнь нашего отряда заметно оживилась. Было что покушать, и винтовочки, как куколки чистенькие, получили с патронами. В дальнейшем нас снабжал патронами и оружием 193-й полк. Несколько солдат этого полка присоединились к нашему отряду. В момент занятия Остоженки и приближения к штабу юнкеров, наш отряд располагал в достаточном количестве как оружием, так и патронами, и количеством был свыше 100 хорошо вооруженных человек. Располагая таким отрядом, наш штаб предложил районному штабу использовать наших людей или дать нам определенное задание. Самостоятельного задания наш отряд не получил. Районный штаб предложил влиться в общий отряд Замоскворецкого района. Так что красногвардейцы нашего отряда, имея широкое поле деятельности, разбрелись по всем боевым участкам Хамовнического и Замоскворецкого района. С тех пор наш отряд, как самостоятельная единица, под непосредственным руководством нашего штаба, боевых выступлений не производил. Крымский мост охранялся нашим отрядом от начала до конца. К концу поражения юнкеров наш завод представлял пристанище и питательный пункт вооруженным красногвардейцам всего Замоскворецкого района. Помещение завода не совсем было для этого подходящим и

штаб наш решил реквизировать чайную на Крымском валу. По получении бумажки из района, чайная нами была реквизирована со всеми имеющимися там пожитками. В одном помещении была разостлана солома, и уставшие, измученные красногвардейцы могли, предварительно закусив и попив чаю, отдыхать. Продовольствием в это время район нас снабжал в достаточном количестве, так что приспособились недурно, можно было выдержать еще несколько дней боя с юнкерами. Но в то время, когда мы более приспособились к боевой обстановке, белые не выдержали и сдались. Выстроясь победоносно в шеренги с освобожденными из Кремля товарищами, мы праздновали победу.

Ф. СМИРНОВ.

Завод „Поставщик“ в Октябре 1917 г.

Основным производством завода «Поставщик» было изготовление военного снаряжения для армии; число рабочих, занятых в этом производстве в 1917 году (на двух заводах), достигло 7 000 человек.

С момента Февральской революции главенствующая роль в руководстве рабочими организациями принадлежала меньшевикам и левым эсерам, которые прошли в завком и другие рабочие организации.

Ячейка РКП (б) организовалась 18 мая 1917 г., в количестве около 15 человек, в которую вошли товарищи Кандрашев, Новиков, Бородин, Васин и др.

Меньшевики и эсеры тянули за собой рабочие массы, и рабочие шли за ними. Одним из видных лидеров меньшевиков был некто Трифонов (ныне член ВКП (б).

В период июльских дней в Ленинграде рабочие нашего завода поняли, куда их ведут меньшевики. Это был первый переломный период, когда рабочие «Поставщика» повернули свои спины меньшевикам и пошли за большевиками.

В это время на заводе состоялось общее собрание рабочих завода, где выступил меньшевик Трифонов с предложением поддержать заем свободы. Рабочие же вынесли свое постановление: «Провалить заем, отозвать Трифонова из членов Моссовета, так как он уже больше не отражает рабочих интересов».

Во время корниловского переворота, рабочие под руководством ячейки РКП (б) организовали три десятка Красной гвардии, которыми руководил т. Леваков (умерший).

После июльских дней рабочие кожевники завода «Поставщик» объявили забастовку. Забастовкой руководили большевики: товарищи Бородин, Кондрашов и др. Забастовщики выставляли несколько требований как политического, так и экономического характера, как, например: «Прием и увольнение рабочих завода должно проходить через завком», и ряд других требований. Забастовка протекала организованно, благодаря чему требования рабочих были удовлетворены. С этого момента рабочие окончательно перешли на сторону большевиков.

За месяц до Октябрьского переворота был организован красногвардейский отряд из 60 человек, в котором проводилось военное обучение. Все шло хорошо, но чувствовался недостаток оружия, а потому собрали всевозможные револьверы, винтовки, берданки, охотничьи ружья и т. д. На заводе у нас была своя милиция, которая охраняла завод, и в нужные моменты приходилось у ней отбирать оружие и передавать обучавшимся красногвардейцам. Как только на заводе получили извещение, что скоро должно начаться выступление, у нас начались усиленные поиски оружия. С этой целью был произведен обыск у директора завода Поленова, у которого т. Бородиным было отобрано два револьвера и какое-то ружье.

Тут же нами был организован небольшой лазарет на 10 человек, в организации которого принимала активное участие т. А. Родионова, впоследствии работавшая красной сестрой.

Накануне восстания, вечером, Красная гвардия нашего завода получила приказ: «Прибыть в штаб». Из штаба два десятка нашего отряда были посланы в бой к Крымскому мосту, который и был взят. Днем созвали общее собрание, на котором было объявлено, что юнкерами, занявшими Кремль, расстреляны несколько человек из наших товарищей, и что вооруженное восстание уже началось. Собрание единогласно постановило объявить всеобщую забастовку с целью борьбы с Временным правительством.

В завкоме из большевиков был организован революционный комитет, который сделался хозяином завода. Немедленно были приняты меры к охране завода, установили связь с союзом кожевников. Начались бои.

В лазарете лежало несколько раненых рабочих и один офицер, который беспрестанно выражал свое неудовольствие по поводу большевиков.

На протяжении всех боев в Октябре наш отряд принимал активное участие в боях на Остоженке, Крымском мосту и Верхних Котлах. После октябрьских боев наш отряд в полном составе остался при заводе и использывался районным комитетом для охраны Замоскворечья, банков, для подавления восстаний, направлялся в города: Коломну, Данков, Гжатск, где приходилось восстанавливать порядок, выдерживая бои с контрреволюционерами.

После сокращения на заводе в отряде осталось человек 40, которых обмундировали в полную военную форму за счет завкома, была дана дополнительная 2-недельная военная подготовка, после чего часть ребят была отправлена на германский фронт вместе с т. Паном, где было убито 6 человек из наших товарищей. Остальная часть отряда была направлена на восточный фронт, вместе со своим пулеметом, который с октябрьских боев находился при нашем заводе «Поставщик».

ОЗЕРОВ.

Центральная трамвайная электрическая станция.

1915-16 гг. в жизни станции были богаты забастовками, стачками и протестами. Нас, большевиков, в то время было трое — это тт. Кулюкин, Витковский и я. В 1915 г. был ряд протестов против назначения Горемыкина, требование об увольнении мастеров Викитина и Конькова (удовлетворено) и целый ряд экономических забастовок, некоторые из них частично были удовлетворены. Но из всех экономических забастовок наиболее важной в 1915 г. была всеобщая совместно с трамвайными парками, которая была сорвана одним из делегатов, что повлекло за собой арест всех участников в количестве 24 человек. Все они были преданы военному суду. 1916 год был еще более богат волнениями: бастовали зачастую из-за мелочей, но большинство требований удовлетворялось. Помимо забастовок было много собраний совместно с меньшевиками и эсерами в Орловой и Зыковой роще, где горячо спорили об отношении к войне и необходимости смены правительства на демократическое.

После февраля я и т. Витковский были направлены в Московский совет, председателем которого был Хинчук (в то время меньшевик). На выборах в Городскую управу прошел Руднев (эсер). Как видно, большинство было за меньшеви-

ков и эсеров. Но, помимо этих официальных учреждений, самостоятельно образовались районные думы. В Моссовете, думе и управе и на улице стали все сильнее и сильнее сказываться противоречия между большевиками и другими партиями. Эти противоречия с большей ясностью выявились в июльские дни, когда не обошлось без частичных столкновений. Мы и вообще рабочие всей Москвы со знаменами и плакатами направились к Моссовету с лозунгами: «Долой временное

Центральная трамвайная электрическая станция.

правительство» и «Вся власть Советам». Когда возвращались по Газетному переулку, то два офицера пытались отобрать у нас знамя с вышеупомянутыми лозунгами, но дула наших двух револьверов заставили их отказаться от своей попытки.

Следующий период относится к августу, когда большевики стали во главе Моссовета. Хинчук покинул свой пост и на его место был избран т. Ногин.

Накануне Октябрьского восстания было фракционное собрание членов районных дум в Нардоме на Сухаревской площади, на котором было сообщено о начале восстания. После собрания т. Витковский направился в Моссовет за

оружием, а я на станцию, где немедленно было созвано заседание завкома.

Кремль в это время был занят юнкерами, которые в эту ночь пытались занять станцию, но были отбиты, несмотря на то, что из оружия у нас было 4 паршивых револьвера и две совершенно сломанные винтовки. На вторую ночь юнкера снова пытались занять станцию. Подъехали на автомобилях, но снова были отбиты. Восстание разрасталось. Мы нуждались в мотоцикле для связи с Крымским мостом и районным штабом. Нас выручили солдаты автомобильной роты, стоявшей на фабрике Эйнем, они сообщили, что в их гараже есть мотоциклы с колясками, но их не дают офицеры. Тов. Кулюкин командировал за ними Комаленкова, меня и других товарищей, но офицеры не выдали ключей. Тогда я концом газовой трубы сломал в их присутствии замок, и забрали несколько мотоциклов и 50 шт. наганов, которые обменяли в штабе на винтовки. Бой разгорался. Юнкера были оттеснены за Большой каменный мост, а у моста вырыли окопы. Юнкера занимали Кремль, Ленивку и площадь у храма Спасителя. В этот момент к нам пришла помощь из 55 полка во главе с прапорщиком (фамилии не помню). Во время перестрелки появился автомобиль со стороны юнкеров, у которого прошибли шину. Автомобиль стал и из него вышел генерал Брусилов, а автомобиль направился к нам и стал на мосту, так как сломал колесо. Этот автомобиль был нами взят и до сих пор находится на службе в МОГЭСе.

ВИНОГРАДОВ.

Воспоминания об Октябре 1917 года.

Начало политической организации на трамвайной станции было положено тов. Смидовичем П. Г., который работал у нас на станции в качестве дежурного электромонтера на верхнем щите в период 1907/1908 г. Происшедший конфликт между тов. Смидовичем и заведующим машинным отделением Арнольдом Отто принудил тов. Смидовича оставить станцию и перейти работать на Миусскую подстанцию — в настоящее время Калининскую. Но рожденная им политическая организация, в виде небольшой группы рабочих, все время вела подпольную работу и донесла ее до великого Октября 1917 года.

Перед Февральской революцией в группу подпольщиков входили: тт. Озеров М. Е., Савурский С. В., Кулюкин, Витковский, Комаленков, Борзов Л. Е., Карпов И. П. и другие товарищи.

Все названные товарищи принадлежали к РСДРП, примыкая к большевикам. 1917 год застал организацию во всеоружии с вполне определенными большевистскими взглядами.

Как сейчас помню вечер 24 октября 1917 года по старому стилю (6 ноября по-новому) накануне объявления восстания. У нас в то время была организована боевая дружина Красной гвардии. Раздобыты были винтовки австрийского образца (после пленных солдат австрийцев) и были расставлены посты на всех входах и выходах со станции.

В 10 часов вечера пришла на помощь боевая дружина — рабочие с завода бывшего «Михельсон» во главе с товарищем Паном.

Трамвайной станции было дано задание защищать Большой каменный мост и не пропускать юнкеров, стремящихся прорваться в Замоскворечье.

По эту сторону моста около часовни были выкопаны окопы, которые на второй день были заняты солдатами 55 полка, стоящего в Гренадерских казармах (в настоящее время Чернышевских).

Мне, как бывшему председателю 55 полка, пришлось опять встретиться с моими товарищами по полку и принимать участие в расстановке постов.

На станции в то время был организован военный штаб, во главе которого стоял тов. Кулюкин и еще один матрос, фамилию которого не помню. На третий день боя стали попадаться пленные юнкера, в среде которых были и офицеры.

Пленных обыскивали в помещении комнаты, где сейчас помещается ячейка ВКП(б) предприятия, и отправляли в районный штаб, помещавшийся на Калужской площади.

При защите моста были раненые солдаты и был убит один рабочий из дружины завода «Михельсон». Раненым оказывалась помощь в амбулатории при станции, где был организован Красный крест. Был также организован при станции питательный пункт.

Во главе продовольственной организации стоял тов. Суханов, которому приходилось работать под обстрелом юнкеров.

Надо отдать должное всем работавшим тогда на станции товарищам, которые работали без смены по нескольку дней, благодаря чему работа станции во время боя не прекращалась ни на минуту.

РАСКОВ.

Из воспоминаний об Октябрьских днях 1917 г. (фабрика б. Котова).

В июне 1917 г. мне после ранения пришлось вернуться в Москву на суконную фабрику (б. Котова) Замоскворецкого района, откуда я был мобилизован на фронт еще во время империалистической войны. Было 25 октября. С грузом шерсти я возвращался с Симоновских складов обратно на фабрику. Въезжая в Замоскворецкий район я заметил какую-то необычную тишину по всему району: замолкли фабричные гудки, притихли фабричные моторы, но понять я ничего не мог. Въезжая на территорию своей фабрики, я увидел группы рабочих, по всей фабрике о чем-то оживленно беседовавших; тогда я спросил — в чем дело. На мой вопрос одна работница резко ответила, что в Москве революция. Тут я, не долго думая, бросаю свой нагруженный воз и отправляюсь в помещение фабричного комитета, где и встречаю членов фабкома, которые обсуждают вопрос об охране фабрики. Так как я только что вернулся с фронта, то меня фабком тут же взял на учет и попросил создать добровольный рабочий отряд по охране фабрики. В семь часов вечера охрана уже стояла на своих постах на территории фабрики и было доставлено несколько штук оружия. Революционные события тем временем развертывались полным ходом: в центре были слышны винтовочные залпы и треск пулеметов. Мы свой отряд поставили на военную ногу и связались с 55-м полком.

Как только послышались оружейные выстрелы, треск пулеметов в Москве, у нас на фабрике возник вопрос, где достать оружие. С этой целью наши товарищи, члены фабкома Виноградов, Филатов и Дубинин обратились в район, откуда было доставлено несколько штук винтовок и ручных гранат. Два револьвера т. Дубининым и мною были отобраны у бывшего нашего фабриканта Котова.

На третий день революции, я с т. Виноградовым познакомились с 55-м стрелковым полком, откуда также получили 40 штук винтовок, 2 ящика патрон. Две винтовки мы с Кружковым Б. отобрали в общежитии офицеров во 2-м Павловском пер. Этим оружием мы охраняли фабричный корпус с машинами и общежитие фабрики, а также прилегающий район. Все оружие хранилось частью в фабкоме, а частью у меня в комнате общежития, так как я обучал наш красногвардейский отряд, состоящий из 35—40 человек.

Нужно сказать, что главной заботой нашего фабричного комитета и вообще фабкомов других предприятий было сохранение фабрик, машин, станков и зданий. Рабочие чувствовали, что скоро будут хозяевами всех предприятий страны.

Что касается отношения рабочих к революции на нашей фабрике, то оно было таково: все желали победы революции, но были более слабые, которые не верили в нее. Однако

Отряд красногвардейцев фабрики быв. Котова, теперь им. Л. Д. Троцкого.

большинство твердо говорило, что победа должна быть на стороне рабочих отрядов, и как только кончилась стрельба на баррикадах и получилось сообщение, что победа оказалась на стороне рабочего класса, то и те рабочие, которые не верили в победу революции, так же торжествовали.

Кончились кровавые дни Октября, похоронили на Красной площади павших героев. Все рабочие как один пришли склонить свои траурные знамена над их могилами. Началась большая строительная работа: на фабриках и заводах загудели гудки, зашумели машины и моторы. Казалось, что опасность прошла, можно строить новое хозяйство на со-

циалистических началах. Но капиталистический мир на этом не успокоился, он начал создавать свои белогвардейские отряды, и советской власти для защиты от нового ига капитализма пришлось создать Красную гвардию. При нашей фабрике был также организован сначала добровольный рабочий отряд, из которого потом образовался красногвардейский отряд в количестве 35—40 человек. Этот отряд пришлось обучать владеть винтовкой. Обучение происходило своими силами, под руководством районного инструктора. Из нашего отряда некоторые добровольно отправились на фронт, а именно: Серов А., Кружков Ф., Смелов, Иванов, Герасимов, Давыдов, Клюйковы В. и И., и человек 20 было отправлено по мобилизации.

Что касается помощи Красной армии — нашими рабочими было сделано очень много, так, например, женщины были мобилизованы по шитью красноармейского белья, затем было произведено несколько сборов добровольных, кто чем мог, в пользу Красной армии, кроме того некоторые рабочие добровольно отправились в продовольственные отряды в Сибирь для снабжения Красной армии. В общем долг свой перед революцией наши рабочие выполнили до конца.

ВОРОПАЕВ.

Из истории борьбы рабочих Рязано-уральской железной дороги.

Перед изложением моментов, относящихся к февральско-октябрьскому периоду, необходимо отметить ряд революционных выступлений, отражавших настроение масс на Рязано-уральской ж. д. до февраля.

В течение 8 месяцев 1916 г. бригада мастеровых рабочих около 100 человек проводила итальянскую забастовку, отказавшись от сдельной работы по ремонту товарных и пассажирских поездов, задерживая тем самым ремонт воинских поездов.

Связь с районной Замоскворецкой партийной организацией осуществлялась через И. Т. Ильина, работавшего в то время в партийном органе большевиков в Замрайоне; через него нами получились в чрезвычайно осторожной форме директивные указания. Около 8 месяцев тянулась «итальянка», несмотря на нищенский заработок рабочих, и окончилась экономической победой рабочих, — экономические требования

акционерным обществам Рязано-уральской ж. д. были выполнены.

Второй эпизод произошел в связи с требованием администрации провести «добровольное» отчисление на помощь жертвам империалистической войны.

Наша группа вела усиленную кампанию против этого отчисления, но вследствие сильного нажима администрации и жандармского подполковника, угрожавшего, что всех неподписавшихся отчислят со службы и отправят на фронт, наша кампания провалилась.

В первые дни Февральской революции на транспорте вообще и в частности на Рязано-уральской ж. д. было громадное засилие социалистов-революционеров. Однако, несмотря на это, требования рабочих были исключительно большевистские. Опираясь на сочувствие широких рабочих масс нам удалось выставить эсеров из местного комитета.

Всей работой в московском железнодорожном узле руководил районный комитет большевиков московского железнодорожного узла, во главе которого стоял т. Пятницкий.

Был создан также районный совет рабочих депутатов, во главе которого стоял председателем рабочий Курской жел. дор. путеец т. Беликов. В районный совет мы избирали представителей на общих собраниях рабочих. Совет вел всю работу, включая профсоюзную, до создания отдельных профсоюзных организаций мастеровых и рабочих московского узла. Профсоюзные организации московского узла сыграли решающую роль на чрезвычайном всероссийском съезде железнодорожников, способствуя превращению контрреволюционного профсоюза Викжеля в красный профсоюз Викжедор.

Революционный, большевистский напор рабочих Рязано-уральской ж. д. был настолько велик, что мы через месяц-два уже фактически овладели местным комитетом путем перевыборов, хотя нас, большевиков, было в нем 4 человека. Мы вышибли оттуда всех кадетов, а за ними потянулись и все колеблющиеся, которые не в состоянии были проводить требования рабочих.

Мы имели ячейку около 10 человек большевиков. Социалистов-революционеров насчитывалось около 200 членов партии. Когда же проводили мы политические выступления, как, например, демонстрацию под лозунгом «Долой 10 министров-капиталистов», «долой Милюкова, Гучкова», то мы увлекали за собой не только большинство беспартийных рабочих нашего предприятия, но даже членов партии эсеров рядовых рабочих.

Наступили июльские дни. Неслыханная травля и провокация начались против большевиков. Когда мы получили известие, что в Петрограде рабочие выступили против Временного правительства, наш райком решил поддержать это выступление, и мы рассыпались по дорогам организовывать демонстрацию, что нам и удалось. Было выведено до 60% производственных рабочих.

Наступило тяжелое время для партии большевиков, и одновременно стали быстро накопляться пролетарские силы революции.

В солдатские казармы нас, большевиков, не стали пускать, опасаясь разложения. В казармах у солдат стали вводить прежние порядки, на что, конечно, солдаты согласиться не могли, и на этой почве эсеры и меньшевики потеряли всякое доверие, и там больше не хотели слушать их басен.

После демократического совещания и корниловского восстания массы настолько полевели, что рабочие нашего предприятия и вообще рабочие сознавали необходимость восстания.

Около 25 октября 1917 г. мы собрались на экстренное заседание районного комитета большевиков в помещение трактира на 2-й Брестской ул., где должны получить сообщение о событиях в Петрограде. И когда приехал т. Пятницкий из Моссовета и объявил, что в Петрограде рабочие и солдаты взяли власть в свои руки, все мы были распределены по дорогам московского узла. Я был послан на Рязано-уральскую ж. д. Нельзя передать все то волнение, радость, суету, охватившую при получении такой вести.

Придя в местный исполнительный комитет рабочих и служащих Рязано-уральской ж. д., я сообщил им о совершившихся событиях и предложил созвать экстренное заседание местного комитета для создания ревкома ст. Москва.

Ревком был создан в пять человек, из которых три большевика; в составе: Воропаева Ф. Г., Крутова и, кажется, Ильина или т. Акимова и меньшевика Халяпина. Работа закипела.

Немедленно были устроены собрания мастеровых и рабочих по службам, объявили, что власть перешла советам, объяснили значение борьбы и призывали поддержать советскую власть. Агитировать рабочих долго не пришлось, они сами поняли, что им нужно делать, и к вечеру у нас в Красной гвардии было больше 30 человек. Начальником Красной гвардии назначен был т. Орлов В. П., его заместителем т. Лебедев А. В.

Немедленно были взяты под свой контроль телеграф и электрическая станция, милиция железнодорожная, а также взяли под охрану депо, вокзал, перекидной мост и Жуковский проезд.

Мы получили распоряжение от т. Пятницкого движение поездов не приостанавливать, за исключением явно контрреволюционных. Всей железнодорожной Красной гвардии на баррикадах не пришлось сражаться, а был выделен отряд в распоряжение штаба Красной гвардии Замоскворецкого района, из которого был убит один т. Савков и слесарь депо на Красной площади, а остальная часть Красной гвардии охраняла вышеуказанные посты.

В первые два дня октябрьских боев связь с железнодорожным комитетом большевиков была, а потом мы были отрезаны и связь поддерживалась через Окружную дорогу как живая, так и телефонная.

Наша работа не ограничилась только Москвой, и мы имели крепкую связь до ст. Кашира включительно (100 верст). Получив сведения о том, что со ст. Кашира двигается отряд казаков, настроение которых было неизвестно, ревком сделал распоряжение о его задержании, и тотчас же был оповещен об этом Замоскворецкий штаб. К заставе была выслана Красная гвардия.

Профсоюз железнодорожников ВИКЖ с его главными комитетами на дорогах был контрреволюционный. Однако, поскольку он имел авторитет у многочисленной массы железнодорожных рабочих — квалифицированных тяговиков и путейцев, то нашей задачей было создание отдельного союза революционных рабочих. Вот этим и занялось правление профсоюза мастеровых и рабочих московского узла ж. д. как в Москве, так и на дорогах, примыкающих к Москве. С этой целью мы решили послать по всем дорогам делегатов для организации первых ячеек на местах профсоюзов.

На Рязано-уральскую ж. д. послали меня и Орлова В. П. Я направился от Москвы до Саратова, т. Орлов В. П. и т. Филин А. П. на Елецкую и Смоленскую линию нашей дороги.

Организовав такой союз в Бирюлеве и Кашире, мы направились в Козлов в главные мастерские. Собрав общее собрание рабочих и мастеровых, я кратко доложил о целях и задачах союза. Несмотря на то, что докладчик я был плохой, все же большинство согласилось с необходимостью организации революционного союза. На следующий день после организации месткома в Козлове, мы переехали в тамбовские мастерские, захватив с собою делегацию от козлов-

ских мастерских. Проделали и там такую же работу, но там социалисты-революционеры и меньшевики потребовали от нас мандаты. Я предъявил общему собранию, а козловская делегация забыла взять выписку, и на этом основании они хотели сорвать нашу организацию, заявляя о том, что мы являемся самозванцами, но все же в конце концов пролетарское чутье одержало верх, и нам удалось так же, как и в Козлове, сорганизовать местком нового союза.

Отправившись из Тамбова в саратовские мастерские, мы проделали такую же работу, несмотря на возражение представителя ЛН.

Тов. Орлов В. П. и т. Филин А. П. проделали такую же работу на следующих станциях, где имеются депо и мастерские: Лев Толстой, Белев и Смоленск.

Таким образом на нашей дороге от Москвы до Саратова был организован союз мастеровых и рабочих, который после чрезвычайного съезда в Петербурге и после взятия власти нами на нашей дороге превратился в профсоюз в дорожном масштабе.

Благодаря деятельной работе союза мастеровых и рабочих московского узла, была послана делегация в Петербург к министру Устругову (был такой немного времени), и что называется вырвана прибавка в 10% мастеровым и рабочим, входящим в этот союз.

Это особенно подняло авторитет нашего союза. Так и называется этот период «Устругоская телеграмма».

Но нелегко пришлось осуществить эту прибавку благодаря меньшевистских и эсеровских ЛН при нежелании уплаты администрацией. Помню на некоторых дорогах нам приходилось заставлять выполнять телеграмму Устругова под угрозой револьвера.

На ст. Москва Рязано-уральской ж. д. вся работа, описанная мною, проводилась под непосредственным руководством нашей партийной ячейки большевиков.

Сейчас же после Февральской революции наша небольшая группа взялась за организацию большевистской ячейки, каковая окончательно оформилась в конце марта месяца. Председателем ячейки был избран я, казначеем т. Янин, а организатором прикреплен т. Амосов, а потом активно нам помогали товарищи Маша Черняк и Зимин Н. Н.

Рост ячейки большевиков характеризуется следующими цифрами: 1917 г. — 13 чел., 1918 г. — 17 чел., 1919 г. — 21 чел., 1920 г. — 26 чел., 1921/22 г. — 32 чел., 1923/24 г. — 70 чел., 1925 г. — 115 чел., 1926 г. — 211 чел. и в настоящее время ячейка насчитывает в своих рядах 306 чел. В эти

цифры не вошли товарищи, выбывшие в разное время вследствие откомандирования их партией на другие работы.

Организованная ячейка большевиков со дня своего существования на всем протяжении прожитого времени проявляла величайшую выдержанность и революционную закалку. В ячейке не было личной жизни. Здесь все рассматривалось с точки зрения революционной целесообразности. Но не только против врагов ячейка стойко сопротивлялась, она и друзьям давала надлежащий отпор, когда эти друзья становились на ложный путь.

Это воспоминание проработали на активе участников Октябрьской революции — Воропаев Ф. Г., Крутов В. И., Акимов Н., Кравчук О. С., Ильин И. Т.

сокол.

Страничка из Октябрьской революции.

(55-й полк в октябрьские дни.)

Мне посчастливилось принимать самое деятельное участие в октябрьских боях. В Москву я приехал незадолго до февральской революции. До этого был на германском фронте и после ранения и лечения в госпитале направлен в 55 запасный полк.

Оставляя в стороне участие полка в февральской революции, следует отметить, что он не играл тогда революционной роли, благодаря аполитичности солдатской массы. Однако такое состояние продолжалось не долго. К июльским дням полк уже был революционным. Командование обратило внимание на этот революционный полк и начало вливать в него более реакционное офицерство. Меньшевики и эсеры тоже обратили внимание и также влили значительное количество своих сил. Вначале полковой и ротный комитеты состояли полностью из эсеров и меньшевиков.

Работать большевикам было страшно трудно. В июльские дни на 4 тысячи солдат было 6 большевиков. Однако, несмотря на это, влияние большевистской ячейки на солдатскую массу было огромно.

В августе месяце при перевыборах в полковой комитет получилось большинство на стороне большевиков и таким путем пищущий эти строки был избран председателем пол-

кового комитета. Общие собрания происходили ежедневно, а в некоторые дни «митинговали» с утра до глубокой ночи.

Когда было созвано демократическое совещание в Москве, то солдатская масса каждую минуту готова была выступить для разгона этого совещания. Большинство солдат следило за всеми действиями по газетам, которые читались в одиночку и группами.

К первой половине сентября, меньшевики и эсеры уже потеряли всякую опору в 55 полку и не могли рассчитывать на получение голосов при выборах в Учредительное собрание.

На каждом собрании принималась резолюция «вся власть советам». Членам совета солдатских депутатов давались наказы требовать передачи всей власти Советам.

25 октября должно было происходить заседание Совета рабочих и солдатских депутатов.

Солдаты полка с утра начали собираться на демонстрацию под лозунгом передачи власти Советам. Тут же приходили и рабочие завода бывш. Михельсон, фабрики Котова и др. Атмосфера накалялась, меньшевики неистовствовали, ругались, доходило до драки при выходе на улицу.

На историческом заседании Совета в Политехническом музее, где меньшевики боялись, чтобы не провалился пол от многолюдности собравшихся, пол не провалился, а меньшевики провалились навсегда... По прибытии из заседания Совет тут же созвал заседание полкового комитета, на котором и был избран революционный комитет. В него вошли: председателем пищущий эти строки, членами — Рачицкий, Будзинский, Молявка, Аншаков и Стрелков Н. В., последний как представитель ревкома Замоскворечья.

Первым шагом ревкома были издание приказа по полку.

Приказ гласил: «С сего числа полк переходит в полное подчинение революционного комитета. Ни одно приказание кого-либо не исполнять без санкции комитета. Ни один солдат не имеет права отлучаться из казарм без разрешения Полкового комитета».

С этого момента гарнизон казарм был как бы объявлен на осадном положении.

Вся 4-тысячная солдатская масса почувствовала революционную дисциплину. Если до издания этого приказа постоянно выходили, входили толпой солдаты из ворот, то после этого ни один солдат не мог шагу ступить без разрешения.

Когда командир узнал об издании этого революционного приказа, то собрал всех офицеров полка, для того чтобы

обсудить создавшееся положение. Решили вызвать меня для «объяснений». Я пришел в зал, где происходило собрание офицеров, он был битком набит офицерами, все были страшно возбуждены.

Мне задали вопрос, на каком основании я издал приказ, имел ли я на это право. Я было начал отвечать, что это сделано именем революции, но тут на меня набросился один из офицеров. Командир полка полковник Кокульский его немедленно остановил, закричав изо всей силы: «Не сметь трогать, я, командир полка, приказываю успокоиться и слушать меня».

Офицеры гудели и не дали мне говорить, я немедленно удалился.

Когда я вышел, то тут же увидел группу солдат с винтовками, пришедших меня выручать на случай, если меня задержат.

Офицерство решило выступить и отправилось в Александровское училище. В полку осталось из 300 офицеров 8 человек, которые одели солдатские шинели и навсегда расстались с чинами и офицерским сословием. Они нам помогали не только в октябрские дни, но и впоследствии помогали формировать Красную армию, их имена: Рачицкий, Азарх, которые умерли за революцию. (Были расстреляны белыми на фронтах: Рачицкий на южном, а Азарх на восточном.) Других фамилии не помню, они принимали меньшее участие в революционной борьбе, но были с нами.

Около 12 часов ночи позвонил из ревкома тов. Будинский и сообщил, что послан приказ о высылке одной роты в здание Московского совета, где помещался и ревком.

Смешанные чувства овладели нами: тут была и радость и тревога, радовались, что выступаем в бой, тревожились, что не все организовано так, как нужно.

Желающих итти в бой оказалось больше чем требовали, и я вместо роты послал 500 чел.

День 26 октября прошел относительно спокойно, выступления не было, солдаты, оставшиеся в казармах, пытались уговорить меня, что нужно произвести смену тем, которые в Совете, но этого еще не требовалось. Весь день пришлось выдавать оружие рабочим организациям. В это время в полку было 16 тысяч винтовок и больше 200 000 патрон.

Солдаты приходили и требовали мандатов на обыск в офицерских флигелях, которые расположены против казарм. Все волновались. Сначала приходилось отказывать. Через несколько минут опять приходили и доказывали, что кто-то

там стреляет, наверно поставили офицеры пулемет на чердаке и в слуховое окно будут стрелять по нас. Наконец, пришлось исполнить это требование и произвести осмотр чердака и особенно подозрительных квартир.

Всю ночь приходили дозорные патрули и все доносили, что они видели на улицах. Нужно сказать, что все жители почувствовали революционную дисциплину и вечером никто не появлялся на улицах в этом районе. Правда, патрули в темноте принимали кошку за волка и часто постреливали. Даже стоящие у ворот казарм не могли спокойно стоять и от времени до времени постреливали. Когда спрашивали, почему стреляют, то объясняли, что кто-то в них стрелял, кто-то пробежал на другой стороне улицы. Одним словом, винтовки созданы для того, чтобы стрелять из них. Все желали генерального сражения, а его не было. 27-го уже начались настоящие бои. Передавали, что в тех ротах, которые высланы в Совет, есть убитые. Эти сведения нервировали солдат. Начали волноваться и доказывать, что нужно разбить школы прапорщиков, находящиеся рядом с нашими казармами.

Пришлось принять решительные меры к ликвидации школ прапорщиков. Пошел я в школу, нашел там начальника школы, начал с ним договариваться. Доказывал, что мы хотим избежать лишней крови; что в полку солдаты волнуются и что я не могу ручаться за спокойствие, оно может быть нарушено стихийно. Но начальник школы, у которого была грудь унизана орденами, храбро заявил, что он георгиевский кавалер и не может уступить оружия, что он лучше умрет, чем подчинится черни. На этот раз не договорились. Я ушел. Но через несколько минут пошел еще раз и еще начал доказывать целесообразность сдачи оружия. Он мне заявил, что у него в гарнизоне 350 человек вооруженных до зубов, что он сам не будет выступать, но сдаться не желает. Наконец, достигли соглашения выставить объединенные караулы вокруг здания школ; один солдат полка и один юнкер будут стоять вместе на постах. До вечера солдаты стояли совместно с юнкерами, но как только наступила темнота, то возвратились, заявив, что они ночью стоять с юнкерами не могут и готовы лучше сейчас итти в бой с ними, чем совместно стоять. Пришел тов. Пантюхин и сообщил, что он видел у Калужского моста во дворе стоят какие-то орудия, их нужно привести в казармы и использовать. Я тут же сделал распоряжение выслать лошадей и доставить эти пушки. В скором времени они уже были во дворе, это оказалось были береговые дальнебойные 6-дюймовые орудия

французского образца. Когда эти орудия были поставлены во дворе, то это очень ободряло солдат, каждый улыбался, проходя мимо них, а стоявшие около них часовые любовно их поглаживали.

Последний раз пошел я предложить начальнику школы сдать оружие, но он и на этот раз категорически отказался. Тогда я с группой товарищей забрал лопатки и пошел в сад Екатерининской больницы, расположенный напротив казарм школ, и начал выбирать позицию для установления орудия. Тут же прибежал один из юнкеров и заявил, что меня просит начальник школы зайти к нему. Когда я подошел к школе, то тут собралась толпа всяких граждан, старики, женщины, дети, все начали просить пощадить их. Это оказались жители казарм. Там, в подвалах, жили повара, музыканты, сторож и их семьи, и когда они узнали об орудиях, то начали эвакуироваться. Несут самовары, посуду, подушки и всякую одежду. Оказалось, что они уже ходили и к начальнику школы, уговаривали его сдать оружие. На этот раз начальник школы, храбрый капитан, впал в истерику и начал рыдая просить пощадить его. Теперь он был на все согласен и просил только оставить его живым. Я не мог не смеяться в душе. Солдаты полка начали забирать оружие, бомбы в первую очередь, а потом дошло до обмундирования, продовольствия и пр.

29 октября день прошел в суматохе: все время приходили разные просители, у некоторых ночью были произведены обыски, у других отобрано оружие и т. п., а так как каждому хотелось иметь оружие, то пытались получить его обратно. Тут же поодиночке начали привозить пленных офицеров полка. Тогда как-то само собой установился обычай задержанных офицеров отправлять в свои же полки, а это делалось потому, что в своем полку знали лучше всего данное лицо и, следовательно, могли поступить с ним наиболее справедливо и по заслугам...

К вечеру этого дня белогвардейцы усилили стрельбу, начали стрелять из орудий, поставленных в Кремле, выпустили несколько снарядов по Замоскворецкому и Устинскому мостам, тогда и мы усилили нажим, открыли орудийную стрельбу из орудий, поставленных на Воробьевых и Швивой горке. Начали стрелять по Кремлю. Тут же была сбита верхушка башни, которая на углу Москворецкого моста. Начали гореть дома от снарядов; так загорелся дом на Никитской ул. и в других местах. Когда началась усиленная стрельба из орудий, то это еще более ободряло и одушевляло солдат. 30 октября и 1 ноября все оставалось как

будто в таком же положении, как и в первые дни, но все же стало заметно, что бой близится к концу, позиции белых стали сжиматься, они уменьшали свой фронт, путем оставления разных переулков, и уменьшались выстрелы. Красная гвардия еще больше усилилась, установилась более тесная связь с нами и командованием Красной гвардии:

Мы все верили в полную победу. К вечеру 1 ноября привезли группу пленных офицеров. Эту группу вели красногвардейцы. Когда их вели мимо казарм, то как только это увидели солдаты, так бросились к конвойным с просьбой пропустить к офицерам, чтобы с ними расправиться. Офицерство, ранее сияющее, теперь бледнело и дрожало за свою шкуру, вся храбрость отлетала. Не помышляли о защите мундира. Когда не допустили красно-гвардейцы расправиться, то несколько человек схватили камни и бросили в толпу пленных.

Пленных офицеров посадили на гауптвахту под арест. Кажется в этот же день солдаты 85 полка убили своего командира. Потом, когда нам пришлось сражаться на разных фронтах, то неоднократно в душе пришлось жалеть, что мы так гуманничали. В это время солдатские массы очень волновало то, что на улицах начали появляться офицеры в погонах. Неоднократно задерживали на Серпуховской площади и в других местах и приводили в казармы офицеров, которые не подчинялись требованиям солдат—снять погоны, таким упорствующим срывали погоны, а иногда доходили до мордобития.

Особенно часты были стычки с прибывающими офицерами с фронта, они гордились, что фронтовики, московских законов не желают признавать, солдаты учили понимать эти революционные законы.

2 ноября получили приказ о назначении командующего войсками Московского округа солдата т. Муралова Н. И. Солдатская масса знала его и очень была довольна. Тов. Муралов издал приказ об уничтожении офицерского звания, чинов и лишения офицерских прав в отношении ношения оружия. Этот приказ вызвал восторг. Эта победа была настоящая. Солдаты этого хотели и радовались победе. Они говорили: «Вот это наш командующий, мы за него готовы жизнь отдать». Офицеров полка, которых было около 300 человек до октябрьского боя, после них явилось не более 50 человек и то те, которые были в плену и находились под арестом или же принадлежали к буферной группе. Самые реакционные боевики больше не показывались. Они демобилизовались стихийно или не демобилизовались, а наоборот мобили-

зовались и ушли из Москвы в разные белогвардейские отряды. В полку началась демобилизация. Часть солдат начала требовать дележки полкового имущества. Каждому хотелось ехать домой не с пустыми руками. Многие забирали по винтовке, были попытки делить лошадей и другое полковое имущество. Но этот угар быстро прошел. Правда, много пришлось доказывать на собраниях, что война с буржуазией еще не кончилась, что все войсковое имущество потребуется в дальнейшем, и может быть очень скоро, да кроме того пушку, аэропланы и другие предметы не представлялось возможности разделить, если бы даже и уважить их требование. Объяснения подействовали поняли его безрассудность. Демобилизация прошла. В полку осталось в ноябре около 2 000 человек. Эти солдаты были дисциплинированы, настроены революционно, они были наиболее сознательны, все распоряжения, в том числе и боевые, исполнялись беспрекословно. Они восприняли революционную дисциплину, вследствие чего посыпались требования на солдат 55 полка для охраны по найму разных помещений.

Из этих же остатков неоднократно отправлялись отряды в разные города, где белогвардейцы начали выступать.

ПРОСВИРНИН.

Воспоминания бывшего солдата.

25 октября 1917 года на Моховой в Москве мальчики-газетчики пронзительно кричали: «Вечерние известия»! «Выступления большевиков против Временного правительства в Петрограде»!

Газеты расхватывались и тут же у манежа толпились спорящие группы людей, разгоняемые тут же появившимися дозорами юнкеров.

На углу Моховой и Воздвиженки становился патруль из офицеров и юнкеров, не пропускавший никого по направлению к Каменному мосту.

В направлении Воскресенской площади быстро двигался взвод вооруженных по-походному юнкеров. Освещенные слабым светом, штыки винтовок казались зловещими. Всюду быстро шли приготовления к отпору большевиков, которые не могли не откликнуться на выступление в Петрограде.

На каком-то углу Никитской подвергаюсь обыску патруля из студентов и гимназистов. Кроме дырявых карманов рва-

ной шинели ничего не находят, и я, обиженный задержкой «цветом буржуазной» своры, пошел в казарму.

Солдаты команды механиков 2-й автороты возбужденными возвращались из города. Никто не отдавал ясного отчета в наступивших серьезных событиях. Происходило митингование. Первые выстрелы в отдельных местах города вызывали тревогу. Поздно вернувшаяся группа товарищей рассказывала о том, как в районе Лубянской площади юнкера обстреляли безоружных солдат, протестовавших «убеждением» против белогвардейских приготовлений. Сообщение товарищей вызвало резкое возмущение. Несмотря на поздний час, спалось неспокойно.

Утром на Каменном мосту и у храма Христа спасителя за массивами гранита стояли пулеметы. В Кремле трещала ружейная стрельба. Белые были готовы к отпору красных, ожидаемых с окраин.

На нашем солдатском собрании шла борьба. Укрывавшаяся от фронта «чистая» публика попряталась еще с вечера. Соглашательски настроенные стремились подчинить всех «нейтралитету», демогогически требовали от меня, выставлявшего предложение о поддержке ревкома, «ясной платформы». Большинство постановило открыто поддержать ревком. Я был избран представителем в Замоскворецкий ревком.

На Калужской площади, в угловом 2-этажном старинном здании, где помещался ревком, шла лихорадочная работа. С окраин подвозились тюки хлопка и строились баррикады в районе Крымского моста. На проезде с Калужской площади к Крымскому мосту разбиралась мостовая и готовились окопы.

Под вечер во дворе здания ревкома строился 1-й отряд в 20—25 человек для отправки в район Остоженки. Тут были рабочие и солдаты, один студент и даже офицер. Стояли дисциплинированно и сосредоточенно, готовые к борьбе.

В ночь туда же отправлялись и другие «отряды», группы в 10—15 человек. На углах улиц, сходящихся на Калужской и Серпуховской площадях, становились дозоры. В ночь в районе Остоженки раздались первые выстрелы борьбы с белогвардейцами, засевшими у храма Христа и Пречистенки.

С утра следующего дня Калужская площадь застилалась тысячами восставшего народа. Тысячи рабочих, солдат, работниц, стариков и юношей хотели взять винтовки и итти на баррикады. Но оружия не было. В первые два дня редкие счастливцы получали винтовки и в большинстве старых образцов и по два-пяти патронов. Тысячи людей были за-

писаны в очереди за винтовками и два дня ждали пока из захваченных складов не достали оружия.

Нужно было захватить мотоциклы в школе мотоциклистов. С мандатом ревкома отправились, но в школе согласительский комитет «укрылся», разбежались офицеры. Ломаем замок от гаража, но десятки мотоциклов оказались без карбураторов и магнето. Предвидя борьбу, белые заботились об обезоружении своих классовых врагов. С трудом наладили несколько машин, необходимых для связи.

Среди являющихся в ревком воинских частей прибыла квартировавшая на Шаболовке дружина ополченцев с длинными старинными берданками. «Всех взяли с собой, оставили только поваров и дневальных». Было предложено поручить дружине охрану прилегающих мест к ревкому. Но не все на это согласились. «Отцы» с бородами хотели итти на баррикады. Через день в моем «отряде» в 15 человек половина была из этих «отцов», и они отличались не меньшей храбростью, чем молодежь. Они говорили: «Давай, сынок, быстрее продвигаться» к гранитам храма Христа, из-за которых хищнически охотились за нами белогвардейцы. А когда на следующий день после смены пошли на отдых, то за обедом в столовой Коммерческого института старики говорили: «Поспим, а вечером пойдем снова на Остоженку все вместе. Мы им дадим, мать их... белые сволочи. Выбьем со всех чердаков». Но в следующие дни горячей борьбы я не видел этих милых «отцов». При стихийной суматохе тысячи людей толпились по всему Замоскворечью, все путалось, все стихийно устремлялись к борьбе. Люди были без фамилий, самоорганизующимися под знаком борьбы за советскую власть.

Повалявшись на грязном полу в здании ревкома, на котором отдыхали красногвардейцы, в ночь отправился в район Остоженки с другой группой рабочих. Было признано необходимым занять участок в районе электрической станции между Москвой-рекой и Канавой против храма Христа для того, чтобы через Москва-реку открыть стрельбу по белым. Легко было отправить людей непосредственно с Калужской, но не понятно, почему нас, человек 8-10, решили переправить «десантом» на лодке в направлении Яхт-клуба около фабрики «Эйнем». Белые по лодке открыли стрельбу. Бывшая в «отряде» молодая работница встала и стала кричать в ответ «сволочи». Несколько пуль стукнуло в лодку, но мы благополучно высадились и заняли позицию у электростанции вдоль забора, обитого железом. Пришло подкрепление, и мы вели перестрелку с приютившимися у святыни белыми.

В этот день недалеко от нас на набережной откуда-то прилетевшим снарядом снесло крышу дома.

Когда после «мира» я проходил по скверу храма Христа, около гранитных плит земля была пропитана кровью. Стоял «буржуазно» одетый человек и качал головой: «Невинная кровь. Что наделали. Все разрушили». Я стал «убеждать», но безуспешно. Человек, уходя, сказал мне: «Молод вы, не видите, что преступная рука делает». Я тогда же вспомнил митинг-толкучку в июне 1917 года у памятника Пушкину на Страстном бульваре. Там мне также одетый человек говорил: «Вы хоть и солдат, но еще юноша без всякой подготовки и как можете говорить о важнейших международных вопросах. Я вот врач, имею за 40 лет и то с трудом все улавливаю. А вы предлагаете кончить войну. Вслепую идете, а вас предатели используют». И когда я с молодой откровенностью стал «убеждать» его в обратном, врач отходя сказал: «молокосос», а «чистая» публика иронически надо мной смеялась. Бывший со мной солдат Юрков, активно участвовавший на октябрьских баррикадах, обругал их «буржуями». Тем же я закончил разговор с оплакивающим белогвардейскую кровь человеком, когда он злобно проклинал наступившую победу и советскую власть.

После смены у Электростанции и «отдыха» в давке тысяч борцов за рабочую власть на Калужской площади отправился для связи с отрядами красных в район Чугунного моста. На углу какого-то переулка увидели освещенных каким-то случайным светом юнкеров. Кто-то из товарищей поторопился стрелять. При бегстве трое юнкеров растерялись, и мы их взяли в плен. Они оказались лазутчиками.

Борьба затягивалась. Оружейная и пулеметная стрельба часто сопровождалась орудийными выстрелами. Обыватели в районах борьбы сидели в подвалах. Обнаглелые зверства белых у красноармейцев вызывали стремление бороться до конца.

На баррикадах в районе Пречистенки 1 ноября появились слухи о происходящих переговорах о мире. «Какой мир, — говорили красногвардейцы, — нужно выбить и обезоружить — и тогда мир».

Днем, 2 ноября, появились листовки о подписанном мире. Люди не хотели оставлять баррикад. Не верилось в мир с белыми, с которыми упорно воевали 8 дней. Стрельба в отдельных местах затянулась в ночь на 3 ноября.

После восьмидневного отсутствия казарма казалась тихой. Болела голова, в ушах звенело, трудно было собраться с мыслями. В разных углах на нарах происходили усталые

разговоры. Стали собираться настроенные скрытой враждебностью открытые противники и «нейтральные» соглашатели. Явился измученным революционно-настроенный товарищ (забыта его украинская фамилия), сидевший в дни борьбы в каземате белых в Кремле. Он 26 октября был схвачен белыми в районе Знаменки. С поднятыми руками вверх, его вел в Кремль патруль белых. Он был посажен в какой-то средневековый застенок, в котором 8 дней томились без воды и хлеба сотни схваченных «красных», из коих наиболее «ярых большевиков куда-то выводили и не возвращали».

Явился и наивный Гинзбург, одетый в меховой романский полушубок, в новых сапогах, брюках и гимнастерке, да еще с деньгами. Нельзя было не заинтересоваться этим превращением Гинзбурга. Подвергли его обыску и допросу. Он наивно выболтал, что ездил шофером у белых и после «мира» все это получил в штабе военного округа. Отобрали у него удостоверение штаба о том, что ему «разрешается отпуск во все местности Российской империи на месяц». Белый штаб знал, что делал, снабжая своих гвардейцев всем необходимым для поездки туда, где можно бороться с советской властью.

Мы стали сообщать об этом в ревком, а т. Муралов отдал какое-то распоряжение на вокзалы. А через день у стены Кремля длинные могилы устилались сотнями красных гробов, хоронили погибших в борьбе за Октябрьскую революцию рабочих и солдат.

ГРУППА УЧАСТНИКОВ.

Даниловский подрайон в октябрьские дни.

После московского совещания 12 августа 1917 года становилось все яснее, что от Временного правительства пролетариату ждать нечего. В сентябре в районе рабочие фабрик стали подготовляться к боям. Прошедшая забастовка кожевников с ее поражением и надвигающееся массовое увольнение текстильщиков — заставляло нас начать борьбу.

Все дни в районе происходили летучие митинги. Выступали ораторы от большевиков и меньшевиков. Слова меньшевиков были — за сотрудничество и соглашение с буржуазией.

Наш враг — германский империализм и... его агенты «большевики».

Призыв большевиков был:

За мир. Хлеб. Долой войну грабительскую.

За власть советов. За гражданскую войну.

У большевиков был славный оратор тов. Юрий Мышкин. В районе было два комитета партии меньшевиков и большевиков.

Председатели — у первых был: техник Даниловской мануфактуры Иванов и у большевиков тов. Кольцов.

Собрания рабочих, кроме фабрик, происходили по Большой Тульской улице в чайной общества потребителей «Солидарность».

Накануне октября было собрание меньшевиков.

Был поставлен вопрос, примыкать ли рабочим меньшевикам к восстанию, или воздержаться.

Оратор ЦК меньшевиков уверял, что большевики поступают безумно, беря в руки власть. Им не продержаться и 2-х недель. Советовал сговориться с буржуазией. Но рабочие его не поддержали и вынесли свой ответ:

— Где наши рабочие братья, там и мы.

Наш общий враг — буржуазия.

А в партийных спорах после разберемся.

До свидания, милый друг...

После расширенного пленума Моссовета, на котором демонстративно покинули зал заседания меньшевики и эсеры, был поставлен вопрос большевиками о немедленном захвате власти советами. На фабриках шла лихорадочная работа по подготовке к восстанию.

На заводе «Мотор» делали снаряды, подбирались надежные рабочие, организовывались группы. Велась агитация. Разбрасывались листовки. А после стачки на заводе «Мотор» за снятие с работы деспотов инженера и поручика, где рабочие потерпели поражение, а несколько товарищей отправили на фронт, на всех фабриках района чувствовалось — вот-вот, рабочее терпение лопнет и двинутся все в бой. В ночь 24-го и утром 25-го пронесся слух, что в Петрограде рабочие восстали и на улицах льется кровь. Чаша терпения лопнула, после коротких цеховых митингов дружно на всех фабриках района кончили работу, встали фабрики, принялись за организацию фабрично-военных революционных штабов. Достали, у кого имелось, оружие, организовали группы рабочих для посылки в бой под руководством большевиков «За власть советов».

25 октября на всех фабриках Даниловского подрайона организовались боевые тройки из тов. большевиков и активных беспартийных. Вся власть на фабриках фактически пе-

решла в руки фабричных военно-революционных штабов, руководимых товарищами из троек. Штабами фабрик выдавались мандаты надежным товарищам. Комплектовались группы от 25 человек до 100 и посылались в штаб на Калужскую площадь, где им выдавалось оружие и они получали боевое задание.

На фабриках организовались дружины по охране фабрик, котельных, машин, общежитий, складов от покушений и поджогов. Охрану несли почти старики да молодые ребята лет по 14 и 16.

Всюду царила немая тишина, только был слышен оружейный и пулеметный треск выстрелов, да гул и грохот орудий из центра города. На фабриках организовались лазареты, при участии женщин. Формировались санитарные отряды из девушек и шли в центр к своим на помощь.

Оставшиеся рабочие несли в штабы и лазареты продовольствие, папиросы и кто чем мог помогал делу.

По району расхаживались темные личности, переодетые юнкера, вели агитацию, сеяли панику и производили бесцельную стрельбу.

Вдруг по району прокатился слух. Казаки едут из Подольска, Каширы. Дикая дивизия наступает по Серпуховскому шоссе на Москву. А в нашем районе, верно, на шелковой фабрике Катуар стояли казаки. Моментально стали собираться группами рабочие соседних фабрик — кто с оружием, бомбами и у кого что было двинулись в путь.

Пришедши, выбрали делегацию и предложили сдать оружие, они нам ответили:

«Мы вам оружие сдадим, но при условии шашки оставить нам, они наши собственные. Дайте лошадям фураж и нам продовольствие».

На что мы согласились и получили оружие около 200 шт. винтовок и большое количество патрон.

А кругом стали рыть окопы, делать проволочные заграждения. Привезли пулеметы и 1 орудие и рассыпались в цепь, стали ожидать казаков из Подольска и Каширы, но ввиду того, что они по дороге вернулись обратно, боя не было.

В дни боев на фабриках шло обучение рабочих, отправляющихся на помощь, которые не умели обращаться с оружием. Всюду чувствовался подъем и вера в победу.

Пришедшие с фабрик Даниловского подрайона рабочие в штаб на Калужскую с нетерпением дожидались по 2 и по 3 часа счастливой очереди — получения оружия. Оружия недоставало. Всякое привозимое товарищами оружие моментально разбиралось. К вечеру все уже расходились по 10

и 20 человек, по заданиям штаба, а уставшие приходили немного отдохнуть, поделиться удачами или неудачами на том или ином участке боевых действий. Потом снова шли на Крымскую площадь, по Хамовнической набережной, выбивая противника, засевшего в домах, на чердаках и перекрестных улицах, важных узлах противника, закрепляясь на отбитых участках, продвигаясь ближе к центру.

Другие товарищи были на Электрической трамвайной станции, в перестрелке с юнкерами у Малого каменного моста, часть товарищей отправилась к Москворецкому мосту, идя в наступление на прорыв к Красной площади, гоня юнкеров за стены Кремля.

Некоторые товарищи были в разведке, держали связь с штабами района и фабрик, исполняли различные поручения Моссовета, пробираясь под огнем неприятеля. Ездили на Казанский вокзал за оружием, которое брали просто из вагонов, стоявших на путях, и везли в районы, вооружая рабочих-красногвардейцев. По району производились облавы, обыски у врагов пролетарской революции, борясь с бандитами и грабежами, группируясь и поддерживая связь с подрайонным Советом и комитетом партии большевиков.

Потеряли мы в эти победные дни 2-х товарищей убитыми и несколько человек раненых.

За власть советов!

За пролетарскую диктатуру!

Группа участников: Бодров, Алексеев, Дмитриев, Павлов, Парфенов, Шумнов, Семин, Серединник, Вьюгин, Тихомиров, Коротков, Алсен и Редищев.

ФУНТИКОВ.

Воспоминания об Октябре 1917 года.

(Фабрика бывш. товарищества Даниловской мануфактуры.)

Я работал на фабрике товарищества Даниловской мануфактуры, теперь имени тов. Фрунзе — в прядильном отделении.

В июле месяце 1917 года у нас на фабрике были произведены выборы фабрично-заводского комитета, в который был избран и я. В то время фабрика насчитывала рабочих около пяти с половиной тысяч человек. И из всей этой гро-

Фабрика бывшая т-ва Даниловской мануфактуры, теперь им. Фрунзе.

мадной массы нас, коммунистов, насчитывалось человек десять. Все фамилии этих товарищей я не помню, но укажу, кто ярко остался у меня в памяти, как активисты: тт. Бодров, Нил Марков, три брата Новиковых и активнейшую из активных работницу — Титову Варвару Васильевну по профессии ткачиха. Что же касается остального состава наших профорганизаций, большинство из них были меньшевики и беспартийные. Почти ежедневно у нас происходили заседания фабрично-заводского комитета, а в неделю раз — общее собрание.

На всех этих заседаниях обсуждались вопросы продовольственные и вопросы об учреждении контроля над производством. Всякий раз, когда доходила очередь до этих вопросов, меньшевики пускали в ход все свое никчемное красноречие, которое всегда разбивалось о правдивые и убедительные доводы наших местных тт. большевиков.

Вскоре у нас на фабрике появился отряд красногвардейцев в количестве 15—20 человек под руководством некоего товарища Козлова, человека с военно-технической подготовкой. С течением времени к октябрю месяцу этот отряд насчитывал уже около 300 человек.

Наступил октябрь.

Утром у нас на фабрике появился т. Мышкин и призывал нас к немедленному вооружению под лозунгом «Вся власть советам».

Призыв этот был принят нами и мы немедленно вооружились, достав оружие частью из милиции, частью оставшимся оружием от февраля и из Александровских казарм.

Наш вооруженный отряд под руководством лично моим и опытного тов. Козлова был не из последних. Немедленно нами было приступлено к организации при фабрике лазарета, в котором работали наши работницы в качестве сестер и сиделок. Имущество для лазарета с трудом достали частью из фабричной больницы, а частью принесли рабочие и работницы.

Наш отряд находился в распоряжении штаба нашего района, который, насколько мне помнится, находился тогда в чайной у Калужской площади.

Первое крещение наш отряд получил в заставе у Крымского моста и у Раушской набережной. После мы были переброшены в караул от В. Котлов до имения Черемушки. Здесь наш штаб получил сведения, что близ Серпухова или в самом Серпухове находился большой отряд казаков и по шоссе направляется к Москве. Я в это время держал связь

с караулами от В. Котлов до Черемушек. Подъезжая к Черемушкам с товарищем, фамилии которого я не помню, мы встретили крестьянина, который сказал нам, что на фабрике Катуар находится отряд казаков, но количества их не знает. Мы сейчас же сообщили начальнику нашего отряда тов. Козлову. Моментально было сообщено всему району о близости казаков. Необходимо было их встретить. Все рабочие нашей и прилегающих фабрик были на ногах, рыли окопы за В. Котлами. Установили усиленные дозоры, наладили связь с заставами. Числа восьмого или девятого, точно не помню, выделенный небольшой отряд из наших товарищей во главе со мной и т. Козловым сели на автомобиль и поехали на фабрику Катуар. Решено было послать делегатов для переговоров с казаками. Когда мы подошли к фабрике, нас остановили казаки и стали спрашивать, кто мы. Мы ответили, что пришли из отряда красногвардейцев фабрики Даниловской мануфактуры для переговоров с казаками о сдаче ими оружия и сохранении нейтралитета в боях. Один из старших казаков усмехнулся на наше предложение. В это время нас обступила часть казаков, находившихся во дворе фабрики. Всего их насчитывалось человек 150 или 200. Выслушав нас, казаки заявили, что им не нужно ни боя, ни оружия, а нужен овес и сено, так как лошади их не кормлены три дня. Часть нашего отряда отправилась с небольшим количеством казаков на нашу фабрику за фуражем, а остальная часть вошла на фабрику Катуар в спальню рабочих, где помещались казаки, и мы приступили к их разоружению. После разоружения все они были препровождены в штаб нашего подрайона и, насколько помнится, после они принимали участие вместе с рабочими на баррикадах и наступали на Кремль и Электростанцию. Об этом знают товарищи рабочие, бывшие в отрядах заводов Бромлея и Михельсона.

Два дня и две ночи мы не спали, и были сменены отрядами соседних фабрик. На отдыхе в штабе, при зарядке винтовки случайно был убит тов. Вася, фамилии его не помню. После отдыха мы несли караул в заставах и на фабрике.

В заключение хочу отметить ту пассивную роль, которую играли меньшевики во все время переворота и еще задолго до него.

Еще в июле 1917 года на собраниях по вопросу о контроле над производством наши меньшевики, как-то: предфабком Белов, Ефимов, Козырев и другие всегда были против этого, говоря, что все это преждевременно и в самый переворот, когда мы просили у Белова продовольствия, он сказал

мне: «Продовольствие я вам дам, но все это кровопролитие я считаю напрасным».

Прошло уже десять лет, и тов. Белов, работая в рядах нашей партии убедился в том, что все происшедшее в октябре не сделано напрасно, а привело к диктатуре пролетариата, который, являясь хозяином своей страны и Октябрьских завоеваний, укрепляет промышленность медленно, но верно идя к социализму.

О заводе „Мотор".

В июне я поступил работать на завод «Мотор» в Замоскворецком районе. В то время на заводе «Мотор» работали преимущественно рабочие латыши.

На второй день после моего поступления на завод, возникла стачка на почве рабочего контроля и некоторых экономических требований. Стачкой руководила, главным образом, фракция большевиков, существовавшая на заводе. В процессе стачки можно было убедиться, что рабочие завода «Мотор» прекрасно сорганизованы; несмотря на все старания лучших лидеров меньшевиков и эсеров, присланных Моссоветом, уговорить моторцев прекратить стачку и пойти на компромисс с заводоуправлением, им это не удалось. Особенно остро встал вопрос о рабочем контроле над производством; администрация всячески старалась разложить завод; она начинала сбывать материалы и распродавать завод по частям. Видя это, мы поставили у ворот свою стражу, которая не пропускала за ворота никакие материалы без ведома ячейки и завкома. Конфликт принимал с каждым днем форму все более и более острую, никакие меньшевистские примирительные камеры и арбитражные суды не могли успокоить рабочих. Мы ставили вопрос о национализации завода.

На нашей стороне стояла часть мастеров и часть технического персонала.

Однако для того, чтобы действительно провести эту меру в жизнь понадобился Октябрь. В ответ на наши требования заводоуправление потребовало солдат, которые и были присланы; последние устроились квартировать на заводе для охраны; они были распределены по мастерским, у ворот и в управлении завода; но рабочие к работе все же не приступали. Мы начали вести агитацию среди солдат, и скоро среди них пошла большевистская зараза: они сами потребовали, чтобы их увели, и их пришлось с завода убрать. Забастовка продолжалась почти до самого переворота.

Вскоре возник вопрос об организации в районе авторитетного, близкого к рабочим органа власти. Президиум Замоскворецкого совета был избран на паритетных началах. Но там преобладали меньшевики совместно с эсерами, а наши были в меньшинстве и никакое чисто большевистское мероприятие там провести было невозможно; поэтому наша фракция, посоветовавшись с т. Пече, работавшим к тому времени в центре, решила организовать свой подрайонный совет Даниловского подрайона. Как мотив мы выставляли очень далекое расстояние от района и наличность большой группы заводов в этом подрайоне. Посоветовались еще с рабочими соседних заводов, с райкомом, приступили к выборам; я был выбран от завода «Мотор» в райсовет, и при содействии райкома и рабочих «Мотора» мы сумели этот подрайсовет вести в чисто большевистском духе, и хотя ни Московский, ни районный совет нас официально не утвердил, но мы работали и с нами считались.

По оформлении этого подрайсовета, в него были собраны все лучшие силы рабочих окружающих заводов, как то: завод «Мотор», группа кожевенных заводов, фабрика Алексеева и целый ряд других.

У нас имелось несколько винтовок-берданок; с ними-то мы при помощи товарищей фронтовиков обучали всех желающих рабочих, как обращаться с оружием при стрельбе, а также и необходимым приемам построения в боевой цепи, укрытия от противника и пр.; обучались почти каждый вечер и даже во время обеда тут же в помещении этого Совета, обучением руководили старые боевики 1905 года (тт. Пече, Викман, Мачус и др.). Мне помнится, что вскоре т. Пече отозвали работать в Московском штабе при МК, меня и т. Бруна выделили в район, но я все же продолжал заниматься со своей группой моторцев и др. Боевые дружины были и на остальных заводах района, как то: на заводе Михельсон, на заводе Циндель, телефонном и на целом ряде других заводов и фабрик. Однажды вечером, по приходе домой с заседания штаба, тов. Пече (он жил на одной квартире со мной и тогда уже все время находился при МК по организации Красной гвардии) поделился со мной последними новостями. В этот вечер он был в очень возбужденном состоянии, я сразу заметил по его лицу, что в центре что-то происходит; он сообщил, что дела неважны, в Питере наверное что-то началось, белые совсем обнаглели, везде по центральным улицам и на углах задерживают наших ребят, обезоруживают и ведут себя самым вызывающим образом, кое-где проникают на квартиры, так что надо быть на все

готовым, каждый день может что-нибудь произойти. В центре наши очень нерешительны, все ведут какие-то разговоры с эсерами и меньшевиками. Это была последняя ночь, я и Пече почти не спали; на утро все ходили чего-то ожидая, после обеда в центре кое-где были слышны редкие одиночные выстрелы. Вечером собрался штаб Красной гвардии района, мало говорили — не помню о чем. Я предложил разойтись и сейчас же собрать своих гвардейцев, предупредив, что каждую минуту возможно выступление белых. Ночью я остался дежурить в штабе, т. е. на Калужской площади, в здании районного совета (там и был наш штаб). Больше я уже не уходил оттуда на завод, пока не совершился переворот.

М. и А. НЕСТЕРОВЫ.

„Сытинцы" в Октябре.

Помнится вечер — канун начала борьбы за рабочую власть...

Многолюдное собрание районных и центральной городской думы в одном из общественных зал около Сухаревой башни, на котором обсуждался вопрос о передаче власти советам. Во время собрания велись переговоры с Рябцевым, требовавшим в ультимативной форме под угрозой занятия Кремля — отказа от лозунга «Вся власть советам».

Когда мы возвращались оттуда около полуночи, было уже видно, что Рябцев приводит в исполнение свои угрозы — юнкера занимали мосты, ведущие в Замоскворечье.

Но и другая сторона в то же время готовилась к борьбе. На Калужской площади около ревкома толпились рабочие с факелами, спешно вооружаясь, кто — чем попало.

На утро пройти через мосты из Замоскворечья уже не удалось. Первой мыслью было бежать в столовку по Малой Серпуховке, 28, еще до февраля 1917 г. бывшую революционным очагом в Замоскворечье.

Там царило необычайное оживление. Метался князь-Мышкин с кирками и лопатами, Пан — обвешанный бомбами и револьверами набивал карманы патронами, собираясь «стрелять зайчиков», сновали вооруженные рабочие.

Немного позднее здесь же собрались товарищи: Покровский М. Н., Скворцов-Степанов, Бухарин Н. М., Лукин, Бухарина, решившие издавать информационный бюллетень о ходе событий.

Нам было поручено организовать это издание в Сытинской типографии.

Задача эта была не из легких, так как эта типография была в то время оплотом меньшевиков.

В заводском комитете оказался один товарищ — большевик (фамилии припомнить не удается), с которым и была установлена связь.

Из переговоров с завкомом выяснилось его отрицательное отношение к событиям и отказ призвать рабочих к печатанию бюллетеней. Наконец, после долгих препирательств, завком согласился на то, чтобы вынести решение этого вопроса на общее собрание рабочих, уклоняясь не только от руководства этим собранием, но и от извещения о его созыва.

Организацию общего собрания рабочих взял на себя товарищ-большевик из завкома. Собрание привлекло около тысячи человек.

Настроение рабочих определяли меньшевики во главе с Малкиным — членом меньшевистского МК и ЦК. Первым выступил товарищ-большевик из завкома с характеристикой сущности борьбы и призывом рабочих оказать помощь этой борьбе своей работой по печатанию бюллетеней. На это раздавались крики: «вон», «долой», «прекратите бойню», «кровопийцы» и т. п. Затем выступали товарищи Покровский М. Н., Скворцов-Степанов, но их убедительные речи прерывались все время теми же криками и шумом. И только тов. Бухарину Н. И. удалось переломить настроение. Он не убеждал, нет, он только ярко обрисовал рабскую жизнь рабочих у Сытина, их слепое «служение» ему; теперешнее поведение их, как результат «сытинского воспитания». Эта часть его речи вызывала возгласы: «правильно», «верно», а его фраза, что они привыкли «лизать зад» Сытину, вызвавшая одобрительный смех, создала такое настроение у собрания, что оно на призыв тов. Бухарина дало согласие печатать бюллетени.

Тяжелое впечатление мы вынесли от настроения «сытинцев» и оно еще более усилилось, когда на улице встречались рабочие, возвращавшиеся с уличных боев, — измученные, продрогшие, в испачканной уличной грязью одежде.

В то время как одни с винтовкой в руках боролись за рабочую власть, другие, те же рабочие, опутанные сытинско-меньшевистскими сетями, не только не участвовали в борьбе, но не хотели даже оказать ей какую-либо помощь.

Тотчас же началось писание статей для бюллетеня, которые тов. Бухарин писал не только «на бегу», но и «на скаку», в моменты удач изливавший свое бодрое настроение

не только в статьях, но и в угрозах «пооткусать нам всем носы».

Первым был отпечатан декрет о земле на четвертушке (сытинскую бумагу рабочие брали все-таки с осторожностью). Затем началось систематическое печатание информационных бюллетеней.

Работали не только днем, но и ночью, большую часть времени проводя в типографии.

Исполнительный Комитетъ
ЗАМОСКВАРѢЦКАГО РАЙОНА
С.Р. и С.Д.

МОСКВА.
Коровій валъ, д. № 32.
Тел. 81-10.

2 ноября 1917 г.

Боевой приказ.

№ ___ Врагъ сдался. Вся наша условія приняты. Признана власть Совѣтовъ. Условія сдачи прежней стороной оружія выдаваемаго Совѣту на сохраненіе; позиціи не оставлять. Огонь и боевыя дѣйствія прекращаются.

Председатель Б. Ваз

Секретарь Ф. Бодиев

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От редакции. 3
Вместо предисловия. *Абрамов*. 4
Введение. *К. Островитянов*. 5

I ОТДЕЛ. **Замоскворечье в годы царизма.**

1. Воспоминания о революционной борьбе Замоскворецких рабочих в период царизма. *Тихомиров*. 11
2. Нелегальная работа группы социал-демократов большевиков студентов Коммерческого Института. *А. Фокин* 19
3. Воспоминания «столовца». *К. Островитянов* 41

II ОТДЕЛ. **Замоскворечье в период от Февраля к Октябрю.**

1. Замоскворечье от Февраля до Октября. (По воспоминаниям и материалам.) *Е. Герцовская*. 56
2. Почему я не попал в отцы города? *С. Кириллов* . . . 69
3. От Февраля к Октябрю в Замоскворечьи. *Гуревич (Борисов)*. 77

III ОТДЕЛ. **Замоскворечье в Октябрьские дни.**

1. Октябрьское восстание в Замоскворецком районе. *В. Файдыш* 87
2. Октябрьские бои в Замоскворечьи. (По воспоминаниям тт. П. Арутюнянца, Пана и Ф. Смирнова.) 94
3. Отдельные эпизоды октябрьского восстания в Замоскворецком районе. (По воспоминаниям тт. Радина, Прокопенко и Мышкина.) 106

IV ОТДЕЛ. **По фабрикам и заводам Замоскворечья.**

1. Завод «Михельсон» в Февральской и Октябрьской революции. *Н. Куприянов*. 111
2. «Циндель» в дни Октября. *П. Муравьев*. 122
3. Воспоминания о революционных днях на заводе «Красный Факел» (бывш. Густав Лист.) *Трофимов*. 130
4. Варшавский арматурный завод. *Чигарков и Рогинский*. 135

Стр.
5. Завод «Поставщик» в Октябре 1917 года. *Ф. Смирнов*. . 146
6. Центральная трамвайная электрическая станция. *Озеров*. 148
7. Воспоминания об Октябре 1917 года. *Виноградов*. . . 150
8. Из воспоминаний об Октябрьских днях 1917 г. (фабрика бывш. Котова.) *Расков* 152
9. Из истории борьбы рабочих Рязано-Уральской ж. д. *Воропаев*. 154
10. Страничка из Октябрьской революции. (55-й полк в Октябрьские дни.) *Сокол* 159
11. Воспоминания бывшего солдата. *Просвирнин*. 165
12. Даниловский подрайон в Октябрьские дни. Группа участников 169
13. Воспоминания об Октябре 1917 года (фабрика бывш. Т-ва Даниловской Мануфактуры). *Фунтиков*. 172
14. О заводе Мотор. *Викман* 176
15. «Сытинцы» в Октябре. *М. и А. Нестеровы* 178

Библиотека
Института Истории
ВКП(б)

27886

40 коп.